

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

электронный журнал

www.ecsoc.msses.ru

Том 6. № 5. Ноябрь 2005

Главный редактор журнала – **Радаев Вадим Валерьевич**, д. э. н., зав. кафедрой экономической социологии ГУ–ВШЭ, первый проректор ГУ–ВШЭ; профессор Московской Высшей школы социальных и экономических наук.

E-mail: radaev@hse.ru

Ответственный редактор – **Добрякова Мария Сергеевна**, к. социол. н., директор публикационной программы Независимого института социальной политики.

E-mail: dobryakova@socpol.ru

Корректор – **Андреева Елена Евгеньевна**, Издательский дом ГУ–ВШЭ.

Проект осуществляется при поддержке

[Московской Высшей школы социальных и экономических наук](#)

Журнал выходит пять раз в год:

№ 1 – январь,

№ 2 – март,

№ 3 – май,

№ 4 – сентябрь,

№ 5 – ноябрь.

Редакционный совет журнала

Богомолова Т.Ю.	Новосибирский государственный университет
Веселов Ю.В.	Санкт-Петербургский государственный университет
Волков В.В.	ГУ–ВШЭ, Европейский университет в Санкт-Петербурге
Гимпельсон В.Е.	ГУ–ВШЭ
Добрякова М.С. (отв. редактор)	Независимый институт социальной политики
Заславская Т.И.	Московская Высшая школа социальных и экономических наук
Лапин Н.И.	Институт философии РАН
Малева Т.М.	Независимый институт социальной политики
Овчарова Л.Н.	Независимый институт социальной политики
Радаев В.В. (главный редактор)	ГУ–ВШЭ
Рывкина Р.В.	Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Хахулина Л.А.	Аналитический центр Юрия Левады
Чепуренко А.Ю.	ГУ–ВШЭ
Шанин Т.	Московская Высшая школа социальных и экономических наук
Шкаратан О.И.	ГУ–ВШЭ

Содержание

Вступительное слово главного редактора	4
<u>Интервью</u>	
Карло Тригилия (перевод М.С. Добряковой)	6
<u>Новые тексты</u>	
Шабанова М.А. Социоэкономика и экономическая социология: точки размежевания и интеграции.....	12
<u>Новые переводы</u>	
Конвер Б., Хайлброн Й. Откуда появилась новая экономическая социология? [Экономическая социология в США] (перевод М.С. Добряковой).....	28
<u>Взгляд из регионов</u>	
Чеглакова Л.М. Изменения в практиках управления персоналом на российских предприятиях.....	53
<u>Дебютные работы</u>	
Головляницына Е.Б. Стратификационные категории в массовой прессе в 1995–2003 гг.....	69
<u>Профессиональные обзоры</u>	
Забаяев И.В. Православие и хозяйство. Обзор русскоязычных исследований, диссертационных работ, конференций, полемики по основным социально-экономическим доктринам РПЦ, XIX – начало XXI вв.....	108
<u>Новые книги</u>	
Рецензия на книгу: Радаев В.В. Экономическая социология: учебное пособие для вузов (2005) (Е.С. Фидря).....	145
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Социология труда: опыт нового прочтения (2005).....	149
Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Под ред. В.А. Ядова (2005).....	149
Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973). Первая публикация / Сост. и общ. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Латина (2005).....	149
<u>Исследовательские проекты</u>	
Абрамов Р.Н. Экспертная власть менеджеров в современной России: социологический анализ.....	150
<u>Учебные программы</u>	
Надеждина Е.В. Теория и практика рекламной коммуникации.....	154
<u>Конференции</u>	
Международная научная конференция «Планирование реформ и институциональные изменения в России» (19–20 октября 2005 г., Санкт-Петербург)	163
Четвертая научная конференция Независимого института социальной политики «Социальная политика: вызовы XXI века» (8–9 декабря 2005 г., Москва).....	166

VR Вступительное слово главного редактора

Вот и прошло пятилетие журнала. Пользуясь случаем, еще раз хотим поблагодарить всех коллег, кто поздравил нас с этим событием. На презентации было сказано немало лестных слов, которые придают нам сил и одновременно обязывают на будущее. А в качестве подарка мы приготовили праздничный номер журнала (CD-версию), изданный ограниченным тиражом и розданный на презентации в октябре. В этот номер вошли выборочные материалы (по два на каждую рубрику), собранные за весь пятилетний период.

Наш же очередной номер открывается **интервью** с *Карло Тригилией* – ведущим итальянским экономсоциологом, который возглавляет кафедру экономической социологии в университете Флоренции. В 2002 г. была переведена на английский язык его книга «Экономическая социология», впервые появившаяся на итальянском языке четырьмя годами ранее. Напомним также, что мы публиковали наше интервью с Тригилией в журнале (2003. Т. 4. № 3. С. 6–11). Есть возможность сравнить.

В рубрике «**Новые тексты**» мы публикуем подготовленную для нашего журнала статью *М.А. Шабановой* о социоэкономике и экономической социологии, где автор пытается наметить точки их размежевания и интеграции. По существу перед нами (первый из известных нам) обстоятельный обзор данного направления для русскоязычной аудитории.

Мы уже не раз освещали деятельность Международного общества развития социоэкономики (SASE), основателем которого в 1989 г. стал Амитай Этциони. Нами также публиковался текст Этциони «Социоэкономика: дальнейшие шаги» (2002. Т. 3. № 1. С. 65–71). Немногие знают о том, что в 2004 г. семидесятипятилетний Этциони посещал Москву по приглашению Американского посольства в связи с выходом его новой книги. По тому, как была обставлена его встреча в посольстве, я понял, что его воспринимают как важную птицу.

Добавим, что окончание статьи Т.Р. Калимуллина о рынке диссертационных услуг будет опубликовано в следующем, январском номере (начало см.: 2005. Т. 6. № 4. С. 14–38).

Мы перевели и опубликовали уже немало обзоров о состоянии экономической социологии в разных странах. Но преимущественно речь шла о Европе. И парадоксально, но мы никак не могли найти сколь-либо обстоятельного обзора ситуации в США, где экономическая социология сегодня занимает лидирующие позиции. Правда, в журнале (и в хрестоматии «Западная экономическая социология») появлялась знаменитая статья Р. Сведберга «Новая экономическая социология: что сделано и что впереди» (2004. Т. 5. № 4. С. 37–55). Но это был скорее обзор основных направлений новой экономической социологии, возникшей в США, нежели собственно страновой обзор. Наконец, нам удалось найти текст, в котором достаточно скрупулезно прослеживается история возникновения новой экономической социологии в США, сделанный через анализ основных поколений исследователей в привязке к конкретным университетам и исследовательским группам. Он и публикуется в рубрике «**Новые переводы**». Любопытно, что авторами данного материала оказались французы – *Б. Конвер* и *Й. Хайлброн*. Среди многочисленных американских исследователей таких авторов не нашлось. «Сапожник» вновь остается «без сапог».

В журнал поступила статья *Л.М. Чеглаковой* (Самара), которая, на наш взгляд, заслуживает внимания. На основании этнографических наблюдений, дополняемых анализом первичных документов и текстов интервью, автор показывает, как различаются практики управления персоналом в зависимости от целей предприятий. Статья публикуется в рубрике «**Взгляд из регионов**».

В рубрике «**Дебюты**» нас ожидает сокращенный вариант дипломной магистерской работы *Е.Б. Головляницыной*, посвященной проблеме артикуляции стратификационных категорий в массовой прессе в 1995–2003 гг. В работе анализируется использование разных категорий в научных социологических работах и средствах массовой коммуникации. Осуществлен анализ частоты употребления этих категорий и вкладываемых в них значений, в том числе, с

использованием электронной базы «Интегрум». Автору удалось удачно совместить стратификационные и идеологические ракурсы исследования. В результате получено множество интересных наблюдений, касающихся использования (или не использования) определенных терминов в разного типа источниках.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» размещен обзор «Православие и хозяйство». Он посвящен материалам русскоязычных исследований, диссертационных работ, конференций, полемики по основным социально-экономическим доктринам Русской православной церкви за период XIX – начало XXI вв. Автор обзора – аспирант ГУ–ВШЭ *И.В. Забаев*.

В рубрике «**Новые книги**» мы публикуем рецензию *Е.С. Фидри* на новую книгу В.В. Радаева «Экономическая социология» (М.: ГУ–ВШЭ, 2005).

Здесь также содержится информация о двух изданиях, посвященных социологии труда. Первое – вышедшая книга *Ж.Т. Тощенко* «Социология труда: опыт нового прочтения» (М.: Мысль, 2005). Второе – теоретико-прикладной толковый словарь «Социология труда», который готовится к изданию под ред. *В.А. Ядова* (СПб.: Наука, 2005).

Наконец, мы привлекаем внимание к только что вышедшей книге об истории советской индустриальной социологии: Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968—1973) / Сост. и общ. ред. чл.-корр. РАН *Н.И. Лапина*. М.: Academia, 2005.

Уже в течение двух лет ГУ–ВШЭ проводит конкурс внутренних индивидуальных исследовательских грантов. В данном номере в рубрике «**Исследовательские проекты**» мы даем аннотацию проекта одного из победителей данного конкурса 2005 г. *Р.Н. Абрамова*. Проект посвящен социологическому анализу экспертной власти менеджеров в современной России. В нем рассматриваются границы пролиферации экспертного знания через воздействие «экспертной культуры» менеджеров на широкие и специализированный аудитории. Мы и далее будем знакомить Вас с проектами победителей данного конкурса.

В рубрике «**Учебные программы**» мы предлагаем новый вариант программы *Е.В. Надеждиной* «Теория и практика рекламной коммуникации». Курс читается на факультете социологии ГУ–ВШЭ.

Наконец, в рубрике «**Конференции**» мы представляем Международную научную конференцию «Планирование реформ и институциональные изменения в России» (19–20 октября 2005 г., Санкт-Петербург). Это прямое продолжение и выездной вариант ежегодной Международной конференции ГУ–ВШЭ (апрель 2005 г., Москва), посвященной проблематике «выращивания институтов».

Мы также анонсируем Четвертую научную конференцию Независимого института социальной политики «Социальная политика: вызовы XXI века» (8–9 декабря 2005 г., Москва), посвященную пятилетию данного Института. Поздравляем Т.М. Малеву и всех наших коллег!

* * *

А у нас пятилетие уже позади. «Праздники прошли, нас нагнали будни».

Интервью

КАРЛО ТРИГИЛИЯ ОТВЕЧАЕТ НА ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ¹

Перевод М.С. Добряковой

Научное редактирование – В.В. Радаев

Карло Тригилия – ведущий итальянский экономсоциолог. Он возглавляет кафедру экономической социологии в университете Флоренции, преподавал в Гарвардском университете в качестве профессора им. Лауро Де Босиса. Им опубликовано множество работ о региональном развитии Италии. В 2002 г. вышла его известная книга «Экономическая социология: государство, рынок и общество в современном капитализме», которая была переведена на английский².

1. Как случилось, что вы занялись экономической социологией?

Я получил диплом по социологии в 1974 г. в университете Флоренции. В 1970-е гг. итальянская социология была молода и испытывала серьезное влияние марксистских подходов. Тогда началась реакция против первой волны социологических исследований, акцент сместился в пользу эмпирических работ. Я занялся изучением социальных классов в Италии. Таким образом я познакомился с группой молодых социологов, которых интересовали исследования хозяйственных организаций, рынков труда и индустриальных отношений. В основе лежал анализ того, как хозяйство влияет на общество через социальное неравенство и социальные конфликты. Позднее, в конце 1970-х гг. я начал исследование, посвященное развитию малых предприятий в центральных и северо-восточных регионах Италии (так называемой «Третьей Италии»). И тогда мои исследовательские взгляды стали меняться. Первоначально я пытался понять причины столь незначительной распространенности трудовых конфликтов в малых фирмах, однако постепенно мы осознали значение культурных, политических и социальных факторов при формировании более гибкой хозяйственной организации, способной реагировать на рыночные изменения. Иными словами, если вначале экономическая социология являлась для меня инструментом анализа влияния хозяйства на общество, то впоследствии мои интересы сместились к изучению автономной роли культуры и социальных отношений для организации хозяйства. Такому смещению акцентов в сторону более комплексного и внутренне интегрированного подхода к исследованию взаимоотношений между хозяйством и обществом способствовало также чтение работ Макса Вебера – это был важный элемент моего обучения на факультете социологии в университете Флоренции. Позднее я продолжил читать Вебера и участвовал в

¹ *Источник:* Carlo Trigilia answers ten questions about economic sociology // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2005. Vol. 7. No. 1. http://econsoc.mpifg.de/current/7-1art8_print.asp

² *Trigilia C.* Economic Sociology: State, Market, and Society in Modern Capitalism. Oxford; Malden, Mass.: Blackwell, 2002.

подготовке итальянского издания его «Общей экономической истории»³. В моем введении к этой книге вкратце представлены взгляды Вебера на современный капитализм.

2. Назовите, пожалуйста, книги и статьи, которые оказали наибольшее влияние на ваши взгляды в тот начальный период.

Я уже упомянул значение работ Макса Вебера; однако на меня повлияли идеи и других классиков, в первую очередь К. Маркса и К. Поланьи. В 1980-е гг. я участвовал в учреждении нового журнала – «Государство и рынок» [Stato e Mercato]. Это междисциплинарный журнал по вопросам сравнительной политэкономии и экономической социологии; первоначально в его редакционный совет входили американские и европейские политологи, эксперты в области индустриальных отношений и экономсоциологи. В рамках этого проекта я познакомился с исследованиями групп интересов, государственной политики и экономических результатов деятельности. Например, с исследованиями Сюзанны Бергер [Suzanne Berger], Чарльза Майера [Charles Maier], Филиппа Шмиттера [Philippe Schmitter], Герхарда Лембруха [Gerhard Lehmbuch], Колина Крауча [Colin Crouch], Вольфганга Штрека [Wolfgang Streeck] и др. Это был период, когда обсуждались достоинства некорпоративизма по сравнению с более традиционным плюралистическим подходом. Помимо этого, в рамках своего проекта по изучению малых фирм и индустриальных районов я прочитал работу Майкла Пиоре и Чарльза Сейбея о «втором индустриальном переходе» [second industrial divide]⁴. Полезными для меня были и исследования Джакомо Бекаттини [Giacomo Becattini] об индустриальных районах, а также работы Рональда Дора [Ronald Dore] о Японии. Позднее, когда я занялся изучением трансакционных издержек, большое впечатление на меня произвели работы Марка Грановеттера [Mark Granovetter]. Его подход к изучению социальных сетей (а также наработки в данной области Джеймса Коулмана [James Coleman]) помогли мне сформулировать понятие социального капитала, отличное от понятия «гражданственность» [civicness], положенного в основу работы Роберта Патнэма об Италии⁵. Я попытался наложить эту интегрированную схему на изучение локального хозяйственного развития в Италии и Европе.

3. Каковы, на ваш взгляд, ключевые различия между экономической социологией в Европе и США?

В США экономическая социология нацелена в большей степени на микроуровень и в большей степени социологична. Дисциплина там более институционализована на теоретической основе, которую предлагает «новая экономическая социология» в духе Грановеттера. В Европе, как мне кажется, более выражен интерес к макроэкономическим явлениям. Кроме того, здесь данная область испытывает влияние различных традиций, у нее здесь более междисциплинарная основа. В этом отношении я рассматривал бы сравнительную политэкономия (и на микро-, и на макроуровне) как важный элемент европейской экономической социологии. К ней следует также отнести недавние работы о различных моделях капитализма, особенностях и изменениях систем социальной поддержки [welfare]. Однако я должен признать, что ключевые фигуры в данной области не согласны со

³ Weber M. *Storia economica: Linee di una storia universale dell'economia e della società /* Introduzione di Carlo Trigilia, traduzione di Sandro Barbera. Roma: Donzelli, 1993.

⁴ Piore M., Sabel C. *The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity*. L.: Basic Books, 1984.

⁵ Putnam R.D. (with R. Leonardi, R.Y. Nanetti). *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

столь широкой трактовкой экономической социологии. Новая экономическая социология сильно (быть может, слишком сильно?) влияет на восприятие этой дисциплины.

4. Какие наиболее важные направления дискуссий вы бы выделили?

Мне кажется, здесь нет особенно острых дебатов и серьезных противоречий. Конечно, ведутся дискуссии по конкретным темам – например, в сетевом анализе о роли сильных и слабых связей [strong and weak ties]. Однако существуют и менее явные проблемы. Одна из них (она мне кажется особенно важной) связана с противопоставлением структурной теории, основанной на анализе сетей, и нового институционализма. Оба методологических подхода внесли свой вклад в экономическую социологию, благодаря им удалось успешно отразить атаку «экономического империализма», но они существенно различаются трактовкой социального действия. Структуралистский подход тесно связан с теорией рационального действия, в случае же нового институционализма это не так. Данное различие заслуживает более детального обсуждения, так как имеет важные последствия для исследований, а также для диалога с экономистами. Мне также видится опасность в современных направлениях сетевого анализа – тенденция вкладываться в более сложные, изоцированные модели в ущерб изучению острых и важных теоретических проблем. Молодое поколение экономсоциологов занимается разработкой новых методик, и это хорошо. Однако это не должно происходить за счет отказа от важнейших вопросов в изучении хозяйственной организации и хозяйственного поведения. Ведь опираясь именно на этот фундамент, экономическая социология сможет представить объяснения, альтернативные тем, что предлагаются экономистами. Другой важной проблемой, которая так и остается непроговоренной, является роль политических факторов в формировании хозяйственной организации и экономического выбора. Концентрация внимания на сетях на микроуровне ведет к пренебрежению этим аспектом, однако политические институты существенно влияют на хозяйственную организацию и результаты хозяйственной деятельности. Поэтому экономическая социология и сравнительная политэкономика должны быть более тесно связаны между собой, как в классической традиции и особенно в работах Вебера. Излагая свое видение этой дисциплины, я постарался подчеркнуть данный аспект. В своей последней книге Нил Флигстин⁶ также подчеркивает важность этой связи.

5. Какие исследовательские темы в экономической социологии до сих пор не получили достаточного внимания?

Таких тем много. Хорошо изучены промышленные организации и рынки труда. В последнее время началось изучение финансовых рынков, получены интересные результаты. Это направление следует развивать далее, поскольку данная сфера очевидно имеет ключевое значение для функционирования современного капитализма. Другой важной темой является потребление. Экономическая социология могла бы многое сказать в этой области, однако до сих пор ее изучение было оставлено социологам культуры. Лично я считаю важным также изучение локального развития – как опережающего, так и запаздывающего. Изучение этой темы не следует ставить в узкие рамки, как, например, исследования малых фирм и индустриальных районов. Наиболее инновационные виды деятельности укоренены на локальном уровне, однако оперируют на глобальном рынке. При современных формах хозяйственной организации процесс экономических инноваций включает мощную отношенческую компоненту, поэтому его анализ инструментами экономической социологии может оказаться особенно продуктивным.

⁶ Fligstein N. The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies. Princeton: Princeton University Press, 2001.

6. Важно ли для вас установление диалога с экономистами и каковы возможные стратегии для этого?

Конечно, такой диалог важен, поскольку подходы экономистов представляют собой постоянный вызов, отвечая на который, можно совершенствовать исследования в области экономической социологии. Разумеется, не всем экономистам это интересно. Но некоторых все же это привлекает, особенно тех, кто более склонен к эмпирическим исследованиям и тяготеет к институциональным подходам. Чтобы такой диалог был продуктивным, мне кажется, полезно обсуждать конкретные исследовательские проблемы. Экономическая социология должна продемонстрировать, что она в состоянии представить более убедительные объяснения тех или иных явлений, нежели экономическая теория. Это означает, что старая стратегия, которая основана на поверхностной критике разделяемых экономистами общих предпосылок в отношении экономического действия, уже исчерпала свои возможности.

7. Какие страны/города/университеты, на ваш взгляд, в настоящее время играют наибольшую роль в продвижении экономической социологии?

Я не думаю, что какой-то отдельный университет может играть в этом большую роль. Конечно, есть места, где условия для изучения экономической социологии лучше и где ведутся интересные исследования. Но это скорее связано с местом работы отдельных ключевых фигур в данной области. Иными словами, я не могу назвать каких-то настоящих локальных школ. Межстрановые же различия остаются более важными. В этом смысле базовой площадкой для новой экономической социологии являются, конечно же, США. А в Европе среди стран с наиболее благоприятным климатом для занятия экономической социологией я выделил бы Францию, Германию и Италию. Это не означает, что в других европейских странах нет интересных авторов, просто в названных трех странах сформировалось более зрелое восприятие дисциплины, сложился собственный национальный стиль.

8. В прошлом году на конференции на Крите⁷ на пленарном заседании вы представили доклад, озаглавленный «Почему экономическая социология сильнее в теории, чем при построении политики?» Оказывает ли экономическая социология влияние на политику?

Новой экономической социологией предложены работающие объяснения для целого ряда хозяйственных явлений. Это стало важным теоретическим достижением. Однако в новой экономической социологии остается важный, до сих пор недостаточно использованный потенциал формулирования политических рекомендаций. Да, были выявлены слабые стороны основного направления экономической теории, в частности слабости микрофундамента хозяйственного поведения, однако процесс формулирования рекомендаций для обеспечения экономического развития во многом остается под влиянием стандартного экономического мышления. Современная экономическая политика может варьироваться от стратегий *laissez-faire* до централизованного вмешательства государства. При этом оба подхода основаны на одной и той же трактовке хозяйственного поведения, экономическое действие осуществляется эгоистичными, социально атомизированными акторами. Ни в том, ни в другом случае роль социальных отношений и социальных сетей при разработке политики не рассматривается.

9. А какие следствия для реальной политики имеет социальная укорененность хозяйственных организаций?

⁷ Подробнее о конференции см.: Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 150–153.

Можно предположить, что наличие на локальном уровне развитой сети социальных отношений способствует хозяйственной активности и развитию. Такая сеть может быть полезной при решении проблем сотрудничества, вызванных недостаточными информированностью и доверием; она может пригодиться и для построения хороших отношений между руководителями организационных структур, и тем самым улучшить условия производства коллективных благ. Если удастся подтвердить эти предположения, мы получим важные составляющие для построения новых стратегий, выходящих за пределы старой дихотомии «рынок – государство», предлагая взаимодействие между индивидуальными акторами (фирмами и работниками) и коллективными акторами (местными правительствами и организованными группами интересов), – иными словами, стратегий, которые вели бы к производству качественного социального капитала. Важные шаги в этом направлении предприняты Питером Эвансом [Peter Evans]. Мне кажется, дальнейшее развитие здесь потребует большего внимания к изучению локального развития и инноваций, а также роли политики (вследствие чего станут более тесными связи и со сравнительной политэкономией). Я полагаю, следует перенести акцент с исследования организационного разнообразия на исследование результатов деятельности организации, а также больше инвестировать в сравнительные исследования отдельных примеров локального развития. Сюда могут входить динамично развивающиеся города, области с запаздывающим развитием и переживающие новый скачок роста, либо локальные системы инноваций – такие, как новые районы, где развиваются высокие технологии.

10. Считаете ли вы, что экономсоциологам следует стремиться оказывать большее влияние на политические решения?

Я не думаю, что такой интерес широко распространен, к этому более склонны авторы, занимающиеся сравнительной политэкономией. Однако я надеюсь, что постепенно осознание политических последствий наработок в области экономической социологии будет расти, особенно среди более молодых исследователей. В любом случае, мое представление о социальных науках основано на идее о том, что им следует вносить активный вклад в процесс рефлексивного реконструирования общества, – как это подчеркивает в своей последней книге Джеймс Коулман.

Основные работы К. Тригилия

Trigilia C. Economic Sociology: State, Market, and Society in Modern Capitalism. Oxford; Malden, Mass.: Blackwell, 2002.

Trigilia C. Sociologia economica. Bologna: Il Mulino, 1998.

Trigilia C. Italy: The Political Economy of a Regionalized Capitalism // South European Society and Politics. 1997. Vol. 3. P. 52–79.

Trigilia C. Dinamismo privato e disordine pubblico. Politica, economia e società locali // Storia dell'Italia Repubblicana. Vol. II. T. I. Torino: Einaudi, 1996.

Trigilia C. (ed.). Cultura e sviluppo: l'associazionismo nel Mezzogiorno. Catanzaro: Meridiana libri, 1995.

Trigilia C. Sviluppo senza autonomia. Effetti perversi delle politiche nel Mezzogiorno. Bologna: Il Mulino, 1992.

Trigilia C. Grandi partiti e piccole imprese: comunisti e democristiani nelle regioni a economia diffusa. Bologna: Il Mulino, 1986.

Crouch C., Trigilia C., Le Galès P., Voelzkov H. Local Production Systems in Europe: Rise or Demise? Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2001.

- Bagnasco A., Trigilia C.* La construction sociale du marché: le défi de la troisième Italie / Transl. from Italian by T. Berthet, C. Marengo. Paris: Éditions de l'ENS, 1993.
- Bagnasco A., Trigilia C.* (eds.). Società e politica nelle aree di piccola impresa: il caso della Valdelsa. Milano: F. Angeli, 1985.
- Trigilia C.* et al. Il Sistema politico locale: istituzioni e società in una regione rossa / Ed. by M. Fedele. Bari: De Donato, 1983.
- Bagnasco A., Messori M., Trigilia C.* Le problematiche dello sviluppo italiano. Milano: Feltrinelli economica, 1978.

Новые тексты

VR Мы публикуем подготовленную для нашего журнала статью М.А. Шабановой о социоэкономике и экономической социологии, где автор пытается наметить точки их размежевания и интеграции. По существу перед нами (первый из известных нам) обстоятельный обзор данного направления для русскоязычной аудитории.

СОЦИОЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ТОЧКИ РАЗМЕЖЕВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ*

Шабанова Марина Андриановна

д.э.н., профессор кафедры социально-экономических систем и
социальной политики ГУ–ВШЭ

Email: mshabanova@hse.ru

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось на Западе стремительным развитием *социоэкономики*. В 1989 г. в Гарвардской школе бизнеса было учреждено Международное общество развития социоэкономики (SASE)¹, основателем которого стал Амитаи Этциони. Общество объединило под своим крылом ученых, работающих на стыке экономики и других общественных наук: социологии, психологии, политической науки, права, философии, истории и др. Число участников SASE постоянно растет, а география – расширяется: в настоящее время представители этого общества работают в 50 странах мира, ежегодно собираются на конференции; издается два журнала социоэкономики². Столь стремительное развитие социоэкономики за рубежом означает, что, во-первых, в ней есть острая *потребность* (научная, практическая или и та, и другая), а во-вторых, для ее развития сложились определенные *предпосылки*. Вместе с тем иногда говорят, что социоэкономика – удел развитых в рыночном отношении стран, а применительно к России для нее нет места ни в науке, ни в образовании. Так что же это за потребность и что это за предпосылки? Есть ли они в сегодняшней России и в других посткоммунистических обществах?

Не менее важен вопрос и о том, насколько полно социоэкономика в версии SASE отвечает на социальный и научный запросы. Ведь за полтора десятка лет ее содержательное ядро обрело достаточно четкие контуры, чтобы можно было оценить его со стороны. Исчерпывается ли интерпретационный потенциал социоэкономики ее современным наполнением? Если нет, то чего, собственно, не хватает? Может ли социоэкономика в случае восполнения этого недостатка претендовать на статус новой *науки* или «предел ее мечтаний» – оставаться *парадигмой* анализа экономических процессов, исходящей из важности учета воздействия на них самых разных неэкономических переменных?

Если принять во внимание современное состояние социоэкономического знания, то поиск ответов на все эти вопросы неизбежно приводит к необходимости осмысления соотношения социоэкономики не только и даже не столько с экономическими науками (чем чаще всего

* Работа выполнена при поддержке Научного фонда Государственного университета – Высшей школы экономики (индивидуальный исследовательский грант «Рынок и “нерыночное” общество: проблема встраивания», 2005 г.).

¹ International Society for the Advancement of Socio-Economics (SASE). Подробнее см.: <http://www.sase.org/aboutsase/aboutsase.html>

² «Журнал социоэкономики» (Journal of Socio-Economics) и «Социоэкономическое обозрение» (Socio-Economic Review).

ограничиваются теоретики SASE), сколько с давно занявшей прочные позиции в системе научного знания экономической социологией.

I. Социэкономика в версии SASE и экономическая социология

Социэкономика в версии SASE чаще всего позиционируется как *парадигма* и, судя по ее основам, обозначенным в хорошо известной «платформе-минимум» SASE [Этциони 2002 (1991)] и получившим некоторое уточнение в недавней статье основоположника этого общества А. Этциони [Etzioni 2003], соотносится с экономической социологией как *целое с его частью*. Что это за часть, хорошо видно из основных позиций, на которых базируется SASE, равно как из *реального* состояния современного социэкономического знания. К числу наиболее важных, с моей точки зрения, можно отнести три черты социэкономики в версии SASE.

1. Междисциплинарность как основа методологических позиций. Прежде всего необходимо иметь в виду тот смысл, который вкладывается в термин (приставку) «социо-» в слове «социэкономика». Он олицетворяет не «социологию», как может показаться, если исходить из привычных аналогий (например, «биофизика», «биохимия» и др.), и следовательно, не означает изучения аппаратом и методами социологии экономических процессов и отношений. За термином «социо-» в данном случае стоит целый комплекс общественных дисциплин, изучающих взаимоотношение между экономикой и обществом [Etzioni 2003: 109]. Наряду с социологией, среди них: психология, антропология, история, политическая наука, право и др.

Причем, по мнению А. Этциони, причинно-следственные связи между экономическими и неэкономическими переменными в социэкономическом предметном поле таковы: зависимая переменная – всегда экономическая, а *независимые* переменные включают по меньшей мере *одну неэкономическую и одну экономическую переменную*. «Так, если в нашем исследовании, – отмечает А. Этциони, – уровень производительности труда является зависимой переменной, то среди независимых переменных могут быть удельная доля капитала на одного рабочего, уровень оплаты труда и другие экономические переменные. Однако необходимо также включить и хотя бы одну переменную из другой социальной науки (например, степень приверженности трудовой этике). Без такого рода переменной наши построения не выйдут за рамки экономической теории. Аналогично, если все независимые переменные – неэкономические (например, учитывается приверженность трудовой этике, уровень самооценки, размер социальных групп в процессе труда), то мы имеем дело с социологическими, психологическими или социально-психологическими построениями, но не с социэкономикой» [Этциони 2002]. Отсюда, в частности, можно заключить, что *обратное* воздействие экономики на социальные процессы оказывается без видимых на то оснований (но об этом чуть позже) вне поля зрения социэкономики в версии SASE.

В последнее время допускается ослабление и этого требования. В качестве зависимых переменных остаются переменные экономические, а круг независимых переменных может ограничиваться сугубо социальными. Являются ли иностранные рабочие менее производительными? Воздействует ли лоббирование на уровень цен и если да, то в какой степени? Каковы социальные и политические условия ускорения экономического роста? – вот типичные вопросы, интересующие социэкономистов [Etzioni 2003: 109].

2. Основных содержательных предпосылок две. Одна касается макроуровня анализа проблемы, другая – микроуровня.

А. На макроуровне социэкономика исходит из того, что экономика не является замкнутой на себя системой, она погружена в общество, его культуру, систему властных отношений и др. Это,

конечно, не означает, что социэкономисты начисто лишают хозяйственную систему автономности и собственной логики развития. Но они находят, что думать об экономике как о самоподдерживающейся, свободно формирующейся системе также непродуктивно. Многое из того, что происходит в хозяйственной системе, может быть лучше объяснено «внешними» по отношению к ней феноменами (например, исследованная М. Вебером роль протестантской этики в развитии капитализма) [Etzioni 2003: 110; *What is Socio-Economics?..*]. Конкуренция одновременно и стимулируется, и ограничивается социальным контекстом (ценностями, властными отношениями, социальными сетями и др.); она укоренена в нем. Индивидуальные (эгоистические) интересы автоматически не ведут к гармонии; для того чтобы рынок функционировал эффективно, нужны социетальные источники порядка [*What is Socio-Economics?..*]

Б. На микроуровне предполагается, что индивидуальный выбор формируется не только под воздействием рационального личного интереса, но и под воздействием эмоций, моральных ограничений, социальных обязательств и ожиданий, веры, знания и др. Иными словами, отсутствует априорная посылка о том, что люди исключительно или в значительной степени заняты преследованием эгоистических интересов или поиском удовольствий [Satin 2000; Этциони 2002]. Так, соблюдать (или не соблюдать) налоговое законодательство западных предпринимателей побуждает не только боязнь правовых санкций, но и угроза социального неодобрения, моральные обязательства. Напротив, у многих российских предпринимателей, как мы знаем, неуплата налогов превратилась в своеобразный кодекс чести («государство сильнее, а бизнес – хитрее»), неуплата налогов осуждается слабо или не осуждается совсем. Уровень текучести рабочей силы определяется не только экономическими факторами (перспективами роста заработной платы и др.), но и личной приверженностью фирме [Этциони 2002]. Многие компании ставят на первое место безопасность потребителей даже тогда, когда несут большие экономические потери, в то время как многие другие компании так не делают [Де Джордж 2001: 18–19].

Социэкономика исходит из того, что экономическим акторам присущи как эгоистические стремления (к достижению удовольствий, реализации своего личного интереса), так и стремления, движимые культурными нормами, включая моральные обязательства. Эти стремления (цели) могут находиться в конфликте друг с другом, что приводит к самым разнообразным поведенческим последствиям: бездействию акторов; стрессам и нарушению их способностей принимать рациональные решения; появлению чувства вины и развитию разного рода защитных механизмов и др. Важно то, что на поведение людей влияют как эгоистические стремления, так и культурные предписания. Причем чем больше индивиды склонны заботиться о своих эгоистических интересах (удовольствиях), т.е. чем менее они «культурно и морально обременены», тем с меньшей вероятностью в изменившихся обстоятельствах они придерживаются прежних, ставших менее выгодными моделей поведения. И напротив, чем в большей степени люди находятся под «бременем» моральных обязательств, тем в большей степени они сохраняют прежние модели поведения в изменившихся (ставших менее выгодными для достижения эгоистических целей) обстоятельствах. Ценностные ориентации экономических акторов, разделяемые ими культурные и моральные нормы ограничивают спектр выбора как целей, так и средств их достижения [Etzioni 2003: 115].

Кроме того, социэкономика принимает во внимание и тот факт, что многие выборы в экономической сфере базируются на эмоциях. Эмоции могут прерывать разумные размышления или даже вообще отключать рассудок; они могут существенно ограничивать принимаемый во внимание спектр выбора и др. Конечно, выбор, который делается на основе эмоций, не обязательно неэффективен [Etzioni 2003: 115–116]. Тем не менее будем иметь в виду, что активно развивающееся в современной психологии направление – психология влияния – содержит огромное множество доказательств неэффективных выборов в экономической сфере, совершенных на основе эмоций. Хорошей иллюстрацией может служить поведение людей в условиях дефицита. Оно прекрасно известно не только советским гражданам, но и, как показывают исследования психологов, широко распространено в повседневных практиках экономических акторов повсюду, включая самые развитые страны.

«Когда мы видим, что нечто из того, что нам нужно, становится менее доступным, мы начинаем ощущать физическое возбуждение. Нас переполняют эмоции, кровь закипает, сознание затемняется, особенно тогда, когда мы имеем дело с конкурентами. Когда нас захлестывает поток чувств, рациональное начало отступает на второй план. Когда мы возбуждены, нам трудно сохранять спокойствие и анализировать ситуацию... познавательные процессы оказываются подавленными эмоциональной реакцией на дефицит» [Чалдини 1999: 239]. В результате люди часто становятся мишенью разного рода дельцов, обладателями ненужных товаров, «подписок на журналы или билетов на бал санитарных работников» и др.

Наконец, приверженцы социоэкономической парадигмы совершенно справедливо подчеркивают *лимитирующую роль знаний* в большой части индивидуальных решений, ограниченность интеллектуальных способностей людей и, как следствие – их несовершенство в качестве лиц, принимающих решения на рынке [Etzioni 2003: 115–116]. Лимитирующая роль знаний имеет место, разумеется, в любых условиях, но особо велика ее значимость в периоды кардинальных общественных преобразований. Не случайно опытные реформаторы придают большое значение просветительским вопросам при проведении экономических реформ. Так, по признанию Людвиг Эрхарда, при реализации своей программы перехода от принудительно направляемого хозяйства к рыночному в послевоенной Германии он «посвящал многие месяцы тому, чтобы добиться правильного понимания населением экономического положения и целей экономической политики»; постоянно разъяснял населению на конкретных жизненных примерах внутренние законы рыночного хозяйства, будь то антикартельная политика или взаимосвязи между ростом цен и заработной платы или что-то еще («Я буквально изъездил всю страну, чтобы разъяснить эти элементарные истины даже самым простодушным людям») [Эрхард 1991: 254]. И, разумеется, он постоянно следил за реакцией населения на различные явления хозяйственной жизни, учитывая эту реакцию в своей политико-экономической деятельности.

Иная стратегия реализации реформ, как известно, была выбрана в России. Реформаторы исходили из того, что главное – осуществить преобразования в экономической сфере, а уж люди как-нибудь к ним приспособятся. В результате большие группы людей, которые социализировались в иных условиях (когда востребовались другие личные качества, усваивались иные способы решения проблем) и которые никогда не бывали за рубежом, зная об обществе с «рынком и демократией» лишь понаслышке или не зная о нем вообще ничего, столкнулись с множеством ранее неведомых вопросов и необходимостью принимать «сильные» решения в незнакомом жизненном пространстве: что делать с ваучерами, акциями, паями; в какой валюте и в каких банках хранить сбережения; менять ли профессию или переждать трудные времена; как выбирать деловых партнеров, кому можно доверять, а кому нельзя; и т.д. Одни прислушивались к тому, что скажет руководитель (как он посоветует распорядиться акциями, паями – так и поступали), другие доверяли частным банкам, фондам, а потом, лишившись своих сбережений, искали защиты у государства; третьи – поменяв профессию и сферу занятости, также осваивали новое пространство методом проб и ошибок.

Итак, констатируем: в содержательном смысле социоэкономическую парадигму отличает представление о том, что экономическое поведение охватывает *всего* человека (микроуровень), а хозяйственная система не является автономной от общества (макроуровень). Эти предпосылки представляются вполне обоснованными и, как мы пытались показать, находят множество эмпирических подтверждений в самых разных науках (социологии, психологии, экономической теории и др.). По существу, они и определяют интерпретационный потенциал социоэкономики как парадигмы в версии SASE.

3. «Социоэкономика является одновременно позитивной и нормативной наукой.

Иными словами, она не выдает себя за сугубо позитивную науку, а открыто говорит о своей причастности к политике и стремится осознавать нормативные последствия своей работы» [Этциони 2002]. Действительно, благодаря своему подходу социоэкономика позволяет не только более глубоко осмыслить экономические проблемы, но и предложить возможные

пути их решения, которые часто предопределяются более широким социальным контекстом. Ярким тому подтверждением является хорошо известная из теории проблема так называемых *провалов рынка* [market failures], т.е. тех самых случаев, когда рынок не в состоянии выявить (учесть) общественные предпочтения, и в ряде важных сфер жизнедеятельности общества оказываются востребованными и абсолютно необходимыми *нерыночные* способы формирования групповых (в том числе общественных) интересов³. Без знания последних нельзя разработать адекватную экономическую политику, выбрать стратегию экономического развития страны. Конкретный пример – социальная экспертиза последствий введения платных услуг в ранее «бесплатных» сферах (здравоохранении, образовании), выявление возникающих здесь напряжений, поиск компромиссов. Во всех этих случаях необходимо учитывать не только экономические, но и социальные, этические аспекты: представления о социально справедливом доступе к получению образования, медицинских услуг, внешние эффекты и др. Так, вакцинация предотвращает инфекционные заболевания, а стационарное лечение больных туберкулезом или психиатрическими заболеваниями приносит пользу не только их потребителям, но и другим членам общества. Эти и другие особенности экономических отношений в социальной сфере нельзя не принимать во внимание при рассмотрении вопросов о введении *индивидуальной* оплаты соответствующих услуг⁴.

* * *

Таковы, на мой взгляд, три основных позиции, которые характеризуют суть социоэкономической парадигмы, развиваемой SASE⁵.

Нетрудно очертить отличие социоэкономики в версии SASE от *неоклассической* экономической теории, однако при этом исчезает (о чем, как правило, умалчивается) ее отличие от *экономической социологии* и *экономической психологии*. В самом деле, социоэкономистов от неоклассиков отличает иное представление:

(1) об акторе (отказ от «методологического индивидуализма» в пользу концепции «актора-во-взаимодействии»);

(2) о рациональности экономического действия, его факторах и ограничениях (рациональность – не данность, а переменная; экономическое действие есть действие *социальное*; существует несколько типов экономических действий в зависимости от присутствия в их мотивации рационального [Вебер 1990: 625–630]; на экономическое поведение влияют не только предпочтения и экономические ресурсы акторов, но и социоструктурные и культурные факторы, весь комплекс ролей, которые играет индивид);

(3) о соотношении хозяйства и общества (при анализе хозяйства общество не есть некая данность; хозяйство – составная часть общества, находящаяся с ним в тесном взаимодействии) и др.

Однако все эти отличительные черты присущи и экономической социологии [см., например: Смелсер, Сведберг 2003]. Расширение круга рассматриваемых аспектов за счет психологических или иных переменных (эмоций, особенностей восприятия и др.) придает социоэкономике статус не *самостоятельной* науки, а своеобразной «междисциплинарной

³ Блестящий анализ провалов рынка см.: [Некипелов 2003].

⁴ Пожалуй, самая большая и наиболее информативная работа об особенностях экономических отношений в здравоохранении, образовании и других отраслях социальной сферы выполнена С.В. Шишкиным. См., например: [Шишкин 2003: 40–49, 103–112].

⁵ Более детальное изложение ключевых принципов социоэкономической парадигмы см.: [Etzioni 2003: 115–117].

крыши» для ряда социальных наук (прежде всего – экономической социологии и экономической психологии), которые изучают экономические процессы *своими* методами.

Аналогичные выводы можно сделать, сравнивая социоэкономический анализ с *неоинституциональным*. У обоих подходов есть общие содержательные предпосылки, и не случайно в последние годы неоинституционалисты также пытаются привлечь в свои ряды представителей других общественных наук и стимулировать междисциплинарные исследования экономических процессов и поведения⁶. То новое, что может привнести социоэкономика в анализ институтов, на мой взгляд, также связано с потенциалом собственно *социологического* подхода. Прежде всего я имею в виду иное понимание институтов (различение норм и институтов, которое не всегда делают экономисты; разграничение между институтами и экономическими *практиками*; «укрупненный» взгляд на институты, которые всегда удовлетворяют какую-нибудь важную потребность *общества*, т.е. не сводятся к специфическим потребностям индивида, вроде «мытья рук перед едой», и др.), а также принципиально иной набор средств институционального анализа, который связан с широким использованием теорий ролей и статусов.

Так как же соотносится социоэкономика в версии SASE с экономической социологией? Как можно заключить из декларируемых SASE принципов, в настоящее время социоэкономика (в отличие от экономической социологии) представляет собой не самостоятельную науку со своим предметом и методом, как порой утверждается, а широкую область *междисциплинарных* исследований закономерностей экономической жизни с помощью аппаратов (категорий, методов) соответствующих общественных наук. Другое ее отличие от экономической социологии – в акцентировании особо важной роли коллективности («мы») и моральности в поведении индивидов, в более пристальном внимании к обобщенной деловой этике и морали. Именно эти различия в методах и содержательных акцентах позволяют рассматривать социоэкономику и экономическую социологию в отношении *целое – часть целого*.

Более того, пожалуй, не будет преувеличением акцентировать особую значимость этой «части целого», а именно: в современном социоэкономическом знании экономическая социология играет *ключевую* роль. В самом деле, именно из экономической социологии теоретики социоэкономики почерпнули основные содержательные предпосылки своей парадигмы (как макро-, так и микроуровня); и именно к ней они чаще всего обращаются в поисках эмпирических обоснований своих ключевых принципов. Более слабая роль остальных наук в формировании социоэкономического знания пока не дает заметным образом проявиться преимуществам междисциплинарности; не случайно уже высказывается мнение о том, что социоэкономика в версии SASE в том виде, в каком она развивается сегодня, мало отличается от экономической социологии (и практически не отличается от экономической социологии вкуче с экономической психологией).

Так или иначе, социоэкономика в версии SASE, несомненно, представляет собой перспективную и востребованную практикой *парадигму*, продуктивный способ осмысления экономических аспектов жизнедеятельности. Но исчерпывает ли она своими ключевыми принципами потенциал экономической социологии, да и экономической теории, с которой призывает интегрироваться другие общественные науки? Чего, собственно, не хватает, в том числе для осмысления проблем, с которыми сталкиваются трансформирующиеся экономики и общества?

⁶ Так, с 1997 г. действует Международное общество новой институциональной экономики (International Society for New Institutional Economics – ISNIE); подробнее см.: <http://www.isnie.org/>. Кроме того, экономисты создали Общество развития поведенческой экономики (Society for the Advancement of Behavioral Economics – SABE); подробнее см.: <http://www.usask.ca/economics/SABE/>.

II. Ограничения социоэкономической парадигмы в версии SASE: несколько критических соображений

Поскольку эта парадигма находится в стадии становления и активно обсуждается научным сообществом [см., например: Piore 2003; Wrong 2003; Streeck 2003; Hollingsworth 2003; Abell 2003; Swedberg 1997], обозначу те ее характеристики, которые, на мой взгляд, сужают объяснительные и предсказательные возможности социоэкономической парадигмы, но пока не стали предметом дискуссий.

1. Необоснованно не принимается во внимание *обратное* воздействие экономических переменных на неэкономические, что сильно отрывает такой подход от познания *реальных* взаимосвязей и закономерностей функционирования и развития экономики и общества на разных уровнях социальной реальности – макро-, мезо- и микро.

2. Спектр *независимых* переменных постепенно сужается за счет исключения (хотя, скорее, и вынужденного) экономических переменных. В настоящее время вполне допускается ситуация, когда зависимая переменная – экономическая, а *все* независимые переменные – неэкономические [Etzioni 2003: 109]. Споры нет, акцентирование того, что среди независимых переменных должна быть хотя бы одна неэкономическая и хотя бы одна экономическая переменная, не выглядело убедительным. И, в принципе, отступление от этого требования вполне оправдано, коль скоро основой методологических позиций объявляется междисциплинарность. Однако столь же неубедительно и сужение круга независимых переменных до неэкономических.

Весьма вероятно, что за этими изменениями скрывается одна серьезная проблема, которая в будущем может весьма неблагоприятным образом сказаться на объяснительном и предсказательном потенциале социоэкономической парадигмы. Это – более слабая готовность экономистов к сотрудничеству с представителями других общественных наук из-за недостаточного осознания первыми необходимости и плодотворности такой интеграции для осмысления многих важных закономерностей и феноменов хозяйственной жизни. Вслед за Й. Шумпетером многие экономисты, по-видимому, до сих пор опасаются того, что такое сотрудничество не принесет «чистой» выгоды, ибо повлечет за собой утрату преимуществ узкой специализации, и солидаризируются с мнением о том, что такое «перекрестное опыление» легко может привести к «перекрестной стерилизации» [Шумпетер 2001: 32]. Между тем одновременная работа с экономическими и неэкономическими переменными как *независимыми* под силу в первую очередь экономистам. И именно они могли бы существенно продвинуть социоэкономическую парадигму за счет формализации исследуемых зависимостей, поиска приемов измерения неэкономических переменных и их инкорпорирования в экономический анализ. Ведь тот факт, что SASE декларирует свою платформу, обращаясь к термину «*переменные*», свидетельствует о первоначальной установке на *измерение*. Хотя, насколько можно судить по публикациям SASE, эта установка реализуется нечасто⁷.

3. Социоэкономическая парадигма в ее современной версии совершенно справедливо важное место отводит моральным обязательствам, социальным ожиданиям и властным отношениям, которые влияют на поведение экономических акторов. При этом много говорится о роли моральности, немало – о силе социальных связей между индивидами, влиянии на их поведение групповых норм; реже, но все же говорится о более мощном воздействии на экономическое поведение государства и крупных корпораций, по сравнению с другими участниками рынка [Etzioni 2003: 110–117]. Между тем представляется необходимым акцентировать и то (о чем экономическая социология, кстати, никогда не забывает), что разные (в том числе и массовые, рядовые) экономические акторы различаются не только

⁷ Вероятно, в значительной степени в силу этих двух причин нарушился первоначально провозглашавшийся баланс между *индуктивными* и *дедуктивными* методологическими установками в пользу первых.

ценностными ориентациями, разделяемыми культурными и моральными нормами, но и *масштабами и структурой имеющихся у них и доступных им ресурсов*. Поскольку в хозяйственной сфере действует человек во всех его ипостасях, то, наряду с экономическими и культурно-профессиональными ресурсами, которыми он располагает, на его экономическое поведение оказывает воздействие наличие/отсутствие у него и многих других ресурсов: политических, административных, силовых, социальных (в том числе статусных) и др.⁸ Причем уровень социального статуса индивидов в значительной степени определяет масштабы как конструктивного, так и деструктивного их вклада в функционирование хозяйственной системы. Достаточно сравнить, например, мелкое воровство представителей социального дна (как способ физического выживания бездомных, беспризорников) и противоречащие целям экономических реформ гигантские финансовые аферы крупных чиновников (как способ обогащения верхних слоев за счет остального общества) [Заславская 2004: 273]. Значительно различается ресурсный потенциал жителей малых сел и столиц, представителей трудоизбыточных и трудонедостаточных регионов, мужчин и женщин, молодых и пожилых, высоко- и малообразованных и пр.

Итак, констатируем. Продуктивность интеграции экономики с другими общественными науками в осмыслении ряда важнейших проблем и процессов экономического и общественного развития не вызывает сомнения. Однако потенциал такой интеграции, как мы пытались показать, социэкономика в версии SASE далеко не исчерпывает. Одно из важнейших направлений расширения интерпретационных возможностей социэкономической парадигмы видится в формировании на ее основе (и наряду с ней) социэкономике как *самостоятельной науки*. Но если речь идет о новой науке, то каковы ее предмет и метод? Каково ее особое место в системе научного знания – и прежде всего: каково ее соотношение с экономической социологией? Наконец, есть ли в этой науке практическая потребность?

III. Социэкономика как наука и экономическая социология

Социэкономика сможет занять статус самостоятельной науки тогда и только тогда, когда обоснует отличие своего предмета и метода от других наук, имеющих тот же объект, и в первую очередь – от *экономической социологии*.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу неточностей в наименованиях тех или иных наук (например, социэкономикой, если держаться собственно за термин, следовало бы называть науку, которая изучает экономические явления и процессы с помощью социологического подхода и ныне именуется экономической социологией; в то время как последняя, напротив, должна была бы олицетворять науку, изучающую общество, социальные явления и процессы методами экономической науки), будем исходить из сложившейся (и отличной от естественных наук) терминологической традиции.

В условиях постоянного усложнения общественной и хозяйственной жизни, ускорения темпов изменений, увеличения потерь от неучтенных взаимосвязей между социальными и экономическими аспектами функционирования и развития хозяйственных единиц и социума (на всех уровнях социальной реальности: макро-, мезо- и микро-) растет потребность в специальной науке, которая, используя аппарат *экономической* теории, оценивала бы *с точки зрения соотношения затрат и результатов* взаимосвязь между экономикой и обществом на самых разных уровнях. Попробуем дать определение нашей версии социэкономике как отличной от экономической социологии науки⁹.

⁸ О классификации ресурсов социальных акторов см.: [Заславская 2004: 389–390].

⁹ Автор выражает признательность акад. РАН Т.И. Заславской за ценные соображения, которые были высказаны в ходе неоднократных обсуждений и дискуссий по этому вопросу.

Социоэкономика изучает на разных уровнях социальной реальности (макро-, мезо-, микро-) 1) *экономические* аспекты воспроизводства *социума* и 2) *социальные* аспекты воспроизводства *экономики* 3) в их взаимосвязи и взаимообусловленности 4) на основе оценки соотношения затрат и результатов (последствий) деятельности акторов разных уровней. Иными словами, в центре внимания *социоэкономики* – не односторонняя, а взаимная связь между экономикой и обществом, экономическими и социальными аспектами воспроизводства (функционирования и развития) хозяйственных единиц и акторов разных уровней. При этом широта и глубина *социологического* подхода к изучению этой взаимосвязи (вклад экономической социологии) дополняется более точными оценками и более высокими предсказательными возможностями *экономического* подхода – стремлением соизмерять производимые затраты с достигаемыми результатами (в том числе и в более или менее отдаленной перспективе), оптимизировать соотношение выгод и издержек на основе сравнения альтернативных способов использования ограниченных ресурсов. Рассмотрим основные аспекты данной версии *социоэкономики* более подробно.

1. *Экономические аспекты воспроизводства социума*. Экономика (хозяйственная система), развитая до определенного уровня, «поставляет» ресурсы для существования и развития социума и его членов. Разумеется, современные хозяйственные системы существенно различаются по этому основанию. Социальным достижением слабо развитых экономик может стать массовое снижение голода, смертности от простейших заболеваний, в то время как высокоразвитые хозяйственные системы позволяют обществу и его членам ставить и решать принципиально иные задачи: рост образовательного потенциала, продолжительности и качества жизни массовых групп населения, улучшение жилищных условий, насыщение рынка передовыми товарами длительного пользования, и др. Кроме того, даже скудные ресурсы можно распределить по-разному, с разными ограничениями и возможностями для воспроизводства социума и его отдельных групп. Например, макроакторы могут реализовывать курс на сокращение государственных расходов на науку, здравоохранение, образование на фоне сохранения (увеличения) расходов на содержание многочисленного аппарата чиновников, как это происходит в современной России, а могут – активно использовать налоговую систему для смягчения социальной дифференциации, как это делается, скажем, в скандинавских странах. Что касается мезоуровня, то власти богатых и бедных регионов реализуют разную политику на рынке медицинских услуг, так что жители более бедных регионов относительно чаще и больше платят за медицинские услуги – причем как формально, так и неформально [Шишкин 2003а: 109], что, разумеется, со временем скажется на региональных различиях в уровне здоровья и иных особенностях социального воспроизводства. Эффективная с экономической точки зрения практика (например, продажа наркотиков, свертывание государственной поддержки развития малых сел и др.) может вести к весьма неблагоприятным социальным последствиям. Наконец, микроакторы с разным экономическим статусом реализуют разные модели демографического, образовательного, потребительского, правового и протестного поведения. Так, у бедных, низкодоходных слоев относительно чаще нарушаются трудовые права, они менее активно их защищают и существенно уступают другим слоям по успешности правозащитного поведения [Заславская, Шабанова 2002: 11–12].

Словом, говоря о важности изучения экономических аспектов социального воспроизводства, будем исходить из того, что:

- а) экономические факторы и ограничения играют важнейшую роль в функционировании, развитии и деградации обществ, отдельных социальных общностей и групп (в частности, в современной России богатство, наряду с властью, в решающей степени определяет успешность продвижения индивидов на всех остальных осях социальной стратификации);
- б) при данном уровне национального богатства экономические ограничения социального воспроизводства могут быть разными (сказывается структура бюджетных расходов, соблюдение «социальной меры» в линии на «минимизацию государства», уровень социальной ответственности бизнеса и др.).

2. *Социальные аспекты воспроизводства экономики.* Имеющийся в обществе человеческий потенциал (включая уровень образования, квалификации, здоровья, особенности деловой культуры и правосознания, деловую активность и пр.), в свою очередь, в значительной степени задает характер и пределы экономического воспроизводства в следующий момент времени. Каждый экономический актор (макро-, мезо- и микроуровня) имеет определенные интересы и ресурсы, а также обладает определенной *свободой выбора* экономического поведения. Функционирование и развитие экономики как результат устойчивого взаимодействия акторов самых разных уровней активно изучает экономическая социология [Заславская, Рывкина 1984, 1991; Радаев 1997]. Отличие социэкономии в данном случае видится в том, что она стремится дать *экономическую* оценку последствий такого рода поведения и взаимодействий. Каковы экономические потери, скажем, из-за роста алкогольной зависимости и наркотизации молодежи, широкого распространения пьянства в заброшенных селах и городах-«ловушках»? Каковы потери в экономике из-за разрушения сети среднего профессионального образования и нежелания молодежи учиться традиционным рабочим профессиям (токаря, слесаря и др.)? Если экономическая социология «заканчивается», к примеру, на выявлении доминирующих стратегий сберегательного поведения, объяснении их факторов, ограничений, последствий распространения, то социэкономика, основываясь на этом, должна идти дальше, пытаясь оценить экономические потери (банков, индивидов, хозяйственной системы в целом) от распространения тех или иных сберегательных стратегий.

3. В центре социэкономии – *двусторонние связи* между экономикой и социумом. Экономика «поставляет» ресурсы для социального воспроизводства, а «воспроизведенные» с теми или иными параметрами индивиды, функционируя в этой экономике в следующий момент времени, приумножают национальное богатство, меняют (сохраняют) правила игры, меняются сами, а также создают (обретают) экономические ресурсы для своего последующего воспроизводства. И так далее. При этом под экономикой здесь имеются в виду хозяйственные единицы самых разных уровней – это может быть хозяйственная система общества, региона, города, села, определенной сферы (например, экономика здравоохранения), вплоть до отдельного домохозяйства. Не совсем точное название «социум» характеризует имеющиеся человеческие ресурсы: применительно к обществу в целом точнее было бы говорить о состоянии человеческого потенциала, особенностях воспроизводства разных социальных групп и социальных качеств населения и работников. Важное значение имеет и специфика воспроизводства определенных социальных общностей, например, территориальных, семейных и др., а также особенности индивидуальных социальных акторов. Иными словами, в социэкономическом предметном поле за термином «социум» скрываются особенности качественного состава и поведения социальных групп (общностей) и акторов разных уровней (образование, квалификация, здоровье, размер и тип семьи, возраст, экономический, территориальный, должностной и прочие статусы (ресурсы), уровень правосознания, деловые качества, ценностные особенности и пр.).

4. Социэкономика, будучи наукой экономической, важное место отводит *измерению взаимосвязей* между экономическими и неэкономическими переменными на основе оценок соотношения затрат и результатов тех или иных действий. В такой постановке одним из центральных элементов социэкономии выступает построение разного рода индикаторов (экономических и социальных), без которых измерение взаимосвязей между экономическими и неэкономическими переменными было бы затруднено. Исходя из состояния современного научного знания узкое место в проблемном поле данной науки видится в трудностях сопоставления затрат и результатов, в сложности измерения *экономических* последствий *социального* поведения и *социальных* последствий *экономических* решений. Поэтому в настоящее время решающий вклад в становление этой науки, на мой взгляд, могли бы внести прежде всего экономисты и экономисты-математики.

* * *

Итак, констатируем. Социоэкономика и экономическая социология имеют общий объект исследования – закономерности экономической жизни, экономические отношения и экономическое поведение акторов разных уровней, рассматриваемых в качестве целостных социальных субъектов, функционирование хозяйственной системы как подсистемы более широкой социальной системы. Однако подходы к познанию этого объекта у двух наук разные. В первом приближении можно сказать, что социоэкономика (в том смысле, каким мы наделили эту науку) отличается от экономической социологии как наука экономическая от науки социологической.

В самом деле, *экономическая социология* исследует закономерности экономической жизни с помощью аппарата и методов социологии. Функционирование и развитие экономики она представляет как социальный процесс, движимый активностью, интересами и ресурсами акторов разных уровней, вступающих в устойчивые взаимодействия друг с другом (т.е. определенным социальным механизмом). Специфика же *экономической точки зрения*, как известно, определяется стремлением соизмерять затраты с результатами (в том числе и в более или менее отдаленной перспективе), сравнивать альтернативные способы использования ограниченных ресурсов, оптимизировать соотношение выгод и издержек. Й.А. Шумпетер приводит удачное сравнение двух подходов: «Экономический анализ исследует устойчивое поведение людей и его экономические последствия; экономическая социология изучает вопрос, как они пришли именно к такому способу поведения» [Шумпетер 2001: 24–25].

В этом смысле социоэкономику отличает от экономической социологии *экономический* подход к познанию сходных взаимосвязей и закономерностей, а от других экономических наук – более широкий предмет исследования за счет более широкого спектра учитываемых переменных и взаимосвязей.

IV. Зачем нужна наука социоэкономика в современной России?

Развитие социоэкономики как самостоятельной науки актуально не только в научном отношении (получение нового знания о состоянии, взаимосвязях, механизмах функционирования и закономерностях трансформации экономики и общества на разных уровнях социальной реальности). Уже по отдельным иллюстрациям, к которым мы обращались, обосновывая отличие социоэкономики как от других экономических наук, так и от экономической социологии, очевидна острая *практическая* потребность в ее становлении в современной России. Представляется, что предлагаемая версия социоэкономики как самостоятельной науки способствовала бы поиску более эффективных способов решения широкого класса практических задач, с которыми сталкиваются акторы самых разных уровней: макро-, мезо-, микро-.

Так, на *макроуровне* весьма актуален поиск наиболее эффективных (с точки зрения соотношения затрат и результатов) стратегий государственной политики (как экономической, так и социальной) за счет учета характера и силы двусторонней связи между экономическими и социальными переменными в пространстве и во времени. При этом социология вообще и экономическая социология в частности могут дать ответы на множество «почему», важных для понимания типа формирующегося рынка и выбора стратегии осуществления рыночных реформ. Скажем, почему в России за новыми экономическими правами сегодня очень часто скрываются прежние отношения господства – подчинения, которые были базовыми в дореформенный период? Почему как среди властей разных уровней, так и среди рядовых граждан столь живуча покорность более сильному? Почему западный бизнесмен дает взятки чиновникам, как правило, за *обход закона*, а наши предприниматели – еще и за возможность реализовать свои *законные* права? Почему наша мафия, которая, по оценкам зарубежных экспертов, пока еще серьезно отстает по уровню

организованности от американской, существенно превзошла ее по широте сфер влияния, контролируя торговлю не только наркотиками, оружием, людьми, но и фруктами, овощами и др.? Почему у нас приватизация обрела олигархический характер и не привела к созданию конкурентной среды? Почему по уровню развития малого предпринимательства мы так сильно отстаем от других стран – и не только с развитым рынком и демократией, но и от ряда посткоммунистических стран?

Задача же социэкономике с помощью прямых и косвенных показателей оценить весь спектр потерь и обретений хозяйственных единиц и субъектов разных уровней от реализации той или иной стратегии рыночных реформ, дать научное обоснование наиболее эффективной из возможных в сложившихся условиях стратегий. Ведь мировой опыт свидетельствует о том, что к экономическому успеху ведет не одна (как может показаться, если прислушаться к рекомендациям Всемирного банка и МВФ), а множество моделей рынка. Причем многим странам (Японии, Франции, США, Южной Корее, Тайваню и др.) удалось превратить порой прямо противоположные особенности своей социальной организации и культуры в важные преимущества своих экономик [Биггарт 2001; Fukuyama 1996]. Содействие выработке адекватной и наиболее эффективной стратегии осуществления рыночных реформ, мобилизации ресурсов экономического роста на основе учета особенностей социальной организации и культуры данного общества – важная макрозадача социэкономике.

Важная экспертно-аналитическая область социэкономике в современной России – комплексная оценка последствий введения платных услуг в ряде отраслей социальной сферы. Спору нет, значимость качественного образования не ограничивается его вкладом в формирование высококвалифицированных и инициативных работников, как и значимость высокоразвитой системы здравоохранения не исчерпывается обеспечением хозяйственной системы здоровыми работниками. Это – ресурсы особого рода, определяющие параметры не только экономического, но и социального воспроизводства на долгие годы. Но социальные функции образования или здравоохранения не умаляют их экономических функций. В частности, при выборе стратегии реформирования отраслей социальной сферы, расширении спектра платных услуг важно учитывать те потери, с которыми через какое-то время столкнется экономика из-за снижения состояния здоровья ряда групп занятого населения, снижения доступности качественного образования, разрушения сети профессионально-технических училищ, науки и др. И этим потерям необходимо дать количественную оценку уже сегодня. Разумеется, не все поддается денежной оценке; более того, не везде такая оценка выглядит уместной по гуманным соображениям (например, денежная оценка человеческих жизней при исчислении экономических потерь в чеченской войне или обретений от ее прекращения). Построение адекватных экономических и социальных индикаторов, поиск адекватных приемов измерения взаимосвязи экономических и социальных переменных – важная проблема социэкономике, в значительной степени определяющая ее возможности и ограничения. Однако есть основания полагать, что даже первые шаги в этом направлении дадут такие результаты, которые не только позволят сделать более обоснованным выбор тех или иных экономических стратегий, но и придадут социальной политике совершенно иной статус.

На макроуровне практическим приложением социэкономике являются вопросы не только государственной политики, но и *текущего* управления хозяйственной и общественной жизнью. Возьмем, к примеру, банальные транспортные пробки в связи с перемещением (долгим ожиданием перемещения) высших государственных лиц. Такие пробки – сугубо социальный феномен, но он имеет и многообразные экономические проявления, внимание на которых и акцентирует социэкономика. Каковы потери (издержки) у лиц, попавших в подобные пробки: потери рабочего времени, потери из-за опозданий на самолет или на деловую встречу, несвоевременного получения медицинской помощи и др.? Как соотносятся эти потери (и снижение безопасности) рядовых членов общества с достигаемой за их счет экономией времени и уровнем безопасности политической элиты?

Что касается *мезоуровня*, то менеджмент современных организаций все в большей степени становится социэкономическим, ибо предполагает учет и оценку с точки зрения соотношения затрат и результатов самых разных сторон функционирования фирм, включая (наряду с экономическим) политический, культурный, социальный и другие контексты. Так, успешность функционирования фирм в современных условиях в значительной степени определяется постоянными инвестициями в совершенствование знаний и умений своих работников. Так что любая фирма заинтересована в том, чтобы использовать трудовой потенциал работников с наибольшей экономической эффективностью. В какой мере и за какой срок окупаются инвестиции в рост трудового потенциала, в частности, в повышение квалификации работников? Как измерить отдачу от этих инвестиций в тех случаях, когда выработка работника не поддается очевидному измерению?

Важная сфера приложения социэкономики на мезоуровне – поиск подходов к определению истинной стоимости компаний с учетом влияния невидимых активов (тесноты и длительности деловых связей, включенности в сети, постоянства клиентуры, деловой репутации, корпоративной культуры, знаний и компетенции работников и др.). Говоря об ограниченности традиционных методов бухучета, Лейф Эдвинссон и Майкл Мзлоун обосновывают важность учета роли интеллектуального капитала в оценке стоимости активов компании, необходимость разработки динамических показателей, отражающих укрепление позиций компании на рынке, привлечение постоянной клиентуры, усовершенствование качества продукции и т.д. [Эдвинссон, Мзлоун 1999: 432–433, 436].

На *микроуровне* индивиды и домохозяйства, в ходе адаптации к новым условиям, желая сохранить или повысить прежний уровень жизни, осваивают новые или активнее используют традиционные модели поведения: обучаются новым профессиям и специальностям (расходуя на это свое время и деньги), больше работают на садово-огородных участках или в ЛПХ, собственным трудом восполняют отказ от ряда платных услуг (парикмахерская, ремонт квартиры, пошив одежды и др.), меньше рожают и занимаются воспитанием детей, реже берут больничные и пр. Все это, разумеется, сказывается на уровне человеческого потенциала, включая профессиональные качества, состояние здоровья, и в следующий момент времени – через механизм обратной связи – и на параметрах воспроизводства хозяйственной системы. Оценка экономических обретений и потерь от реализации тех или иных адаптационных стратегий, доступных разным группам работников, поиск путей более эффективного использования наличных экономических ресурсов для улучшения параметров социального воспроизводства – важная задача социэкономии.

В принципе, российская наука давно уже сделала первые шаги в продвижении к социэкономике в том смысле, как мы определили эту науку. И поскольку она предполагает интеграцию усилий прежде всего экономистов, социологов и математиков, то неслучайно первые кирпичики в построение социэкономического здания заложили представители Новосибирской экономико-социологической школы. Я имею в виду проводившиеся еще в 1960-х гг. исследования текучести рабочей силы с оценками потерь, которые несут от увольнений работников по собственному желанию отдельные предприятия и хозяйственная система в целом, моделирование перспектив развития российского села с учетом той свободы выбора способов социально-экономического поведения, которую имеют акторы разных уровней; и др. [Заславская 1999]. Совсем недавно интересные для продвижения социэкономии результаты получил С.А. Айвазян, проведший статистическое исследование зависимостей между основными результирующими показателями качества и образа жизни населения, с одной стороны, и характеристиками качества институтов и проводимой в России социально-экономической политики – с другой [Айвазян 2005]. Благоприятную почву для социэкономического анализа дают и многочисленные зарубежные исследования человеческого капитала как ресурса экономического роста. Ресурс социэкономии в данном случае видится, в частности, в том, чтобы учесть особенности социальной организации общества и его хозяйственной системы, в силу которых разные группы занятого населения

(образовательные, профессионально-должностные, отраслевые, территориальные, доходные, половозрастные и пр.) имеют неодинаковые возможности для раскрытия своего трудового потенциала и его превращения в капитал. При данных экономических ресурсах реализация тех или иных стратегий социальной политики в перспективе может привести к разным темпам и качеству экономического развития.

* * *

Подведем итоги. На сегодняшний день социэкономика в версии SASE представляет собой весьма продуктивную и востребованную *парадигму* анализа экономических явлений и процессов в общественных системах с самым разным уровнем развития. Однако при таком наполнении социэкономика как *парадигма* не исчерпывает своего потенциала. Ее объяснительные и предсказательные возможности могут быть серьезно увеличены за счет перехода к изучению двусторонних связей между экономическими и неэкономическими переменными, учета более широкого спектра социоструктурных факторов и качеств человеческого потенциала, а также формализации изучаемых взаимосвязей. Все это могло бы дать импульс для развития социэкономике как *самостоятельной* науки.

Ее размежевание с экономической социологией принципиально: это иной угол зрения на аналогичные аспекты социально-экономической жизни. Однако и точек интеграции у двух наук также немало. На практике социэкономика нередко опирается на знание, добытое экономсоциологами, «стартует» от него. В частности, залогом более точных оценок и более высоких предсказательных возможностей реализуемого ею *экономического* подхода (соизмерения производимых затрат с достигаемыми результатами, оптимизации соотношения выгод и издержек на основе сравнения альтернативных способов использования ограниченных ресурсов) является накопленное *экономической социологией* знание *социальных механизмов* тех или иных экономических процессов. Кроме того, для того чтобы делать экономические оценки обретений и потерь от тех или иных процессов или практик, зачастую требуется их предварительный социологический анализ (какие группы и в какой степени в нее вовлечены, какие факторы и ограничения влияют на поведение этих групп). И если такое знание не получено в экономической социологии, то социэкономист должен уметь самостоятельно получить его. Если же такое знание уже имеется, то важна интеграция усилий социэкономистов и экономсоциологов.

Таким образом, на практике социэкономике приходится интегрировать широту и глубину *социологического* подхода к изучению взаимосвязи между экономикой и обществом на разных уровнях социальной реальности (вклад экономической социологии) и более точные оценки и более высокие предсказательные возможности *экономического* подхода (на основе соотношения и оптимизации затрат и результатов). В этом смысле социэкономистам нередко приходится предварять экономический подход к анализу закономерностей экономической жизни реализацией социологического подхода.

Социэкономика как самостоятельная наука имеет не только теоретическое, но и важное прикладное значение. В первую очередь это относится к выработке стратегий экономической политики, осмыслению ее взаимосвязи с политикой социальной. Развитие этой науки могло бы способствовать более глубокому осмыслению экономических и социальных процессов в их взаимосвязи и взаимообусловленности, мобилизации социальных ресурсов для ускорения темпов экономического роста, равно как и более эффективному использованию наличных экономических ресурсов для улучшения параметров социального воспроизводства. Практическая потребность в становлении социэкономике как самостоятельной науки велика и будет расти, а научные предпосылки уже сегодня весьма благоприятны.

Литература

- Айвазян С.А.* Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения: анализ российской траектории на стыке XX–XXI вв. (1995–2004) // Мир России. 2005. № 1. С. 62–88.
- Биггарт Н.* Социальная организация и экономическое развитие / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2001. № 5. С. 49–58.
- Де Джордж Р.Т.* Деловая этика / Пер. с англ. Р.И. Столпера. СПб.: Институт «Экономическая школа»; М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. Т.1.
- Вебер М.* Понятие социального действия. Мотивы социального действия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 625–630.
- Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3–17. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Заславская Т.И.* Главы 1–5 из раздела «Развитие Новосибирской экономико-социологической школы: формирование новой методологии» // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. С. 17–109.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1984. № 1.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991.
- Некипелов А.* Выбор экономической стратегии // Свободная мысль. 2003. № 9.
- Радаев В.В.* Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Смелсер Н., Сведберг Р.* Социологический подход к анализу хозяйства / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2003. № 4. С. 43–61.
- Чалдини Р.* Психология влияния: Пер. с англ. СПб.: Питер Ком, 1999.
- Шишкин С.В.* Экономика социальной сферы М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
- Шишкин С.В.* Формальные и неформальные правила оплаты медицинской помощи // Мир России. 2003а. № 3. С. 104–129.
- Шумпетер Й.А.* Интерлюдия II: Параллельное развитие других наук // Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3 т. / Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Институт «Экономическая школа», 2001. Т. 1. Глава 3. С. 30–38.
- Эдвинссон Л., Мзлун М.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 432–447.
- Этциони А.* Социоэкономика: дальнейшие шаги / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 1. С. 65–71.
- Эрхард Л.* Благосостояние для всех: Репринт. Воспроизведение: Пер. с нем. М.: Начала-Пресс, 1991.
- Abell P.* On the Prospects for a Unified Social Science: Economics and Sociology // Socio-Economic Review. 2003. No. 1. P. 1–26.
- Etzioni A.* Toward a New Socio-Economic Paradigm // Socio-Economic Review. 2003. No. 1. P. 105–118.
- Fukuyama F.* Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1996.

Hollingsworth J.R. Advancing the Socio-Economic Paradigm with Institutional Analysis // *Socio-Economic Review*. 2003. No. 1. P. 130–134.

Piore M. Society as a Precondition for Individuality: Critical Comments // *Socio-Economic Review*. 2003. No. 1. P. 119–122.

Satin M. (ed.) Gathering of Savvy «Socio-economists» Challenges Traditional Economics // *Radical Middle Newsletter*. 2000. March. http://www.radicalmiddle.com/x_socioecon.htm

Streeck W. Social Science and Moral Dialogue // *Socio-Economic Review*. 2003. No. 1. P. 126–129.

Swedberg R. New Economic Sociology: What Has Been Accomplished, What is Ahead? // *Acta Sociologica*. 1997. Vol. 40. P. 161–182. См. также перевод: *Сведберг Р.* Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? / Пер. М.С. Добряковой // *Экономическая социология*. 2004. Т. 5. № 4. С. 37–55.

What is Socio-Economics? // <http://www.sase.org/aboutsase/aboutsase.html>

Wrong D.H. Socio-Economics and Human Nature // *Socio-Economic Review*. 2003. No. 1. P. 122–125.

Новые переводы

VR Мы перевели и опубликовали уже немало обзоров о состоянии экономической социологии в разных странах. Но преимущественно речь шла о Европе. И парадоксально, но мы никак не могли найти сколь-либо обстоятельного обзора ситуации в США, где экономическая социология сегодня занимает лидирующие позиции. Правда, в журнале (и в хрестоматии «Западная экономическая социология») появлялась знаменитая статья Р. Сведберга «Новая экономическая социология: что сделано и что впереди» (2004. Т. 5. № 4. С. 37–55). Но это был скорее обзор основных направлений новой экономической социологии, возникшей в США, нежели собственно страновой обзор. Наконец, нам удалось найти текст, в котором достаточно скрупулезно прослеживается история возникновения новой экономической социологии в США, сделанный через анализ основных поколений исследователей в привязке к конкретным университетам и исследовательским группам. Любопытно, что авторами данного материала оказались французы, среди многочисленных американских исследователей таких авторов не нашлось.

ОТКУДА ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ?¹

Бернар Конвер

Центр социологических и экономических исследований г. Лилля [Centre Lillois d'Etudes et de Recherches Sociologiques et Economiques (CLERSE)] и Университет Лилля – I

Йохан Хайлброн

Центр европейской социологии [Centre de sociologie européenne (CSE)], Париж и
Университет Эразмус, Роттердам²

Перевод М.С. Добряковой

Научное редактирование В.В. Радаев

«Новая экономическая социология» – одно из наиболее активно развивающихся направлений американской социологии – очень быстро стала предметом для рассуждений, размышлений, дискуссий и споров, но как таковая еще не анализировалась с социологических позиций. В данной работе мы предлагаем проследить ее происхождение и развитие, задаваясь при этом более общим вопросом: как происходило становление новой отрасли социологии в американской университетской среде? Эндрю Эбботт [Andrew Abbott] недавно отметил, что если функционалистская трактовка, представляющая эволюцию специализаций как процесс их все более тонкой дифференциации, не позволяет объяснить возврат к прежним веяниям и циклические колебания, следует заново поставить перед собой вопрос о создании и воссоздании специализаций в рамках уже существующих дисциплин [Abbott 2001].

¹ *Источник:* Convert B., Heilbron J. Where does the new economic sociology come from? Рукопись любезно предоставлена нам авторами для перевода. – *Прим. науч. ред.*

² Авторы благодарят Ричарда Сведберга [Richard Swedberg] и Лоика Вакана [Loïc Wacquant] за их замечания.

Представляя собой относительно стабильные академические единицы, специализации встраиваются в ансамбль жестко структурированных национальных и международных институтов (дипломы, кафедры, факультеты, журналы, профессиональные ассоциации) [Heilbron 2004]. Для исследователей они образуют «коллективный капитал» специальных методов и понятий, доступ к которым обеспечивается соответствующим обучением [Bourdieu 2001: 129]. Внутри каждой дисциплины конкуренция за доминирующее определение научной практики порождает ту непрерывную динамику, которая лежит в основе процессов миграции в более перспективные области и которая возвышает одни специальности над другими, предлагая новые классификации и перетасовывая устаревшие рубрикаторы. Американская экономическая социология – свежий пример проявления подобной динамики, на котором можно проанализировать одновременно ее общие механизмы и особые качества, обусловленные как конкретными обстоятельствами, так и специфическим американским контекстом.

Й. Шумпетер описывал отношения, установившиеся между социологией и экономической теорией, как «взаимное игнорирование». Однако долгое время «экономическая социология» являлась общим полем для множества авторов – и социологов, и экономистов. Словосочетание «экономическая социология» и сам этот проект восходят к концу XIX в. – к тому моменту, когда социальные науки институционализировались в качестве университетских дисциплин и выстраивали свои ключевые предметные блоки. В ряду авторов, внесших в это свой вклад, пытавшихся определить данную область и выделить ее специфику, находятся М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Ф. Симиан, М. Хальбвакс, В. Парето, Й. Шумпетер, Т. Веблен³. Однако в ходе разделения дисциплин, последовавшего в XX столетии, и их соответствующего обособления междисциплинарные области все более вытеснялись на периферию. В рамках социологии экономическая социология постепенно все более маргинализировалась. Социология труда и индустриальная социология охватили ее предмет лишь частично (включив анализ производственных организаций, «человеческих отношений»), предоставив экономистам монополию на исследование структуры рынков, ценообразования, денежной сферы... Аналогичный процесс внутреннего закрытия дисциплины происходил и в экономической теории. Несмотря на то, что глашатаи маржиналистской революции показали важность экономической социологии (У. Дживонс) и внесли значительный вклад в ее развитие (В. Парето), последующие поколения экономистов все больше склонялись к мысли о том, что экономическая теория – это наука о рациональном выборе, в то время как социология изучает нерациональное действие. Подобное разграничение оправдывало сложившееся академическое разделение труда, в результате которого институциональный и исторический подходы исчезли из ядра экономической теории.

Как же объяснить восстановление экономической социологии в условиях подобного дисциплинарного разделения? Идет ли речь просто о (пере)именовании, проявлении академической дипломатии в университетской среде, в которой до сего момента господствовала экономическая теория, или же о наступлении социологов, стремящихся отвоевать область, ключевую для понимания современного социального мира? Помимо эмпирических вопросов и их интерпретации мы затронем также более общую проблему социальной динамики академических специальностей. Одним из ключевых здесь является вопрос, можно ли объяснить возникновение «новой экономической социологии» в рамках анализа на микроуровне, который господствует в социологических подходах к научным дисциплинам. Показав недостаточность различных микроуровневых подходов, мы продемонстрируем, что только более общий структурный подход к анализу академических областей позволяет понять ту микродинамику, которая привела к созданию новой экономической социологии.

³ Об истории экономической социологии см.: [Gislain, Steiner 1995; Swedberg 1994].

Чтобы проследить происхождение и динамику данной дисциплины, мы обратимся к группе «ключевых авторов», отобранных по принципу их участия в основных для формирования данного академического направления событиях – в публикации трех коллективных сборников⁴ и двух хрестоматий⁵, в работе семинара по экономической социологии, проходившего при поддержке Фонда Рассел Сейдж (см. ниже) и, кроме того, их упоминания в числе «ключевых фигур» в первых обзорах зарождающейся дисциплины⁶. Таким образом, в нашу выборку вошел 31 автор, каждый из которых имел отношение по крайней мере к двум из названных «событий»⁷ (см. табл. 1). У каждого автора мы запросили автобиографию и перечень публикаций. Чтобы понять структуру внутренних взаимоотношений в группе и ее последующую эволюцию, мы проанализировали практики взаимного цитирования за период 1980–2000 гг. Наконец, у трех авторов мы взяли специальные интервью.

Упадок и возрождение американских социальных наук

Первые работы, в которых говорилось о «новой экономической социологии», появились в США еще в 1970-е гг. В то время этот термин не использовался, и работы, ставшие пионерными для данной дисциплины, были выявлены лишь задним числом. Они появились в период кризиса и последовавшего за ним возрождения американских социальных наук. В 1970-е гг. завершилась гегемония парсонсоновского функционализма, или, в целом, «главенствующей триады», на протяжении многих лет доминировавшей в американской социологии: Т. Парсонса, Р. Мертона и П. Лазарсфельда [Bourdieu 1988: 773–788; Bourdieu 2001: 41]. Разрыв с этим ортодоксальным направлением сопровождался чередой попыток обновления данной дисциплины, обусловленных стремительным увеличением численности студентов и аспирантов, щедрой финансовой поддержкой и определенным интересом к ней общественности. Отчасти это движение обновления было связано с укреплением позиций «новых левых» и протестными движениями среди американских студентов поколения послевоенного «бэби-бума».

Количество защищаемых в год диссертаций по социологии увеличилось в США со 150 в 1960 г. до более 700 в 1976 г. За эти же годы численность членов Американской социологической ассоциации удвоилась. В 1960–1969 гг. получили распространение образовательные кредиты, в начале 1970-х гг. их стало еще больше⁸. Один из наших респондентов заметил: «В 1960-е – начале 1970-х гг. студенты университетов легко могли получить деньги на обучение. Это было просто потрясающе. Кто-то учился бесплатно пять, шесть лет; получал работу, еще не успев доучиться; занимал место преподавателя университета, не имея ученой степени. Я поступил в университет в 1974 г., на курсе со мной было 40 человек; в предыдущие два года набирали по 100 человек ежегодно». Примерно с середины 1970-х гг. эти показатели (количество диссертаций, численность членов АСА, кредиты на исследования) начали снижаться, и данная тенденция сохранялась по меньшей мере в течение десятилетия. Количество защищенных диссертаций (в 1976 г. – 734) к второй половине 1980-х гг.

⁴ Zukin, DiMaggio 1990; Friedland, Robertson 1990; Swedberg 1993.

⁵ Granovetter, Swedberg 1992; Smelser, Swedberg 1994.

⁶ Историческое введение к сборнику «Социология хозяйственной жизни» [Granovetter, Swedberg 1992: 1–28]; а также статья Р. Сведберга «Новая экономическая социология: что сделано и что впереди?» [Swedberg 1997; см. также перевод: Сведберг 2004].

⁷ В этот перечень не включены авторы, участвовавшие в названных «событиях» лишь эпизодически (А. Робертсон, Ш. Зукин), а также представители более молодого поколения, чьи важные работы были написаны позднее, уже в 1980-е гг. (Б. Керратерс, Ф. Доббин, Б. Уци).

⁸ Детальные данные см. в работе: [Turner, Turner 1990: 138].

уменьшилось до примерно до 500. Численность студентов, специализирующихся по социологии, в 1974 г. превысившая 36 тыс., в 1985 г. сократилась до 12 тыс. [D'Antonio 1992].

Одновременно с увеличением численности учащихся и развитием образовательных кредитов в 1970-е гг. резко возросло число социологических журналов [Hargens 1991]. В их числе был журнал «Теория и общество» [Theory and Society], основанный Алвином Гоулднером [Alvin Gouldner] в 1974 г., который, объединив представителей самых разных течений, претендовал на роль площадки для теоретического и тематического обновления. Выход первого номера этого журнала означал не только конец «старых интеллектуальных парадигм» и вызов со стороны целого спектра «новых парадигм», но и в не меньшей мере стал откликом на текущую политическую ситуацию (нефтяной кризис, Уотергейт). Другие журналы, в частности «Современная социология» [Contemporary Sociology] (1972 г.), публиковали более умеренные отчеты или обзоры, пытаясь объяснить происходящие в производстве процессы диверсификации и структурной трансформации.

В этом контексте количественного роста, политической борьбы и ускоренного академического обновления развивалось множество новых подходов – от различных течений микросоциологии (этнометодологии, символического интеракционизма, феноменологических подходов) до радикальных движений и критических перспектив (неомарксизм, феминизм, тьермондизм), постепенно выведивших на такие направления, как сетевой анализ, историческая социология или неоинституциональные течения в социологии организаций. Эти новые инициативы предлагались исследователями, занимавшими самое разное положение в университетской среде. Одни из них, как, например, Хэррисон Уайт (см. ниже), уже обладали значительным научным капиталом. Другие представляли молодое поколение ученых, родившихся во время или вскоре после войны, чей научный капитал был более скромным, их исследования проводились в контексте подъема «новых левых» и протестных движений, они пришли в эту профессию благодаря упомянутой выше уникальной демографической ситуации, сложившейся в университетах. Многие из них отказывались ограничивать свою работу рамками одной конкретной дисциплины, выступая, напротив, за междисциплинарный подход или даже – как, например, марксисты или феминистки – за подход, который можно квалифицировать как антидисциплинарность. Говорить о «социальной теории» вместо «социологии» и защищать новый тип «социального ученого», как это делал журнал «Теория и общество», стало одним из способов продемонстрировать разрыв с привычными дисциплинарными и прочими границами, которые для этого нового поколения социальных исследователей утратили смысл.

Что касается экономической теории, то здесь 1970-е гг. также ознаменовались развитием множества новых подходов, критикой кейнсианского синтеза. Два течения открыто пересекают границу между экономической теорией и социологией – экономический подход к человеческому поведению (Г. Беккер) и неоинституционализм (О. Уильямсон)⁹. Одновременно получило распространение понятие «экономического империализма»; оно было предложено сторонниками данного течения и затем обрело критический смысл¹⁰.

В условиях «кризиса» традиционных социальных и экономических наук, стремительного распространения новых подходов, более или менее стиравших прежние дисциплинарные границы, и подъема «экономического империализма» и появились первые исследовательские работы, которые позднее – к концу 1980-х гг. – в результате целенаправленного конструирования приведут к рождению «новой экономической социологии», создадут принципиальные точки отсчета для определения и легитимации этого нового дисциплинарного направления.

⁹ Книга «Рынки и иерархии» О. Уильямсона вышла в 1975 г. [Williamson 1975], а «манифест» Г. Беккера «Экономический подход к человеческому поведению» – в 1976 г. [Becker 1976].

¹⁰ Программное заявление одного из его сторонников см. в работе: [Tullock 1972]. Впоследствии это выражение было подхвачено в более критическом значении; см., например: [Radnitzky, Berholz 1987].

Разрозненные инициативы

У истоков дисциплины, которая в конечном счете получит название «(новой) экономической социологии», находятся различные инициативы группы «ключевых авторов», входящих в ядро данного движения. Их перемещения позволяют понять одновременно происхождение этого движения и логику академических «предпринимателей», которые в 1985–1994 гг. «заново откроют» «экономическую социологию».

В группу «ключевых авторов» входят три поколения социологов: к первому относятся Чарльз Перроу, Артур Стинчкомб и Хэррисон Уайт, все они защитили диссертации по социологии в 1960 г.; второе поколение включает 20 авторов, которые защитили диссертации в конце 1960-х – 1970-е гг.; наконец, третье поколение представлено 8 авторами, учившимися несколько позднее, нередко – под руководством представителей предыдущего поколения (как, например, Марк Грановеттер или Майкл Шварц). Трех авторов старшего поколения объединяет еще и то, что никто из них не разделял господствовавших в то время функционалистских течений. Они представляют два направления, которые вместе образуют основу новой экономической социологии: социологию организаций, развиваемую Ч. Перроу и А. Стинчкомбом, и сетевой анализ, предложенный Х. Уайтом.

Таблица 1. Перечень ключевых авторов, место и год защиты ими диссертаций, количество взаимных цитирований

Авторы	Место и год защиты диссертации (по социологии, если не указано иное)	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1980–1990 гг.	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1991–2000 гг.
Марк Грановеттер [Mark Granovetter]	Гарвардский университет, 1970	86	90
Рональд Бёрт [Ronald Burt]	Чикагский университет, 1977	65	64
Бет Минц [Beth Mintz]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1978	57	21
Майкл Юсим [Michael Useem]	Гарвардский университет, 1970	49	28
Хэррисон Уайт [Harrison White]	Массачусетский технологический институт, 1955 (теоретическая физика) и Принстонский университет, 1960	45	44
Чарльз Перроу [Charles Perrow]	Университет Беркли, 1960	44	13
Марк Мизраки [Mark Mizruchi]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1980	36	43
Артур Стинчкомб [Arthur Stinchcombe]	Университет Беркли, 1960	33	23
Роберт Иклес [Robert Eccles]	Гарвардский университет, 1979	26	17
Пол Димаджио [Paul DiMaggio]	Гарвардский университет, 1979	25	58
Фред Блок [Fred Block]	Университет Беркли, 1974	21	6
Гэри Гамильтон [Gary Hamilton]	Вашингтонский университет, 1975	16	15
Нил Флигстин [Neil Fligstein]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1979	13	30
Чарльз Сейбл [Charles Sabel]	Гарвардский университет, 1987 (управление)	13	9
Пол Хирш [Paul Hirsch]	Мичиганский университет, 1973	12	12

Авторы	Место и год защиты диссертации (по социологии, если не указано иное)	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1980–1990 гг.	Количество взаимных цитирований, кроме автоцитирования, 1991–2000 гг.
Митчелл Аболафия [Mitchell Abolafia]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1981	11	3
Уолтер Пауэлл [Walter Powell]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1978	11	31
Уэйн Бейкер [Wayne Baker]	Северозападный университет, 1981	10	23
Николь Биггарт [Nicole Biggart]	Университет Беркли, 1981	8	6
Линда Б. Стернз [Linda B. Stearns]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1983	8	21
Алехандро Портес [Alejandro Portes]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1970	7	8
Маршалл Мейер [Marshall Meyer]	Чикагский университет, 1967	5	6
Майкл Шварц [Michael Schwartz]	Гарвардский университет, 1971	5	0
Вивиана Зелизер [Viviana Zelizer]	Колумбийский университет, 1977	5	17
Пола Ингланд [Paula England]	Чикагский университет, 1975	3	4
Фрэнк Ромо [Frank Romo]	Йельский университет, 1986	3	4
Ричард Сведберг [Richard Swedberg]	Бостонский колледж, 1978	3	9
Роджер Фридланд [Roger Friedland]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1977	2	3
Марк Лазерсон [Mark Lazerson]	Университет Висконсин-Мэдисон, 1985	1	1
Патрик Макгуайр [Patrick MacGuire]	Университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук, 1986	0	2
Чарльз Смит [Charles Smith]	Университет Брандейс, 1966	0	5

Примечание. Цифры в таблице показывают, сколько раз каждый автор цитировался за указанный период в статьях других 30 авторов выделенной группы. При построении таблицы была использована база Индекса цитирования в социальных науках [Social Science Citation Index]. Применительно к нашим целям этот Индекс имеет два недостатка: он учитывает не все работы данных авторов, а только их статьи, опубликованные в определенных журналах; при наличии у (цитируемой) статьи нескольких авторов, учитывается имя только первого автора (по алфавиту, если авторы не перечислены в ином иерархическом порядке). Если бы не последнее ограничение, то, например, М. Шварц, чья совместная работа с Б. Минц широко цитировалась с 1980 по 1990 г., в нашей таблице в данный период должен был бы находиться на третьем месте.

Хэррисон Уайт и его наследие

Оглядываясь назад, понимаешь, что главный очаг «возгорания» новой экономической социологии следует искать на вершине американской университетской иерархии, – речь идет об интеллектуальном проекте Хэррисона Уайта, который он разрабатывал в Гарвардском университете начиная с 1960-х гг.¹¹ Почти половина наших ключевых авторов прямо или

¹¹ Именно в рамках курса «Введение в социальные отношения», который Уайт читал в Гарварде с 1965 по 1969 г., он разработал многие понятия своей сетевой теории, именно тогда он привлек многих будущих сторонников «структуралистской» школы.

косвенно связана с Уайтом, причем более молодые социологи, наиболее активно занимающиеся построением новой экономической социологии, почти все являются его учениками (М. Грановеттер, П. Димаджио, М. Шварц)¹².

Х. Уайт (род. в 1930 г.) в свою бытность еще молодым преподавателем, чьи первые опубликованные социологические работы были посвящены математическому представлению отношений подобия [White 1963a], импрессионистской революции [White 1965], социальной мобильности и рынку труда [White 1970], боролся за нетривиальное использование математических методов в социальных науках [White 1963b] и базирование социологии на ином фундаменте, нежели доминировавший тогда функционализм. Будучи по образованию физиком (свою первую ученую степень Ph.D он получил по теоретической физике), он обратился к разрешению социологических загадок и конструированию математических моделей (порою «импортируемых» из физики), которые позволили бы объяснить изучаемую им социальную реальность. В то время как Дж. Коулман, другая важная фигура в области математической социологии, в своей книге «Основы социальной теории» просто привнес традиционный математический инструментарий из микроэкономики [Coleman 1990], Уайт – более изобретательный и амбициозный, менее ориентирующийся на традиционные подходы – похоже, чувствовал себя более свободно в области эмпирических исследований и конструирования моделей, нежели в академических экзерсисах поиска новых теоретических основ (это отчетливо видно из комментариев к его ключевой теоретической работе «Идентичность и контроль» [White 1992]). Тем не менее, он стремился найти новый фундамент для социологии, предлагая «структуралистский» подход, основанный на сетевом анализе и позволяющий преодолеть дихотомию атомистических и холистических трактовок социальной реальности.

Интерес к исследованию экономических объектов возник в данном интеллектуальном проекте не сразу. Члены «гарвардской школы» применяли сетевой анализ к рассмотрению разных проблем: социальной стратификации города (Э. Лауман [Edward O. Laumann]), научных сетей (Н. Маллинз [Nicholas C. Mullins]), сетей взаимных знакомств и разрывов (Н. Ли [Nancy Lee]). Даже М. Грановеттер сомневался, какому направлению посвятить свою диссертационную работу: анализу брачного рынка или рынка труда, остановившись в итоге на втором¹³. При этом сам Уайт довольно давно испытывал интерес к изучению хозяйства: прослушанный им в 1953–1953 гг. курс П. Самюэльсона поселил в нем чувство, что тема хозяйства уведет его в «неверном направлении»: «Я думал, что знаю почему, но в то время это было не более чем интуитивным ощущением»¹⁴. В то же время в некоторых из первых работ Уайта, посвященных цепочкам мобильности, поднималась проблематика рынка, а именно рынка труда. Но лишь к 1975–1978 гг., в связи с организованным им междисциплинарным семинаром по математическим моделям в социальных и биологических науках, Уайт выдвинул новые экономические теории и сформулировал

¹² Среди наших ключевых авторов (31 человек) шестеро получили ученую степень в Гарварде (см. табл. 1), из них пятеро являлись аспирантами Уайта (М. Грановеттер, М. Юсим, М. Шварц, П. Димаджио, Р. Иклес); ср.: [Azarian 2003: 213–216]. Второе, более молодое поколение (В. Минц, М. Мизраки, М. Аболафия, Л. Стернз, П. Макгуайр) писали диссертации под руководством учеников Уайта – М. Шварца и М. Грановеттера, когда последние были молодыми преподавателями в университете Нью-Йорка в Стоуни-Брук. Помимо этого, Уайт пользовался огромным влиянием, прямым и косвенным, на многих авторов рассматриваемой группы: Р. Бёрт готовил диссертацию в Чикагском университете вместе с другим учеником Уайта – Эдвардом О. Лауманом. Н. Флигстин познакомился с Уайтом, когда они оба были в Аризоне; У. Бейкер защитил диссертацию в Северо-Западном университете, но регулярно обменивался идеями с Уайтом и некоторыми из его учеников.

¹³ Интервью с М. Грановеттером см. в кн.: [Swedberg 1990: 96–114].

¹⁴ Интервью с Х. Уайтом см. в кн.: [Swedberg 1990: 79].

основы социологического подхода к анализу рынков¹⁵. В конце 1970-х гг. он начал исследовать рынки производителей, а также (совместно с Р. Иклесом) – проблему «цены и авторитета» внутри многодивизионной фирмы. В 1981 г. выходит его знаменитая статья «Откуда берутся рынки?», которую сегодня многие экономсоциологи считают «настоящим краеугольным камнем, заложившим основы данного поля» [из наших интервью. – *авт.*]. Анализируя рынки как социальные структуры или используя в качестве доказательств своих гипотез сложные комбинации «цены» и «авторитета» в транзакциях в рамках фирмы или между фирмами, Уайт и его ученики в своих исследованиях преодолевали традиционное разделение труда между экономистами и социологами, когда экономисты занимались изучением рынка и механизма ценообразования, а социологии – изучением организаций. Несомненно, данная инициатива задумывалась также как ответ на наступление экономистов – например, Г. Беккера, который в тот же период занимался изучением традиционно социологических областей. В одной из своих самых первых статей по социологии рынков, вышедшей в 1978 г., Уайт ясно подчеркнул это намерение: «Беккер и другие экономисты начали изучать социологические проблемы, значит социологи должны заняться изучением проблем экономических»¹⁶.

Оглядываясь назад, гарвардское окружение Уайта можно охарактеризовать как инновационный очаг, нацеленный на возрождение экономической социологии. При этом, если не брать работы самого Уайта, нельзя сказать, что в Гарварде появилось особенно много экономико-социологических работ: из 30 диссертаций, подготовленных по руководством Х. Уайта во время его деятельности в Гарварде (1963–1986 гг.), только работы М. Грановеттера и Р. Икlesa относятся непосредственно к экономической социологии. Можно также упомянуть работы другого ученика Уайта – М. Юсима. Принадлежит к тому же поколению, что Грановеттер и Шварц, Юсим долгое время занимался социологией элит, изучал роль образовательных институтов в их воспроизводстве [Useem, Miller 1975], а также (вместе с П. Димаджио) системы государственной поддержки науки и искусства [Useem, DiMaggio 1978, 1982]. Затем его интересы сместились в сторону изучения хозяйственной элиты, сначала с точки зрения участия ее представителей в неэкономических институтах (таких, как советы администрации музеев), затем – их участия в политической жизни. Юсим выявил существование «внутреннего круга» [inner circle] крупных предпринимателей, которые, по его оценке, образуют политически активный сегмент хозяйственной элиты [Useem 1984].

Группа из Стоуни-Брук

Если первоначально интеллектуальный импульс был задан Х. Уайтом в Гарварде, то наиболее значимые работы первого периода возрождения экономической социологии появились в университете Нью-Йорка в Стоуни-Брук. В иерархии американских университетов Стоуни-Брук очень далеко отстоит от Гарварда¹⁷; это относительно молодой университет (он был основан в 1956 г.), первоначальная функция которого заключалась в подготовке «специалистов в области естественных наук и математики». Программа

¹⁵ [Swedberg 1990: 82]. В этом семинаре принимали участие многие экономисты: С. Марлин [Stephen Marglin], Т. Шеллинг [Tom Schelling], М. Спенс [Mike Spence], Р. Зекзаузер [Richard Zeckhauser].

¹⁶ См. работу Уайта «Рынки как социальные структуры», написанную в поддержку объединения Американской социологической ассоциации в 1978 г., упоминается в: [Swedberg 1990: 17].

¹⁷ В рейтинге американских университетов, опубликованном в журнале «US News» (2003), Гарвард стоит на втором месте, в то время как Стоуни-Брук вообще не вошел в перечень 50 сильнейших, оказавшись лишь во второй лиге.

последипломной подготовки по социологии появилась здесь недавно, с приходом в университет новых фигур – в качестве студентов или преподавателей, которым еще предстояло проявить себя. Занимая невысокие позиции в иерархии американских университетов, Стоуни-Брук приглашал молодых преподавателей, у которых все профессиональные успехи были еще впереди и которые в данной академической позиции видели возможность начать свою карьеру, оставаясь при этом в Нью-Йорке.

Значение «школы из Стоуни-Брук» для возрождения экономической социологии, без сомнения, связано с принципиальной ролью, которую сыграли три одновременно работавших там преподавателя: М. Шварц и М. Грановеттер (оба ученики Х. Уайта) и Ч. Перроу, специалист по теории организаций, опубликовавший тогда одну из первых работ, которая содержала серьезную критику экономических подходов к анализу организации¹⁸. Таким образом, в Стоуни-Брук сформировалась группа исследователей, в которую вошли сторонники сетевого анализа и социологи организаций и которая впоследствии станет ядром новой экономической социологии.

По словам многих авторов, М. Шварц пользовался значительным влиянием в Стоуни-Брук. В начале 1970-х гг., когда еще слышались отзвуки социальных движений 1960-х, многие марксистски ориентированные студенты объединились вокруг него, поскольку ему одновременно был идеологически близок марксизм и в научном плане он являлся последователем Х. Уайта и специалистом в сетевом анализе¹⁹. Шварц предложил своим аспирантам темы, связанные со анализом структуры американского капитализма и возможностей финансовых институтов. Последние наработки в методике сетевого анализа, и в частности анализ центрированности сети [centricity], разработанный Филиппом Бонасичем [Bonacich 1972], позволили Шварцу и его аспирантам заняться исследованием переплетенных директоратов [interlocking directorates], т.е. связями между предприятиями, сложившимися в силу того, что в их советы директоров входили одни и те же лица. В 1978–1980 гг. в Стоуни-Брук диссертации на эту тему защитили Б. Минц, М. Мизраки и П. Мариолис [Peter Mariolis]²⁰. В них демонстрировалась центрированность сети американских предприятий, крупных коммерческих банков и нью-йоркских страховых компаний. Эта тема разрабатывается и по сей день двумя социологами, также выпускниками Стоуни-Брук, – Марком Мизраки и Линдой Стернз.

Именно в Стоуни-Брук в конце 1970-х гг. М. Грановеттер опубликовал свои первые теоретические статьи, содержащие критику экономической теории. С того момента, во время своей работы в должности ассистента и доцента в Гарварде, он специализируется на сетевом анализе. Лишь позднее Грановеттер стал защищать принцип социологического подхода к хозяйственным явлениям: сначала в статье, в которой он впервые открыто сопоставил экономический и социологический подходы к предмету, традиционного относимому к сфере хозяйства, – различиям в доходах [Granovetter 1981]; затем – в работе «Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности» [Granovetter 1985], которая

¹⁸ См.: [Perrow 1981 (с ответом О. Уильямсона), 1986, 1990]. Например, М. Аболафия строит свои теоретические изыскания, опираясь одновременно на идеи Перроу и Грановеттера; см. введение к кн.: [Abolafia 1996].

¹⁹ В своей книге, написанной на основе диссертации, М. Шварц выражает благодарность, помимо Х. Уайта и нескольких других персоналий, еще многим деятелям и организациям за подсказанные ими идеи: партии «Черная пантера», В.И. Ленину, Мао Цзе-Дуну, К. Марксу, см.: [Schwartz 1976: xi]. Как заметил один коллега: «Ребята из Стоуни-Брук – на самом деле марксисты, решившие заняться сетевым анализом».

²⁰ Результаты исследований легли в основу книг, ставших «классикой» новой экономической социологии: [Mintz, Schwartz 1985; Mizruchi, Schwartz 1987; Mizruchi 1982].

станет «манифестом» новой экономической социологии и вместе с работами его коллеги Чарльза Перроу явится критической реакцией на программу О. Уильямсона. Именно в Стоуни-Брук Грановеттер, вместе с Патриком Макгуайром, начал исследование истории производства и распределения электроэнергии. Эта работа продемонстрировала, что принятие одного конкретного решения (раздел рынка частными фирмами взамен государственной монополии) объяснялось в большей степени социальной структурой индивидуальных связей, нежели экономической эффективностью, что тем самым позволило критически подойти к позициям экономического неоинституционализма.

Впрочем, применение сетевого анализа к хозяйственным явлениям не является исключительной монополией Гарварда и Стоуни-Брук. Параллельно Рональд Бёрт (Чикагский университет) предпринял попытки исследовать связи между советами директоров, однако под иным, нежели М. Шварц и его ученики, углом зрения. Будучи учеником Э. Лаумана, Бёрт в равной мере тяготел к теории рационального выбора (в свое время он также работал ассистентом Дж. Коулмана), нацеленной на пересмотр концепции структурных ограничений через призму социальных сетей [Burt 1982]²¹. В его работе о межорганизационных связях было показано, что эти связи развиваются только при наличии сильного давления со стороны рынка и могут быть интерпретированы как стратегии преодоления этих ограничений [Burt 1983]. Одновременно Уэйн Бейкер (Северо-Западный университет) применил сетевой анализ к изучению социальной динамики биржевых торговых площадок – от Парижской фондовой биржи до опционов в Чикаго. Он показал, что размер и форма конкретных сетей взаимодействия между трейдерами влияют на изменение цены опционов. Позднее он занимался также изучением отношений между компаниями (предприятиями и инвестиционными банками [Baker 1990], предприятиями и рекламными агентствами [Baker, Faulkner, Fisher 1998]). При этом, как мы показали выше, Р. Бёрт и У. Бейкер поддерживали контакты с Х. Уайтом и его окружением.

Неоинституциональные течения в социологии организаций

Сетевой анализ хозяйственных явлений стал ключевым течением новой экономической социологии в период ее становления, другое же ее направление дало начало исследованиям, которые, как показывает ретроспективная оценка, также образуют основу этой дисциплины. Речь идет о социологии организаций. Если сетевой анализ четко ассоциируется со Стоуни-Брук, то инновативные течения в области социологии организаций не имеют такой привязки к конкретному месту, они развивались в разных университетах (Висконсин-Мэдисон, Калифорнии в Беркли, Северо-Западном, Чикагском, Колумбийском, Вашингтонском). М. Грановеттер, продвигая вместе с Р. Сведбергом идеи экономической социологии, отмечал в 1985–1986 гг., что социологи организаций исследуют реальную среду, в которой функционирует хозяйство, а значит, для построения новой экономической социологии с ними необходимо сотрудничать [Swedberg 1987: 14].

Открывая возможности карьеры в бизнес-школах, активно развивавшихся в 1970-е гг., социология организаций воспринималась большинством молодых социологов как область динамичных исследований, позволяющая приблизиться к более реалистичному социально-экономическому миру, по сравнению с тем, что предлагали критические или неомарксистские подходы (которые с того времени пошли на убыль).

«Помню, я считал теорию организаций чем-то чрезвычайно скучным. А люди начали интересоваться ситуационными теориями [contingency theory], идеей о существовании механизмов

²¹ В этой работе Бёрт описывает акторов, стремящихся максимизировать для себя полезность, будучи при этом структурно ограниченными своей позицией в сетях, в которые они включены.

рациональной реакции, теорией о том, что бизнес-школы дают образование и делают деньги с помощью менеджеров, потому что те рационально интерпретируют свою среду. В конце 1970-х гг. некоторые начали задумываться об этом. В популяционной экологии утверждалось, что у людей нет выбора, что все дело лишь в эволюционном отборе и характере ресурсов. Джон Мейер [John Meyer] заявил, что дело не в отборе или ресурсах, что все это очень неопределенно и, в сущности, связано с тем, что об этом рассказывают сами люди, иными словами, что дело в экспертизе и легитимации. ...Все начали понимать, что в центр дискуссии следует поместить организации. Например, если вы хотите отказаться в своих аналитических построениях от социального класса (что, собственно, и произошло), – какова возможная альтернатива? Если социальный класс уже не является определяющим принципом классификации индивидов и элементов в современном обществе, то следует от классов перейти к организациям, т.е. от Маркса – к Веберу. Исследователи искали возможность увидеть проблемы в ином, более конкретном ракурсе, вычленив более явные механизмы» [из наших интервью. – авт.].

Несмотря на то что традиционная социология организаций фокусировалась на внутреннем устройстве последних, в частности, на их бюрократической структуре, новые подходы в социологии организаций, появившиеся в конце 1970-х гг., поставили две группы вопросов: о множественности хозяйственных организаций и о типах межорганизационных отношений.

Первый вызов, который социологи организаций бросили неoinституционалистам в экономической теории, опровергая иллюзию о «единственном оптимальном пути» и простой дихотомии «рынок – организация», был связан с анализом функционирования и эффективности иных типов организаций, помимо крупных интегрированных многодивизионных фирм. Следуя изысканиям А. Стинчкомба, продемонстрировавшего, что ремесленная организация производства [craft organization] в определенных отраслях оказывается не менее рациональной и рентабельной, чем бюрократическая организация, многие социологи начали заниматься изучением новых институциональных конфигураций: «итальянских районов» (М. Лазерсон) или, на более общем уровне, «сетей малых фирм» (Ч. Перроу); «харизматических организаций» – таких, как, например, в сфере сетевого маркетинга компания «Tupperware», продающая домашнюю утварь по каталогам (Н. Биггарт); а также «азиатских конгломератов» – японских кейрецу и корейских чеболей (Н. Биггарт и Г. Гамильтон)²². Как отмечали эти авторы, во всех этих случаях учета простых экономических принципов – таких, как экономия от масштаба или трансакционные издержки – недостаточно для того, чтобы объяснить функционирование данных способов организации, оказывающихся весьма эффективными.

Другим вызовом неoinституционалистам в рамках заявленной темы множественности типов эффективности хозяйственных организаций стало объяснение случаев инверсии [les cas inverses], т.е. организационной конвергенции и однородности. Чтобы понять этот институциональный изоморфизм, следовало изменить русло анализа и в качестве объекта избрать не отдельную организацию, а пространство межорганизационных отношений, его возникновение и эволюцию. Подобное изменение перспективы позволило показать, что конвергенция организационных форм объясняется не просто их экономической эффективностью, но сугубо социологическими

²² Классическая работа А. Стинчкомба 1959 г. «Бюрократическое и ремесленное управление производством» [Bureaucratic and Craft Administration of Production] переиздана в кн.: [Granovetter, Swedberg 1992]. Работы М. Лазерсона об итальянских районах и Ч. Перроу о «сетях малых фирм» опубликованы в книге: [Swedberg 1993]. Из работ Н. Биггарт см.: [Biggart 1989]; наконец, об азиатском хозяйстве см.: [Hamilton, Biggart 1988; Orrù, Biggart, Hamilton 1997]. Близкие по тематике работы, тоже нацеленные на выявление иных форм хозяйственной организации по сравнению с теми, о которых говорили А. Чандлер и О. Уильямсон, написаны Ч. Сейбелом и М. Пиоре [Sabel, Piore 1984], а также Ч. Сейбелом и Дж. Цейтлином [Sabel, Zeitlin 1997].

механизмами: знанием ограничений (связанных с зависимостью организаций от окружающей среды), когнитивным или культурным миметизмом (вызываемым неопределенностью и, значит, склонностью следовать организационной модели, представляющей наиболее успешной), наконец – нормативным изоморфизмом (связанным с диффузией норм, осуществляемой группами профессионалов-экспертов)²³.

Социокультурный подход

Наконец, можно выявить третье направление исследований – социокультурный подход. Он представлен в первую очередь Вивианой Зелизер, работы которой первоначально были продиктованы нравственным протестом против распространяющихся тенденций маркетинга. Этой темой она начала заниматься в Колумбийском университете, проблема поднималась ею на многих конференциях и обсуждалась в междисциплинарном сборнике статей «Рынки и мораль», в который вошла в том числе и статья «Абсолютизация рынка», написанная научным руководителем Зелизер социологом-функционалистом Барнабасом Барбером [Barber 1977]. Последовательно выполненные Зелизер исследования страхования жизни, «рынка» детей и социального значения денег связаны с интеллектуальным проектом изучения областей, в которых наблюдаются противоречия между рынками и нравственными ценностями [Zelizer 1979, 1987].

Несмотря на то что в конечном счете социокультурный подход окажется интегрированным в процесс академического строительства «новой американской социологии» (см. ниже), он остается несколько маргинальным подходом. Если распределить количество взаимных цитирований внутри нашей группы «ключевых авторов» по методологическим направлениям, видно, что приверженцев сетевого анализа и неоинституционалистов цитируют гораздо чаще – они доминируют с большим отрывом, особенно в 1990-е гг. Представители социокультурного подхода не так многочисленны²⁴, друг друга цитируют мало, и еще меньше их цитируют другие авторы из нашей выборки. Похоже, что работы Вивианы Зелизер играют роль «культурного» противовеса в рамках дисциплины, в которой господствуют в основном формальные и институциональные модели социальных отношений.

Двойственная роль бизнес-школ

Парадоксально, но на стремительном развитии исследований в области экономической социологии позитивно сказался интенсивный переход социологов в бизнес-школы и школы менеджмента. Начиная с 1976 г. условия на рынке труда для молодых социологов – выпускников академических подразделений американских университетов стали крайне неблагоприятными. В 1980-е гг. бизнес-школы активно развивались (произошел «бум MBA», как назвал этот процесс один из наших респондентов) и приняли на работу множество

²³ См. особенно работы в сборнике под ред. У. Пауэлла и П. Димаджо: [Powell, DiMaggio 1991]. О распространении «неоинституционализмов» в разных дисциплинах см.: [Hall, Taylor 1996; DiMaggio 1998].

²⁴ Помимо Зелизер, здесь следует упомянуть Ч. Смита и М. Аболафию. Ч. Смит опубликовал работы о трейдерах и осуществлении продаж в рамках аукционов, однако они не пользовались большим влиянием. М. Аболафия также применил этнокультурный подход к исследованию фондовой биржи, но занимался этой тематикой недолго. Только В. Зелизер предложила фундаментальный интеллектуальный проект, представляющий культурно-исторический подход к изучению хозяйства.

социологов, особенно специалистов по теории организаций. И этот процесс стимулировал в 1980-е гг. развитие экономической социологии.

«В середине 1980-х гг. все больше социологов переходило в бизнес-школы. Мы оказывались бок о бок с экономистами, которые порою в штывки принимали нашу работу или попросту игнорировали ее. Пол Хирш рассказывал, что он действовал просто как настоящий антрополог по отношению к “племеню” экономистов, с которыми ему довелось работать, пытаясь выявить их исходные посылки и методы. Кто-то из нас решил, что настало, наконец, время хоть в чем-то одержать над ними верх в изучении хозяйства, и к концу 1980-х гг. среди социологов (многие из которых работали в бизнес-школах) началось заметное движение по возрождению экономической социологии» [из наших интервью. – авт.].

Примерно половина наших «ключевых авторов» преподают или когда-либо преподавали в бизнес-школах или школах менеджмента²⁵. Однако хотя переход в бизнес-школы в свое время и стимулировал развитие экономической социологии, имел место также и эффект «утечки мозгов»: некоторые авторы отказывались, по крайней мере отчасти, от социологических исследований в пользу изысканий в области менеджмента или консалтинговых услуг предприятиям²⁶. Это можно продемонстрировать на примере карьеры У. Бейкера, который, начав с новаторских исследований функционирования «торговых площадок», сегодня наряду с исследовательскими работами публикует «практические руководства» по накоплению «социального капитала»; а также на примере М. Юсима, который после работ о хозяйственных элитах сегодня публикует материалы консультативного характера для руководителей предприятий [Baker 1994, 2000; Useem 1998, 2001].

Развитие экономической социологии в бизнес-школах способствовало смягчению критики, которую вызвали некоторые из первых работ, появившихся в 1970-е гг. Сосредоточившись в своих исследованиях на изучении предприятия, организации внутри- и межорганизационных связей, экономическая социология в бизнес-школах ускорила отмирание критических неомарксистских моделей.

Построение экономической социологии

Поначалу новые попытки анализа экономических вопросов предпринимались в рамках различных интеллектуальных проектов и сосуществовали без выраженных связей между собой. Словосочетание «экономическая социология» еще не использовалось, и анализ

²⁵ П. Димаджио и У. Пауэлл работали в Школе менеджмента и исследований организаций в Йеле [School of Organization and Management]; М. Грановеттер – в Стэнфордской бизнес-школе и Высшей школе менеджмента Дж.Л. Келлога при Северо-Западном университете [Kellogg Graduate School of Management]; Р. Иклес (до того, как он учредил консалтинговое агентство) был профессором Гарвардской бизнес-школы; У. Бейкер и М. Мизраки основали Центр исследований общества и хозяйства в бизнес-школе Мичиганского университета [Center for Society and Economy]; М. Юсим возглавляет Центр исследований лидерства и управления изменениями в бизнес-школе Вартона Пенсильванского университета [Center for Leadership and Change Management]; М. Мейер и М. Юсим участвуют в работе Центра экономической социологии и организационных исследований и факультета социологии Пенсильванского университета (PESOS); П. Хирш и Б. Уци преподают в Высшей школе менеджмента Дж.Л. Келлога при Северо-Западном университете; Н. Биггарт – в Высшей школе менеджмента в университете Калифорнии в Дейвисе; Р. Бёрт – в бизнес-школе Чикагского университета и французской INSEAD.

²⁶ По оценке Ч. Перроу, поле исследований организаций «целиком насыщено интересом со стороны бизнес-школ», см.: [Perrow 2000].

взаимных цитирований в нашей выборке ключевых авторов показывает, что внутренних водоразделов было больше, чем общих интересов.

Таким образом, представление о внутренних связях можно получить на основе анализа взаимных цитирований в нашей группе из 31 человека. В первый период (1980–1985 гг.), т.е. до выхода в свет «манифеста» М. Грановеттера, четко выделяются четыре подгруппы (см. табл. в приложении).

- В первую вошли авторы, не имеющие связей друг с другом и не цитирующие в этот период никого (П. Ингланд, Ч. Сейбел, М. Аболафия, Ч. Смит, В. Зелизер) или к этому времени еще не опубликовавшие никаких работ (Ф. Ромо, П. Макгуайр, М. Лазерсон).
- Во вторую – авторы, которые в данный период активно использовали методики сетевого анализа, в первую очередь М. Шварц и объединившиеся вокруг него исследователи из Стоуни-Брук (Л. Стернз, М. Мизраки, Б. Минц), к ним примыкают также Р. Бёрт и У. Бейкер. К этим авторам, которых объединяло использование сетевого анализа, следует добавить и исследователей, связанных с М. Шварцем приверженностью неомарксистскому направлению (Р. Фридланд, М. Юсим, Ф. Блок).
- Третья подгруппа образована авторами, представляющими неинституциональные течения в социологии организаций (П. Димаджио, У. Пауэлл, Н. Биггарт, Г. Гамильтон, Н. Флигстин, Р. Иклес).
- Авторов четвертой подгруппы нельзя отнести к какому-то одному методологическому подходу, скорее они объединены по принципу старшинства или степени своего влияния (Ч. Перроу, М. Грановеттер, А. Стинчкомб, А. Портес, П. Хирш, Х. Уайт и М. Мейер). Их часто цитируют (особенно авторы из третьей подгруппы), при этом сами они друг друга цитируют редко (за исключением разве что Грановеттера, чью роль уже можно сравнить с «федеральным центром»).

Структура цитирований показывает, что представители разных подгрупп не особенно связаны между собой. В частности, авторы из второй подгруппы, в которой взаимных цитирований довольно много, – приверженцы сетевого анализа и (или) марксисты – в первом периоде никогда не цитировали авторов из третьей группы (неинституционалистов).

С этой точки зрения 1985 г. стал переломным. Можно заметить, что начиная с 1986 г. число авторов, цитируемых коллегами из нашей выборки, достигло 19 (пик пришелся на 1986 г. – 23), в то время как в 1981–1985 гг. таких авторов было 12. После 1985 г. тенденция к объединению берет верх: матрица взаимных цитирований становится более плотной, а их структура, «очищенная» методом выявления структурных эквивалентов, не содержит каких-либо устойчивых разделений.

Таким образом, до 1985 г. можно говорить о различных течениях экономической социологии, между которыми существовали редкие связи. Лишь во второй половине 1980-х гг. появляются исследователи, развивающие стратегии перегруппировки и институционализации, в том числе и путем введения общего наименования.

Стратегии институционализации

Среди попыток перегруппировать и переопределить данное исследовательское поле можно выделить несколько типов инициатив. Прежде всего это отдельные эпизоды сотрудничества, зачастую меж- или мультидисциплинарные, которые, впрочем, не были ориентированы на какую бы то ни было стратегию институционализации. Затем появились два институциональных проекта, отчасти конкурирующих между собой: проект Амитаи Этциони [Amitai Etzioni], нацеленный на институционализацию обменов между представителями

разных дисциплин, и проект, отстаивающий, напротив, изначальную приверженность социологии при определенной степени открытости другим направлениям.

В числе мультидисциплинарных эпизодов сотрудничества можно упомянуть специальный выпуск журнала «Теория и общество», подготовленный под редакцией Ш. Зукин и П. Димаджио и посвященный «структурам капитала» (1986 г.). В нем были продемонстрированы амбиции журнала (см. выше) в продвижении «социальной теории» и «обществоведа» нового типа. Подчеркивая совершенно новые аспекты экономических вопросов, его авторы следовали в целом в русле двух течений: неомарксистской традиции политической экономии, представленной в данном случае Ш. Зукин, и «неоинституциональному анализу организаций», реализованному П. Димаджио. Оба этих подхода базируются на посылке о том, что хозяйственные явления «укоренены в социальных неэкономических отношениях» и таким образом опровергают неоклассическую модель в экономической теории. Другой пример такого междисциплинарного сотрудничества – сборник Р. Фридланда и А. Робертсона «За пределами рынка» [Friedland, Robertson 1990]. Он появился по следам (по итогам) конференции, проведенной в 1988 г. в Санта-Барбаре (Калифорния, США), и включал результаты очень разных исследований о рынке, объединенных лишь их критическим отношением к постулатам неоклассической экономической теории и общей целью «переосмысления хозяйства и общества».

Единственной явно выраженной и устойчивой стратегией институционализации данного междисциплинарного проекта стала стратегия А. Этциони, заявившего в 1985 г. о создании «социоэкономики» – «мультидисциплинарной» области, которую в самых общих чертах можно определить как объединение тех, кто при изучении хозяйства стремится учесть и неэкономические переменные. По крайней мере отчасти эта инициатива была продиктована стремлением увязать экономические проблемы с нормативными схемами коммунитаризма [Etzioni 1985, 1986]. Это название распространилось довольно быстро, в том числе и в относительно влиятельной аудитории. В 1988 г. Этциони опубликовал свой «манифест» «Моральное измерение: к новой экономической теории» [Etzioni 1988] и в том же году организовал первую конференцию по «социоэкономике». В следующем году он основал «Общество развития социоэкономики» [«Society for the Advancement of Socio-Economics» (SASE)] – международную ассоциацию, курируемую самими известными исследователями; ее основной задачей являлась организация семинаров и междисциплинарных обсуждений. Однако проект Этциони не получил достаточного отклика в социологическом сообществе.

Понятие и само наименование «экономическая социология» развивались параллельно понятию «социоэкономика», но по иной стратегии, нежели та, которую преследовал Этциони. Предлагая словосочетание «экономическая социология», его сторонники планировали сформировать сообщество социологов, изучающих хозяйство, с целью реконструировать и продвинуть вперед данное направление. Социоэкономика и экономическая социология могут показаться схожими течениями, однако – по крайней мере в некоторой степени – это разнонаправленные проекты, ориентированные на разные исследования: междисциплинарной стратегии Этциони противопоставлена дисциплинарная стратегия сторонников экономической социологии.

Возникновение наименования

Понятие «экономическая социология» появилось лишь в 1980-е гг. Ни в одной из двух статей (Уайта 1981 г. и Грановеттера 1985 г.), которые сейчас, оглядываясь назад, мы называем «первоисточниками», их авторы не указывали на связь своего проекта с экономической социологией. Уайт предлагает увязать («укоренить») «неоклассическую теорию фирмы с социологическим подходом к рынкам» [White 1981: 518]. Он относит свою работу к традиции исследования «несовершенной конкуренции», начатой Э. Чемберленом. Что касается Грановеттера, то он разрабатывал собственный подход, который, по его мнению, следовал в

русле «современной структуралистской социологии» и в целом мог быть назван «исследованием укорененности» [embeddedness approach], или, применительно к хозяйственным явлениям, «исследованием укорененности в анализе хозяйственной жизни» [embeddedness approach to economic life]²⁷. И лишь в самом конце своей статьи Грановеттер указал на необходимость исследования социологами «хозяйственной жизни» и высказал сожаление по поводу того, что они слишком часто пренебрегают «этим огромным и важным срезом социальной жизни и европейской социологической традиции» (имея в виду традицию, идущую от М. Вебера).

Первый опыт использования термина «экономическая социология» остался почти незамеченным. Так была названа серия семинаров, которые Х. Уайт начиная с 1982 г. в течение нескольких лет проводил в Гарварде [Azarian 2003: 201–212]. Немного позднее это словосочетание появилось у А. Стинчкомба, который выпустил книгу «Экономическая социология» (1983 г.). Занимаясь первоначально социологией организаций, Стинчкомб развивает историческую и сравнительную макросоциологию, в которой хозяйственным организациям отводится примордиальная роль. Он избрал термин «экономическая социология» в качестве общего названия для своей книги потому, что последняя являла собой критику неомарксистского направления, включая таких авторов, как Т. Скокпол [Theda Skocpol], И. Валлерстайн [Immanuel Wallerstein], Э.О. Райт [Eric Olin Wright]. Противопоставляя свою работу этим новым течениям, Стинчкомб стремился защитить принципы социологии, ибо, как он считал, предлагаемый им подход позволяет анализировать хозяйственные структуры более детально, нежели это возможно в рамках неомарксистского анализа [Stinchcombe 1983: 255].

Понятие экономической социологии и подразумеваемые им дисциплинарные требования были сформулированы М. Грановеттером, когда в 1985 г. в рамках проведения одного из «круглых столов» он противопоставил «старую экономическую социологию» (которую он отождествлял с индустриальной социологией и работами Т. Парсонса и Н. Смелсера) «новой экономической социологии». По его мнению, «старая экономическая социология» более или менее ушла в прошлое («неожиданно отмерла»), в то время как начали развиваться новые направления, уже без колебаний атаковавшие микроэкономические постулаты: «Я считаю, с микроэкономикой есть фундаментальные проблемы, и новая экономическая социология должна заявить об этом во всеуслышание, особенно в таких ключевых, традиционно экономических областях, как изучение рыночной структуры, производства, ценообразования, распределения и потребления. Проблема микроэкономики заключается в том, что на самом деле акторы не обособлены друг от друга (не атомизированы), как гласит эта теория, но взаимодействуют друг с другом и включены в структуры взаимодействия, причем последние теоретически играют принципиальную роль для того, что мы имеем на выходе»²⁸.

Грановеттер развивает эту точку зрения в своей работе 1988 г., озаглавленной «Старая и новая экономическая социология: история и исследовательская программа»²⁹. В ее исторической части он опирался на работы Р. Сведберга, опубликовавшего в то время программную статью «Парадигма экономической социологии» [Swedberg, Himmelstrand, Brulin 1987] и описавшего историю и возрождение экономической социологии в работе «Экономическая социология: прошлое и настоящее», которая была опубликована в журнале «Современная социология» в 1987 г. [Swedberg 1987] Эти работы позволили Грановеттеру

²⁷ [Granovetter 1985: 493]. Иногда применительно к работам У. Домхоффа и М. Юсима о хозяйственных элитах Грановеттер говорит о «социологическом исследовании бизнеса». Книга Б. Минца и М. Шварца [Mintz, Schwartz 1985] квалифицируется им как «новая марксистская литература о “гегемонии” в бизнесе».

²⁸ Это замечание М. Грановеттера (август 1985 г.) приводится в работе: [Swedberg 1997].

²⁹ Опубликована в кн.: [Friedland, Robertson 1990].

встроить свой проект в традицию, отличную от функционализма, к которому принадлежало направление «хозяйство и общество».

Что касается Сведберга (шведского социолога, защитившего диссертацию в США), то он обосновывает использование словосочетания «экономическая социология», ссылаясь на классиков социологии, а также указывая на его четкую соотнесенность с социологической перспективой. Признавая, что в США данный термин никогда не был особенно распространен³⁰, он отмечает, что словосочетание «хозяйство и общество», до того момента использовавшееся для обозначения этой области исследований, более не отвечает поставленной цели. Хотя оно и стало привычным (по материалам Сведберга, в 1984 г. лишь на одной из сорока социологических кафедр читался курс с таким названием), оно тем не менее слишком отчетливо ассоциировалось с парсонсоновской традицией, а также с академизмом и «научной стерильностью». Работа Сведберга, открыто нацеленная на то, чтобы «вернуть экономической социологии статус автономной дисциплины в рамках социологии» [Swedberg 1994: 28], стала решающим шагом для утверждения ее наименования.

Несмотря на то что периодически использовалось и другое название – «социология хозяйственной жизни», именно словосочетание «экономическая социология» получало все большую популярность. В своей работе «Экономическая теория и социология» (1990 г.) Р. Сведберг представил Грановеттера как «ведущего исследователя в области, которую иногда называют “новой экономической социологией”». В коллективной монографии под редакцией Ш. Зукин и П. Димаджио «Структуры капитала» (1990 г.), в которую (наряду с новыми) вошли тексты, ранее опубликованные в упоминавшемся выше специальном выпуске журнала «Теория и общество», эти работы названы общим термином «экономическая социология»³¹.

Таким образом, инициативы Грановеттера и Сведберга привели к появлению легитимного наименования, имеющего надежный исторический фундамент и указывающего на разрыв с парсонсоновской традицией, а также – подчеркивая приверженность социологической дисциплине – на разрыв с критическими или мультидисциплинарными течениями.

Соперничающие определения

То, что термин «экономическая социология» все чаще использовался в качестве общего наименования, не означает согласия по поводу содержания данного проекта. Как раз напротив, поскольку «ключевые авторы» первоначально получили разное образование и придерживались разных методологических направлений, они, принимая этот общий термин, вкладывали в него свой собственный смысл. И в конце 1980-х гг. многие авторы предложили исследовательские программы, конкурирующие между собой³².

Первая попытка определения экономической социологии в данный период принадлежала Р. Сведбергу, У. Химмельштранду и Г. Брулину, опубликовавшим работу, в которой постулатам неоклассической парадигмы систематически противопоставляются постулаты экономической социологии. Сначала они отмечали, что классическая экономическая социология образует сильную теоретическую традицию, которая не получила достаточного развития. Затем,

³⁰ За исключением упомянутой выше книги А. Стинчкомба и сборника под редакцией Н. Смелсера: [Smelser 1965].

³¹ См. в частности: [Zukin, DiMaggio 1990: 28].

³² Например, Грановеттер в своей работе: [Granovetter 1988]; он же в соавторстве с Р. Сведбергом во введении к книге: [Granovetter, Swedberg 1992]; В. Зелизер в своей работе: [Zelizer 1988]; Ш. Зукин и П. Димаджио во введении к книге «Структуры капитала»: [Zukin, DiMaggio 1990]; Р. Фридланд и А. Робертсон во введении к книге «За пределами рынка» [Friedland, Robertson 1990].

сославшись на инициативу Парсонса и Смелсера, они характеризовали ее как слишком ограниченную для того, чтобы предложить реальную альтернативу экономическому анализу, а не простое дополнение к нему. Они выделили три задачи зарождающейся «новой экономической социологии»: изучение экономической литературы; отбор экономических проблем, важных для того, чтобы предложить альтернативу экономическому анализу; а также построение неидеологизированных теорий среднего уровня, в которых творческим образом переплетались бы эмпирические и теоретические изыскания [Swedberg, Himmelstrand, Brulin 1987].

Определение экономической социологии, предложенное Грановеттером в его программной статье 1988 г. (1990), наиболее операционально. Оно опирается на практику эмпирических исследований и сформулировано в терминах теории социальных сетей. При этом в нем фиксируется, что актор является «социально укорененным» субъектом, а экономическое действие следует объяснять только в привязке к системе отношений, в которую включен этот актор. Согласно этому определению, институты суть социальные конструкции, создание которых также следует рассматривать в терминах сетевого анализа (как это показывают примеры предприятий иммигрантов, а также отрасли производства и распределения электроэнергии). Макросоциологические понятия исключены из этого определения, равно как и отсылки к политическим условиям и культурной среде³³.

Вивиана Зелизер в своей программной статье 1988 г., адресованной в первую очередь Грановеттеру и другим представителям «социоструктурной школы», обратила внимание на то, что их подход совершенно не учитывает культурные факторы. Признавая полезный вклад «социоструктурного подхода к анализу рынков» (представленного работами Х. Уайта, Р. Бёрта, М. Грановеттера), она высказала сожаление, что это было сделано «за счет культурного измерения». В таком невнимании к проблематике культуры Зелизер видела влияние антипарсонсовианских настроений, на которых и базируется данное течение; но оно также и залог установления диалога между экономистами и социологами, к которому стремился Грановеттер, по крайней мере в начальный период. Подход, предложенный Зелизер, – модель «множественных рынков» – скорее строится от противного: это модель, в равной степени удаленная от того, что она называет «культурным и социоструктурным абсолютизмом».

Ш. Зукин и П. Димаджио в своем введении к книге «Структуры капитала» (1990 г.) развили предложенную Грановеттером идею «укорененности». Они выделили четыре формы укорененности: когнитивную, культурную, социальную и политическую, предложив социологическую программу, которая при этом интегрирует политико-экономические исследования с работами когнитивной или социокультурной направленности.

Поддержка Фонда Рассел-Сейдж

То, что после 1985 г. в социологии произошло размежевание, в частности за счет ослабления позиций критических и антидисциплинарных течений (критической теории, неомарксизма и т.д.), связано в значительной степени с поддержкой начинаний М. Грановеттера и Р. Сведберга Фондом Рассел-Сейдж. В конечном счете успех академических проектов зависит не только от того, приняты ли они университетским сообществом, но и в равной мере от возможности мобилизации внешних ресурсов. В США ключевую роль в этом отношении играют крупные фонды, особенно на первом этапе институционализации новых направлений.

³³ Если в последнее время Грановеттер и настаивает на сопоставимости своей модели с аналитическими течениями, учитывающими «принципиальную роль, которую оказывают культурные и политические силы на действия и сети индивидов» [Granovetter 2000: 37], то это происходит в связи с изданием его работ на французском языке и затиханием на сегодня борьбы за определение методологического поля и господство в нем.

Финансовая и символическая поддержка новой экономической социологии Фондом Рассел-Сейдж, несомненно, сыграла решающую роль для ее стремительной институционализации. Вся работа этого нью-йоркского фонда посвящена поддержке поведенческих и социальных наук; в 1980-е гг. он поддерживал проекты в области «поведенческой экономики», а благодаря присутствию в его Совете Роберта Мертон и Нила Смелсера начал поддерживать и социологические инициативы. В рамках проекта, нацеленного на то, чтобы «открыть экономические вопросы поведенческим и социальным течениям», в 1987 г. Фонд установил контакт с М. Грановеттером [Swedberg 1993: 15–16]. Два года спустя (в 1989 г.) Фонд решил поддержать предложенный Грановеттером проект публикации объемного сборника по экономической социологии и организовать семинар, на котором обсуждалось бы реальное состояние дел в данной области. Серия семинаров была проведена в Нью-Йорке в 1990–1991 гг. под руководством М. Грановеттера; на постоянной основе в них принимали участие 16 исследователей из университетов Восточного побережья и Северо-Востока, представлявших разные течения. Некоторые из них получили академические отпуска за счет грантов Фонда.

После этой серии семинаров Фонд Рассел-Сейдж поддержал ряд проектов по экономической социологии и выступил издателем или соиздателем серии публикаций: начиная от сборника материалов семинара под редакцией Сведберга [Swedberg 1993]) и кончая недавно вышедшей коллективной монографией «Новая экономическая социология: развитие формирующегося поля» [Guillén et al. 2002]. Самой важной публикацией, которая внесла наибольший вклад в академическое становление поля и помогла ему стать самостоятельным направлением, стала, конечно же, хрестоматия по экономической социологии под редакцией Н. Смелсера и Р. Сведберга [Smelser, Swedberg 1994]). Этот монументальный труд (более 800 страниц плотного текста) стал ключевым сборником работ. Формально названная хрестоматией, кратко представлявшей результаты серьезных исследований, книга тем не менее стала в большей степени манифестом, перформативным действием, которое фактически дало определение этой дисциплине и сформировало ее³⁴.

Заключение

Как и все вновь возникающие исследовательские области, «новая экономическая социология» является результатом объединения под общим академическим наименованием исследователей, первоначально принадлежавших к весьма различным течениям. Заимствование термина, традиционно использовавшегося европейскими «отцами-основателями», позволило возродить эту традицию, а попутно отмежеваться и от прежнего наименования (традиции «хозяйство и общество», дискредитировавшей себя своей тесной связью с парсонсоновским направлением), и от междисциплинарных течений (таких, как «социоэкономика» А. Этциони), и от антидисциплинарных течений (таких, как неомарксизм), которые в 1980-е гг. сдали свои позиции. Относительное единство «новой

³⁴ Не случайно секция экономической социологии Американской социологической ассоциации последовала предметной классификации, предложенной в хрестоматии. Миссия этой секции была первоначально сформулирована следующим образом: «...развивать социологические исследования производства, распределения, обмена и потребления дефицитных товаров и услуг. Для этого обмениваться идеями, информацией, ресурсами среди экономсоциологов; стимулировать исследования, полезные как с теоретической, так и с политической точек зрения; осуществлять подготовку студентов и аспирантов; сообщать результаты исследований заинтересованной аудитории, включая политиков. Экономическая социология – это особая подобласть. Она едина в отношении метода и теории. Экономсоциологи используют весь спектр качественных и количественных методов. Здесь нет одного доминирующего теоретического подхода; это поле вбирает в себя разные течения, оно эклектично и плюралистично».

экономической социологии» связано прежде всего с таким тройным отмежеванием, а не с наличием общей парадигмы или единого интеллектуального проекта.

«Новая экономическая социология» обрела *научную легитимность*, объединив два новых перспективных течения: сетевой анализ и неинституциональный подход к социологии организаций; к ним примыкает третий, более маргинальный, подход – социокультурный. Структура взаимных цитирований в группе ключевых авторов явно указывает на то, что в первой половине 1980-х гг. между этими подходами было очень мало связей. И если во второй половине 1980-х гг. объем взаимных цитирований, т.е. плотность позитивных, полемических и дипломатических контактов, увеличился, то исследовательская плоскость изменилась в значительно меньшей степени. Читая эти работы, замечаешь, что объединение под одним именем не особенно изменило исследовательские практики, равно как и не стерло линий размежевания между приверженцами сетевого анализа, социологами организаций и последователями этнографического или социокультурного подходов. Скорее, словосочетание «экономическая социология» позволило объединить довольно разномастные исследования и вписать их в классификацию академических дисциплин, таким образом, получив необходимую поддержку для институционализации. Если говорить в международном масштабе, то можно заметить, что за исключением цитирования классиков, особенно Вебера, «новая экономическая социология» построена главным образом на собственных работах, практически без ссылок на неамериканские современные исследования. Например, работы Пьера Бурдьё, рассуждавшего о связях между социологией и экономической теорией с самого начала своих исследований в Алжире, похоже, не оказали на нее заметного влияния, на них обратили внимание разве что совсем недавно³⁵.

Институциональную легитимность новая экономическая социология обрела быстро, благодаря Фонду Рассел-Сейдж. Его мощная поддержка, напоминающая о структурных особенностях американской университетской среды, позволила осуществить процесс, который в Европе развивается значительно медленнее и оказывается гораздо менее сфокусированным. Поразительно, но эта стратегия позволила в кратчайшие сроки институционализировать новое направление при помощи публикации хрестоматии, которая в рамках конвенциональной академической классификации объединила авторов, представляющих почти все методологические течения и все области исследований. Таким образом, понятие экономической социологии является в большей степени институциональным, чем интеллектуальным проектом, это скорее внутридисциплинарная коалиция, нежели особая проблематика или единая инициатива. Однако миссия этого альянса не просто в отделении от других течений в рамках социологии. То, что происходит внутри университетских дисциплин, невозможно понять, просто анализируя акты непосредственного взаимодействия между индивидами, связанными между собой сетями взаимных знакомств. Становление «новой экономической социологии» в равной степени напоминает и о том, что следует учитывать структурные условия, в которых осуществляются эти взаимодействия. Среди структурных ограничений здесь имел место морфологический эффект – иными словами, эффект перепроизводства дипломов в 1970-е гг., сопутствовавшая ему сильная тематическая и теоретическая дифференциация, а также стратегии объединения, выкристаллизовавшиеся к концу 1980-х гг. и отчасти обусловленные неолиберальным поворотом, зарождающимся «империализмом» со стороны экономистов и новыми возможностями, которые появились с распространением бизнес-школ.

Учитывать этот контекст означает не просто обратить внимание на структурные факторы, но и задуматься о более реалистичном и точном объяснении стратегий акторов, а в конечном счете – о возможностях и перспективах их проекта. Если в результате нам кажется, что «новая экономическая социология» заняла особую нишу в рамках современной социологии,

³⁵ См., в частности: [Swedberg 2003].

то это не просто в силу ее признания в качестве самостоятельной специализации. Содержание новых специализаций в рамках дисциплин, автономия которых по меньшей мере относительна, зависит также и от значения, которое данные специализации могут иметь за рамками этих дисциплин. Отказавшись от иллюзии автаркии и различия микросоциологических моделей, ограниченных внутридисциплинарной динамикой («миграцией» исследователей и «гибридизацией» ролей), следует учесть и положение – реальное или потенциальное, – которое данные специализации займут в системе дисциплин и, в более широком смысле, в социальном пространстве. В конечном счете экономическая социология отличается от многих иных областей социологических исследований тем, что она выполняет (по крайней мере, потенциально) две ключевые функции, обеспечивающие ей стратегическую позицию в рамках социологии. С одной стороны, она противостоит парадигме, доминирующей в социальных науках, стремясь быть в курсе достижений экономической науки и оперировать моделями рационального актора. В отличие от некоторых более ранних случаев противостояние экономической теории и экономистам уже не является сугубо внешним или метатеоретическим, не предполагает сугубо моральных следствий или эпистемологических посылок относительно экономических моделей. Вместо этого экономическая социология вступает на само поле экономической теории, поле экономических структур и процессов, и ставкой в этой игре выступает эмпирическая обоснованность формулировок и их объясняющая ценность. С другой стороны, эти амбиции идут рука об руку со стремлением по-новому поставить вопросы, лежавшие в основе общественной дискуссии с момента экономического кризиса 1970-х гг. и всплеска неолиберализма. Политическая или гражданская уместность социологического анализа рынков, роли финансов, процессов дерегуляции или глобализации придает экономической социологии совершенно особое звучание, – далеко выходящее за ограниченные рамки анализа экономических проблем, принятого в сегодняшних университетах.

Литература

- Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago: Chicago University Press, 2001.
- Abolafia M.Y.* Making Markets. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Azarian R.* The General Sociology of Harrison White // Ph.D. dissertation. Department of Sociologie. Stockholm University, 2003.
- Baker W.E.* Market Networks and Corporate Behavior // American Journal of Sociology. 1990. Vol. 96. No. 3.
- Baker W.E.* Networking Smart: How to Build Relationships For Personal and Organizational Success. N.Y.: McGraw-Hill, 1994.
- Baker W.E.* Achieving Success Through Social Capital: Tapping Hidden Resources in Your Personal and Business Network. San Fransisco: Jossey-Bass, 2000.
- Baker W.E., Faulkner R.R., Fisher G.A.* Hazards of the Market: The Continuity and Dissolution of Interorganizational Market Relationships // American Sociological Review. 1998. Vol. 63. P. 147–177.
- Barber B.* Absolutization of the Market: Some Notes on How We Got from There to Here // Markets and Morals / Ed. by G. Dworkin, G. Bermant, P.G. Brown. Washington: Hemisphere Pub. Corp., 1977. P. 15–31.
- Becker G.S.* The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Biggart N.W.* Charismatic Capitalism. Chicago: Chicago University Press, 1989.
- Bonacich P.* A Technique for Analysing Overlapping Memberships // Sociological Methodology / Ed. by H. Costner. San Fransisco: Jossey-Bass, 1972.

- Bourdieu P.* Vive la crise! For Heterodoxy in Social Science // *Theory and Society*. 1988. Vol. 17. P. 773–788.
- Bourdieu P.* *Science de la science et réflexivité*. Paris: Editions Raisons d’agir, 2001.
- Burt R.* *Toward a Structural Theory of Action: Network Models of Social Structure, Perception and Action*. N.Y.: Academic Press, 1982.
- Burt R.* *Corporate Profits and Cooptation: Networks of Market Constraint and Directorate Ties in the American Economy*. N.Y.: Academic Press, 1983.
- Coleman J.S.* *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
- D’Antonio W.* *Recruiting Sociologists in a Time of Changing Opportunities // Sociology and Its Publics / Ed. by T. Halliday, M. Janowitz*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 99–136.
- DiMaggio P.* *The New Institutionalisms // Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1988. Vol. 154. No. 4. P. 696–705.
- Etzioni A.* *Toward Socio-Economics // Contemporary Sociology*. 1985. Vol. 14. P. 178–179.
- Etzioni A.* *Founding a New Socio-Economics // Challenge*. 1986. Vol. 29. No. 5. P. 475–482.
- Etzioni A.* *The Moral Dimension: Toward a New Economics*. N.Y.: Free Press; L.: Collier Macmillan, 1988.
- Friedland R., Robertson A.F.* (eds.). *Beyond the Marketplace*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1990.
- Gislain J.-J., Steiner P.* *La sociologie économique (1890–1920)*. Paris: PUF, 1995.
- Granovetter M.* *Towards a Sociological Theory of Income Differences // Sociological Perspectives on Labor Markets / Ed. by I. Berg*. N.Y.: Academic Press, 1981.
- Granovetter M.* *Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddness // American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510. См. также перевод: *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 131–158.
- Granovetter M.* *The Old and the New Economic Sociology: A History and an Agenda // Beyond the Marketplace: Rethinking Economy and Society / Ed. by R. Friedland, A.F. Robertson*. N.Y.: Aldine, 1990. P. 89–112.
- Granovetter M.* *Le marché autrement*. Paris: Desclée de Brouwer, 2000.
- Granovetter M., Swedberg R.* (eds.). *The Sociology of Economic Life*. Boulder: Westview Press, 1992.
- Guillén M.F. et al.* *The New Economic Sociology: Developments in an Emerging Field*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2002.
- Hamilton G., Biggart N.W.* *Market, Culture and Authority: A Comparative Analysis of Management and Organization in the Far East // American Journal of Sociology*. 1988 (supplement). Vol. 94. P. 52–94.
- Hargens L.* *Impressions and Misimpressions About Sociology Journals // Contemporary Sociology*. 1991. Vol. 20. P. 343–349.
- Heilbron J.* *A Regime of Disciplines: Toward a Historical Sociology of Disciplinary Knowledge // The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age / Ed. by C. Camic, H. Joas*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. P. 23–42.

- Hall P., Taylor R.* Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. P. 936–957.
- Mintz B., Schwartz M.* The Power Structure of American Business. Chicago: Chicago University Press, 1985.
- Mizruchi M.* The American Corporate Network, 1904–1974. Beverly Hills: Sage, 1982.
- Mizruchi M., Schwartz M.* (eds.). *Intercorporate Relations: The Structural Analysis of Business*. N.Y.: Cambridge University Press, 1987.
- Orrù M., Biggart N.W., Hamilton G.* The Economic Organization of East Asian Capitalism. L.: Sage, 1997.
- Perrow C.* Markets, Hierarchies and Hegemony: A Critique of Chandler and Williamson // *Perspectives on Organization Design and Behavior* / Ed. by A. van de Ven, W. Joyce. N.Y.: John Wiley, 1981.
- Perrow C.* Economic Theories of Organizations // *Perrow C. Complex Organizations*. 3rd ed. N.Y.: Random House, 1986; работа перепечатана также в специальном выпуске журнала «Теория и общество»: *Theory and Society*. 1986. Vol. 15. P. 11–45; и сборнике, опубликованном по материалам этого выпуска: *Zukin S., DiMaggio P.* (eds.). *Structures of Capital: The Social Organization of the Economy*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. P. 121–152.
- Perrow C.* An Organizational Analysis of Organizational Theory // *Contemporary Sociology*. 2000. Vol. 29. No. 3. P. 469–476.
- Powell W., DiMaggio P.* (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Radnitzky G., Berholz P.* (eds.). *Economic Imperialism. The Economic Approach Outside the Field of Economics*. N.Y.: Paragon House Publishers, 1987.
- Sabel C.F., Piore M.J.* The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N.Y.: Basic Books, 1984.
- Sabel C.F., Zeitlin J.* (eds.). *World of Possibilities: Flexibility and Mass Production in Western Industrialization*. Paris: Maison des sciences de l'homme; Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Schwartz M.* Radical Protest and Social Structure. N.Y.: Academic Press, 1976.
- Smelser N.* Readings on Economic Sociology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1965.
- Smelser N.J., Swedberg R.* (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 1994.
- Stinchcombe A.* Economic Sociology. N.Y.: Academic Press, 1983.
- Swedberg R.* Economic Sociology: Past and Present // *Current Sociology*. 1986. Vol. 35. No. 1. P. 1–221.
- Swedberg R.* On Economic Sociology. An Interview with Mark Granovetter (1985/86) // *Research Report*. Department of Sociology. Uppsala University, 1987.
- Swedberg R.* Economics and Sociology: Redefining their Boundaries. Conversations with Economists and Sociologists. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.
- Swedberg R.* (ed.). *Explorations in Economic Sociology*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1993.
- Swedberg R.* Une histoire de la sociologie économique. Paris: Desclée de Brouwer, 1994.
- Swedberg R.* Markets as Social Structures // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 255–282.
- Swedberg R.* New Economic Sociology: What Has Been Accomplished. What is Ahead // *Acta Sociologica*. 1997. Vol. 40. No. 2. P. 161–182. См. также перевод: *Сведберг Р.* Новая

экономическая социология: что сделано и что впереди? // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 111–130.

- Swedberg R.* Principles of Economic Sociology. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003.
- Swedberg R., Himmelstrand U., Brulin G.* The Paradigm of Economic Sociology // Theory and Society. 1987. Vol. 16. P. 169–213.
- Tullock G.* Economic Imperialism // Theory of Public Choice / Ed. by J. Buchanan, R. Tollison. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1972. P. 317–329.
- Turner S., Turner J.* The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology. L.: Sage, 1990.
- Useem M.* The Leadership Moment: Nine True Stories of Triumph and Disaster and Their Lessons for us All. N.Y.: Random House, 1998.
- Useem M.* Leading Up: How to Lead Your Boss So You Both Win. N.Y.: Random House, 2001.
- Useem M., Miller S.M.* Privilege and Domination: the Role of the Upper Class in American Higher Education // Social Science Information. 1975. Vol. 14. P. 115–145.
- Useem M., DiMaggio P.* Social Class and Arts Consumption: The Origins and Consequences of Class Differences in Exposure to the Arts in America // Theory and Society. 1978. Vol. 5. P. 141–161.
- Useem M., DiMaggio P.* The Arts in Class Reproduction // Cultural and Economic Reproduction in Education / Ed. by M. Apple. L.: Routledge & Kegan Paul, 1982.
- Useem M.* The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K. N.Y.: Oxford University Press, 1984.
- White H.C.* An Anatomy of Kinship: Mathematical Models for Structures of Cumulated Roles, Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963a.
- White H.C.* Uses of Mathematics in Sociology // J.C. Charlesworth (ed.). Mathematics and the Social Sciences. Philadelphia: American Academy of Political and Social Science, 1963b.
- White H.C. (with Cynthia White).* Canvases and Careers: Institutional Change in the French Painting World. N.Y.: John Wiley and Sons, 1965.
- White H.C.* Chains of Opportunities: System Models of Mobility in Organizations. Harvard: Harvard University Press, 1970.
- White H.C.* Where Do Markets Come From? // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. No. 3. P. 517–547.
- White H.C.* Identity and Control: A Structural Theory of Social Action. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.
- Williamson O.E.* Markets and Hierarchies, Analysis and Antitrust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization. N.Y.: Free Press, 1975.
- Zelizer V.* Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States. N.Y.: Columbia University Press, 1979.
- Zelizer V.* Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children. N.Y.: Basic Books, 1987.
- Zelizer V.* Beyond the Polemics on the Market: Establishing a Theoretical and Empirical Agenda // Sociological Forum. 1988. Vol. 3. P. 614–634.
- Zukin S., DiMaggio P.* (eds.). Structures of Capital. The Social Organization of the Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; ранее опубликована в специальном выпуске журнала «Теория и общество»: Theory and Society. 1986. Vol. 15. P. 1–10.

Приложение. Взаимные цитирования [в группе ключевых авторов], 1980–1985 гг.

	1	9	24	26	23	16	31	15	5	29	4	6	2	18	19	11	25	7	13	8	3	22	28	10	20	12	27	21	14	30	17		
	Аббафия	Игланд	Сейбел	Смит	Ромо	Максуайр	Зелигер	Лаврсон	Стерн	Юсим	Блок	Бёрг	Бейкер	Минц	Мизраки	Фрицланд	Шварц	Димаджио	Гамльтон	Икес	Бигг	Паул	Сведберг	Флиг	Перр	Грановеттер	Стинч	Порт	Хирш	Уайт	Мейер		
1	Абол																																
9	Ингл		17																														
24	Сей			7																													
26	Смит				4																												
23	Ромо																																
16	Мак																																
31	Зел						2																										
15	Лаз																																
5	Стер																																
29	Юсим									26	2	1		3	2																		
4	Блок			3							8					1		2								1							
6	Бёрг									1		73																	1	1			
2	Бейк	2										1	4													2				1			
18	Минц									3	1	2		8	7															1			
19	Миз									2		3		5	7										1	1					2		
11	Фри									1		2		3		12										1							
25	Шва								1	6	1	4		14	9		1																
7	Дим																	11					2										
13	Гам																		3		3												
8	Икл																				3												
3	Бигг																																
22	Пау																		7			6											
28	Свед																						2										
10	Флиг																	1						1									
20	Перр																									7	1						
12	Гран																									8						2	
27	Стинч																											6				1	
21	Порт																												16				
14	Хирш																													3			
30	Уайт																															3	
17	Мей																									1		2					11

Данные о взаимном цитировании получены в результате обработки Индекса цитирований в социальных науках. Мы использовали метод CONCOR в программе Ucinet для математического анализа сетей в нашей матрице «ключевых авторов». Этот метод позволяет выявить «структурные эквиваленты» согласно сетевой теории, т.е. разбить матрицу на подгруппы (в нашем случае – четыре), объединяя индивидов, которые не обязательно связаны между собой, но включены в одни и те же сети; иными словами, в нашем случае это индивиды, которые цитируют авторов из этой же подгруппы и сами цитируемы ими. После такого разбиения была выстроена квадратная блочная матрица [blocked matrix], в которой значение на пересечении столбцов и строк (где строки указывают источник, т.е. цитирующего автора, а столбцы – направление, т.е. цитируемого автора) показывает количество связей между двумя данными индивидами. Здесь мы учитываем также случаи автоцитирования.

Пример чтения матрицы: Юсим (второй блок, строка «Юсим») в своих статьях 1980–1985 гг. цитировал: самого себя – 26 раз, Блока – 2, Бёрта – 1, Минц – 3, Мизраки – 2, Димаджио – 2, Грановеттера – 1 раз. Его цитировали (столбец «Юсим»): он сам – 26 раз, Бёрт – 1, Минц – 3, Мизраки – 2, Фридланд – 1, Шварц – 6, Димаджио – 1, Пауэлл – 1, Грановеттер – 1 раз.

Взгляд из регионов**ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАКТИКАХ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ****Чеглакова Людмила Михайловна**

зав. сектором консалтинга Центра «Социальная механика», старший преподаватель кафедры социологии и политологии Самарского государственного университета

Email: icheglakova@mail.ru

Вопреки ожиданиям авторов многочисленных учебников по управлению персоналом, а также ряда практиков-управленцев, трансформация института управления промышленным предприятием советского типа не привела к стихийному развитию практик управления, характерных для западных предприятий. Однако чтобы адаптироваться к изменяющимся внешним условиям и быть успешными, предприятия продолжают вносить изменения в структуру управления персоналом, изменять средства или ресурсы (и материальные, и символические), посредством которых достигаются значимые для предприятия проекты. Опыт реформирования в России на протяжении двух последних десятилетий представляет богатый материал для исследования и анализа трансформации практик управления персоналом, процесса поиска и складывания нового баланса «старых» и «новых» институциональных форм, соответствующих изменившимся условиям существования российской экономики. Прежние отражают советское прошлое, новые призваны соответствовать рыночной экономике и демократическому устройству общества.

Как можно охарактеризовать изменения в практиках управления персоналом в реформируемой России? Для этого подробнее раскроем те атрибуты, согласно которым определяются традиционные для советского предприятия практики управления персоналом (далее – УП). Нам представляется, что таких исходных признаков несколько.

- Преобладание регистраторской функции, когда процедуры подбора кадров не были слишком сложными в силу сформировавшейся модели занятости, уравнительных способов вознаграждения и жесткой государственной регламентации трудовых ресурсов.
- Низкий статус отдела кадров, выполнение многократно повторяющихся рутинных операций, не требующих специальных знаний и высокой квалификации его сотрудников; нахождение службы на периферии управленческой иерархии.
- Децентрализация УП, закрепление отдельных инструментов УП за разными подразделениями при решающей роли в формировании кадровой политики производственных служб и общественно-политических организаций.
- Ограничение практик УП такими инструментами, как наем и увольнение работников, надзор, регулирование условий труда, обучение сотрудников.

Обозначенные атрибуты традиционных для советского предприятия практик УП не исчерпывают всех их особенностей, которые требуют дальнейшего изучения. Они на данном этапе скорее иллюстрация того, что эти особенности есть, и обусловлены они целым рядом внешних условий. В числе таких внешних условий В.В. Радаев отмечает тейлористские управленческие схемы, дополнявшиеся развитием патернализма, где социальная защищенность обеспечивалась полной занятостью и заниженными требованиями к качеству выполняемой работы, а также гарантированным минимумом заработной платы. На большинстве советских предприятий трудовые отношения характеризовались «установлением авторитарного контроля со стягиванием принятия решения на директора и

обслуживающую его команду» [Радаев 1997: 312]. С.Г. Кирдина, разбирая вопрос о модели трудовых отношений в советской России, рассматривает их как часть институтов редистрибутивных экономик, элементами которых являются: 1) общая собственность; 2) служебный труд; 3) координация; 4) редистрибуция; 5) пропорциональность [Кирдина 2003: 40]. Практики УП советского предприятия с присущими им чертами отражают своеобразие социального института промышленного управления в России, определяют направления его трансформации и возможные пределы институциональных преобразований.

В каких формах представлены сегодня, после 20 лет реформирования, практики управления персоналом на российских промышленных предприятиях? Какова логика протекания инноваций и изменения практик управления персоналом? Под влиянием каких условий происходят инновации в управлении персоналом? Какие существуют барьеры для изменения этих практик? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена эта статья.

Описание эмпирической базы

В основу исследования уровней, практик и механизмов управления персоналом заложен этнографический подход, сочетающий наблюдение, анализ первичных документов и тексты интервью, где интервью служат основой для теоретического осмысления типичных образцов социального поведения.

Предметом нашего анализа выступает изменение практик УП. Общая тенденция сегодня такова, что управление персоналом на малом предприятии не выделяется из общих управленческих функций, осуществляемых главным руководителем малой организации и не выделено функционально в организационной структуре предприятия. УП средних и крупных предприятий представляет собой, напротив, сложную систему, объединяющую множество различных (и зачастую противоречивых) рациональностей, присущих каждой из структурно-функциональных единиц предприятия, а структура, функции УП таких предприятий более сложны и неоднородны. Именно этим фактом и объясняется выбор случаев. Из общего числа предприятий, участвовавших в проекте, объектом анализа выбраны 14 средних и крупных предприятий (с численностью персонала от 250 до 11 тыс. человек). Предприятия, ставшие объектами анализа, расположены в семи разных городах России (Екатеринбург, Москва, Новокуйбышевск, Осинники, Пермь, Самара, Ульяновск), имеют различную организационно-правовую форму и принадлежат к следующим отраслям: машиностроение, металлургия, электротехническая и химическая промышленность, производство строительных материалов, пищевая промышленность, телекоммуникации и угледобыча. По основной деятельности большинство из них – промышленные предприятия, выпускающие конечную продукцию, рассчитанную на платежеспособный спрос, и все они в той или иной степени испытывают давление рынка. Согласно критериям отбора все исследованные предприятия являются «успешными» с точки зрения экономической стабильности, а также по социальным показателям, в частности, по динамике численности персонала, по уровню заработной платы. Почти все предприятия были образованы в советский период и являются наследниками советского прошлого с его традиционными практиками УП, только одно из предприятий относится к новым предприятиям (образовано после 1998 г.). На момент исследования большинство из них благополучно миновало стадию выживания и перешло к этапу развития, который интересен тем, что основное значение приобретают эффективность и устойчивость, происходит выделение приоритетов кадровой политики и сознательный выбор тактик их достижения.

Цели и приоритеты кадровой политики

Несмотря на определенные изменения в дизайне и практиках управления персоналом, целеполагание в этой области для многих участников рынка остается весьма традиционным и происходит в системе координат, рассматривающих человека как фактор затрат. Но в

зависимости от внешних и внутренних условий предприятий эти затраты менеджмент намеревается сокращать или сохранять на минимально допустимом для производства уровне.

Цели кадрового менеджмента в таких случаях артикулируются следующим образом: «оптимизировать численность персонала»; «обеспечить численность персонала, необходимую для поддержания технологического процесса», «не потерять трудовой потенциал предприятия». Во многих случаях это вынужденная стратегия. На первых порах в условиях разрыва традиционных связей, сокращения плановых государственных заказов многие предприятия были вынуждены минимизировать численность своих сотрудников, стараясь сократить издержки и обеспечить минимальную рентабельность производства. По словам руководителя профсоюза одного из металлургических заводов, в управлении которого есть западный собственник, *«навверное, по-другому в тот период и нельзя было поступить, поскольку объемы производства были маленькие, и все видели, что другого выхода нет, так как предприятие шло к банкротству, а помощи, в том числе финансовых вливаний, не было со стороны...»*. Многие традиционные предприятия легкой, пищевой промышленности продолжают следовать стратегиям выживания на рынке, обеспечивая технологический процесс необходимым минимумом трудовых ресурсов при условии минимальной заработной платы работникам. По-прежнему остро эти вопросы стоят для автономных традиционных предприятий, где собственники непосредственно выполняют управленческие функции (Завод строительных материалов-1, Завод строительных материалов-4, Хлебокомбинат-1, Хладокомбинат-1, Нефтехимзавод-2). Главной задачей для таких предприятий является необходимость собственного снабжения, технической модернизации, самостоятельного поиска рынка сбыта для своей продукции – в условиях дефицита финансовых ресурсов. Руководство видит цель в обеспечении воспроизводства своего предприятия прежде всего как единицы производства. Эта цель транслируется в приоритеты кадровой политики: «сохранить трудовой коллектив», «сохранить костяк», «обеспечить комплектацию кадрами технологической цепочки». Как емко выразил подобную цель начальник отдела кадров Завода строительных материалов-1, *«моя стратегия – укомплектовать, чтобы не было дыр!»*.

В других случаях – это успешно апробированная стратегия адаптации предприятия к внешним условиям. Такой она является для более крупных игроков – прежде всего вертикально интегрированных холдингов, предприятий с западным капиталом. Руководители высшего уровня (будь то администрация или внешние собственники), приспособившись к внешним условиям, принимают решение о приведении численности персонала в соответствие с объемами производства. Для этих игроков «оптимизация численности персонала» – стратегия, которая является обязательной для всех предприятий, вливающих в структуру. Она сознательно применяется менеджментом как инструмент повышения рентабельности предприятия (Металлургический завод-1, Металлургический завод-3, Машзавод-2, Химзавод-1, Электротехнический завод-1). В целом, верхушка управления, представленная собственниками и наемными менеджерами головной компании, к персоналу относится в этих случаях вполне прагматично – как к ресурсу в достижении целей предприятия. Позиция директоров региональных предприятий, входящих в холдинг, не столь однозначна. Апробированные в рамках холдинга стратегии часто являются «травматичными» для персонала предприятий. Поэтому неявные цели в УП, скрытые стратегии манипулирования поведением работников имеют место. Адаптивные практики регионального менеджмента пытаются «упаковать» противоречивые интересы разных групп – вышестоящего руководства и коллектива собственного предприятия. Так, на Металлургическом заводе-3, Хлебокомбинате-2 директора использовали стратегию *«самосокращения»* персонала – за счет изменения условий (организации труда, принципов вознаграждения) на предприятии оставались работники с самым высоким уровнем производительности труда и наиболее высоким уровнем зарплаты, работники менее конкурентных и профессиональных позиций по собственному желанию покидали предприятие.

Связь между вниманием менеджмента к вопросам управления персоналом и выбранной рыночной стратегией предприятия отмечают также О. Дудченко, А. Мытиль. По их мнению, для предприятий на стадии выживания характерно, что управление персоналом «не рассматривается в качестве проблемной зоны, требующей специальных усилий со стороны менеджеров» [Становление трудовых отношений 2004: 113]. Более того, эти вопросы начинают волновать менеджеров на следующей стадии (социологи называют ее стадией «развития инфраструктуры», т.е. когда предприятие встало на ноги и заняло определенную нишу на рынке). Выход из кризисной ситуации для предприятий означает смену ориентиров кадрового менеджмента, а вопрос выживания сменяется вопросом приспособления к среде. На этом этапе, когда наметилась положительная динамика в развитии производства, высшие менеджеры не только артикулируют необходимость работы с персоналом, но и предпринимают определенные шаги в этом направлении. В этих условиях менеджмент в большинстве случаев осознанно конструирует цели кадровой политики. Артикулируя приоритеты кадровой политики, менеджмент старается продемонстрировать работникам свое отношение: *«чтобы люди понимали, что они здесь не винтики – к ним относятся уважительно, их труд ценят, их ценят как специалистов, как мастеров своего дела»* (МЗ-2). В традициях рационализации производственного процесса приоритеты кадровой политики выбираются разные, но в общем и целом они все связаны с *качеством* человеческих ресурсов. Помимо объективных причин воспроизводства традиционных практик УП, на некоторых предприятиях менеджмент сознательно реконструирует или поддерживает образцы советского института управления. Так, на угледобывающем предприятии целью формирования определенной системы отношений на производстве, по сути, выступает возрождение советских трудовых ценностей: *«Для многих рабочих возврат к старым образцам является свидетельством реальной устойчивости и эффективности производства»*. В этом случае старые практики УП – это попытки сохранить на предприятии атмосферу, привычную для работников старшего трудоспособного возраста, которые и составляют основную часть персонала предприятия. Очевидно, высочайший уровень сохранности этих практик свойствен предприятиям с большим количеством персонала предпенсионного возраста и особенно там, где менеджмент сохранился с советских времен. Эти люди просто воспроизводят привычную для себя среду – в иной им дискомфортно, даже если они понимают, что новые практики повышают конкурентоспособность их предприятия. Традиционные практики возрождаются как инструмент корпоративной культуры «неосоцкультбыта». При этом возрождаются не все направления, а самые актуальные и зрелищные (система отдыха работников и их семей, работа медицинских пунктов и т.п.). Возрождение советских традиций трудовой этики и поведения происходит в условиях приспособления к новым рыночным условиям. Поскольку очевидна их трансформация с учетом произошедших за последние 10 лет изменений, говорить о полном копировании прежних норм некорректно. *«Возобновляем многие традиции, которые были на новом качественном уровне, введение пятиминуток, собраний, информированность персонала, заводскую газету возобновили, меры поощрения людей, занесения в Книгу почета, награждение»* (МЗ-2).

«Новые» цели кадровой политики для постсоветских предприятий касаются также «сохранения опытных, квалифицированных и лояльных работников» (Химзавод-1), «увеличения доли молодежи в возрастном составе персонала» (Машзавод-8, Завод строительных материалов-4, Металлургический завод-3, Электротехнический завод-1), организации системы занятости, обеспечивающей закрепление профессиональных кадров, гибкость труда и гибкость рабочего времени (Химзавод-1, Завод строительных материалов-4). Новые частные предприятия, так же как и традиционные предприятия, озабочены качеством своих человеческих ресурсов, но риторика кадровых приоритетов в этих случаях более приближена к западным ценностям. *«Если человек уходит – это однозначная потеря денег тех же акционеров. Инженер или биллингист, который работает с нашей базой в биллинге, – это не продавец хот-догов на улице с санитарной книжкой, которого за день*

можно научить. Любой сотрудник, который от нас уходит, – это потеря денег, потеря интеллектуального потенциала предприятия. Поэтому для нас важна капитализация человеческого потенциала», – говорит директор Телекоммуникационного предприятия-1. Нарращивание человеческого потенциала: подбор и закрепление высококвалифицированных, грамотных специалистов, способных к обучению и к интенсивной работе, постоянное повышение уровня компетентности сотрудников и формирование сплоченного коллектива, способного работать «как единый механизм» – вот приоритеты кадровой политики новых частных предприятий.

Логика инноваций в практиках УП

Как показывают данные нашего исследования, трансформация практик УП – процесс, сопровождающий изменения управления промышленным предприятием и индикатор успешного предприятия на рынке. В этом направлении анализа можно говорить о существовании двух тенденций:

- новые практики УП, сознательно внедряемые менеджментом, поддерживают усилия по интеграции и регуляции процесса производства и способствуют жизнеспособности организации;
- старые практики УП, воспроизводимые вследствие недооценки значения изменений в УП со стороны менеджмента, являются тормозом для интеграции и регуляции процесса производства и не способствуют росту жизнеспособности организации.

Инновации в УП происходят вслед за изменением общего проекта и структуры управления (смена собственника, вхождение в холдинг, сокращение управленческих позиций); изменением приоритетов в понимании роли производства по сравнению «рыночными» подразделениями предприятия; изменением уровня технологии предприятия; приходом молодых профессионалов-управленцев.

Конкуренция как условие инноваций в УП

Что же касается роли и значения конкуренции как катализатора менеджерских инноваций, то для всех предприятий, где присутствуют инновации в практиках УП, характерна конкурентная внешняя среда. К числу наиболее динамично развивающихся отраслей, которые рассматривались в нашем исследовании, относятся предприятия химической отрасли, энергетики, электротехники, телекоммуникационной отрасли.

«Когда появились и импортные, и свои конкуренты, вот здесь они начинают шевелиться. Мы в этом отношении тоже начинаем шевелиться...» (Электротехнический завод–1). Стратегии приспособления предприятий к сложной экономической среде, характеризующейся интенсивной конкуренцией, как следует из материалов кейсов, в целом соответствуют тем стратегиям, которые ранее были выделены К. Дойчманом: (1) изменение процедур найма; (2) развитие внутрифирменной подготовки; (3) изменение менеджерских политик в отношении рабочего времени [Становление трудовых отношений 2004].

Необходимость конкурировать с ведущими мировыми производителями заставляет многие предприятия вводить у себя стандарты качества, соответствующие международным нормам. Эти стандарты качества распространяются и на персонал, касаются его уровня компетентности, организации системы внутренних взаимодействий. *«Вероятно, активная “командная” работа именно менеджеров, ответственных за работу с персоналом и за качество, связана, скорее, не с организационной структурой, а с приоритетными задачами предприятия – сертификация ISO и преобразование систем оплаты труда»* (Хлебокомбинат-2). На Эт-1 *«работа службы управления персоналом строится в рамках*

общей стратегии и политики качества». Вследствие работы над стандартами ISO «естественным образом» институируются технологии отбора персонала, управления режимом и методами труда, внутрифирменной оценки персонала, мотивации и обучения персонала, закрепления его на предприятии.

Добавим, что старые практики сохраняются на тех предприятиях, которые работают вне нормальной конкурентной среды. Это, во-первых, монополисты, хотя бы городские или региональные (У-1). Затем, это предприятия, главным потребителем продукции которых является, в том или ином виде, государство (характерно для крупных машиностроительных заводов, ориентированных ранее на нужды оборонного комплекса). Так обстоит дело, скажем, с производителями самолетов. Старые практики демонстрируют явные ограничения в условиях конкурентной среды и современных динамично развивающихся рынков, однако продолжают успешно использоваться на предприятиях с преобладанием неквалифицированной рабочей силы и старых технологий. Чтобы сделать эти гиганты более управляемыми, менеджмент вынужден значительный объем работы по управлению персоналом закреплять за линейными руководителями (начальниками цехов, мастерами), в ситуации фактически отсутствия заинтересованности с их стороны в выполнении этих обязанностей и действенных инструментов поддержания этих практик. Начальники цехов осуществляют подбор кадров, занимаются обучением рабочих (через направление на обучение, повышение квалификации), управлением неформальными группами. Но реальных механизмов управления персоналом у начальников цехов мало: размеры премиальных фондов символичны, большинство вопросов решается на основе неформальных отношений, основанных на авторитете руководителя, между рабочими и начальником цеха.

Технологизация предприятия как условие инноваций в УП

Актуальные цели предприятий «завязаны» на определенную технологию. Практики УП качественным образом изменяются только при изменении технологии. Техническое перевооружение производства требует активизации подбора и отбора персонала, его обучения: *«если это связано с необходимостью, с тем, что нужно принимать новое оборудование, или есть какие-то срочные заказы, то растет численность... производство на данный момент требует, чтобы люди были такими подготовленными, а не со средним образованием»* (ЭТ-1).

Уровень технологизации традиционных предприятий, значительно уступающий уровню западных предприятий, а также производный от этой технологии тип совместной деятельности людей ограничивают возможности изменения практик УП, консервируют традиционные подходы. Депрофессионализация определяет положение дел на многих постсоветских предприятиях. Важнейшей причиной воспроизводства традиционных практик УП является отсутствие запроса на профессионализацию рабочей силы. Технологические возможности использования, более того, ориентация на неквалифицированную рабочую силу, предусмотренную технологией традиционных производств (к примеру, в легкой, пищевой промышленности, машиностроении) – фактор, ограничивающий развитие сферы управления персоналом. Отсюда неразвитость многих функций УП. По сути, кадровая работа сводится к организации кадрового делопроизводства для обеспечения найма, увольнения, отслеживания условий труда. Все процедуры кадровой работы упрощены и носят достаточно формальный характер. Требования к персоналу в такой ситуации достаточно размыты. С одной стороны, предприятие не может существовать без некоторого числа непритязательных профессионалов, призванных поддерживать жизнеспособность профильного производства на существующем оборудовании. Часто это работники предпенсионного или пенсионного возраста, много лет проработавшие на данном предприятии. Они не покидают предприятие из-за привычки, привязанности к нему или из-за ограничений в поиске какой-либо другой работы на рынке труда. В любом случае, в такой ситуации профессионал не востребован, в том числе и в области управления персоналом. Однако в условиях низкоконкурентных локальных рынков такие компании могут чувствовать себя достаточно комфортно.

Новые предприятия в динамично развивающихся отраслях, требующие профессионализма работников и отличающиеся высоким уровнем технологизации производства, конституируют новые практики УП.

Смена собственника как катализатор изменений в практиках УП

Частная собственность как непереносимый атрибут постсоветской модели управления и контроль со стороны собственников во многом определяет стратегию и тактику развития предприятий. Аутсайдерский контроль со стороны внешних инвесторов во многом накладывает отпечаток на тактики менеджмента предприятий и задает приоритеты кадровой политики, дизайн УП. На предприятиях, входящих в состав холдингов, функции принятия стратегических решений целиком сконцентрированы в управляющей компании. Холдинг, как правило, не вмешивается в повседневные вопросы управления, передавая их в ответственность исполнительного директора. Так происходит в ТК-1, МетЗ-1. В отдельных случаях различается лишь степень свободы, которая остается за подконтрольным предприятием: либо жесткий контроль отдела персонала холдинговой компании (МетЗ-3), либо «условная» свобода в решениях, не требующих финансовых вложений (ХБК-2, МЗ-2). Такая ситуация делает довольно противоречивой позицию генерального директора комбината. В ходе исследования мы не раз слышали от рабочих и от руководителей среднего звена, что *«директор ничего не решает, все решают в головной организации»*. Директора также осознают давление ситуации: *«Деятельность достаточно жестко регламентирована и положением о генеральном директоре, и уставом, в котором есть раздел генерального директора. Не по всем вопросам я имею право принять решение, у меня есть некоторые ограничения»* (МЗ-2).

На наш взгляд, новые цели УП, распространяемые менеджментом предприятий, в большинстве случаев остаются внешними по отношению к коллективам предприятий. Такие понятия, как экономия, качество, индивидуальная ответственность, новые технологии, пока в значительной степени поддерживаются только менеджментом, но не разделяются всеми работниками предприятий. На уровне взаимодействия топ-менеджмента и среднего менеджмента находит место конфликт приоритетов: начальники цехов по-прежнему ратуют за приоритет и развитие производства (в то время как топ-менеджеры делают ставки на маркетинг и управление финансами), реализуют коллективистские принципы работы с коллективом, предпочитают неформальные коммуникации и пр. Топ-менеджеры зачастую не удовлетворены уровнем профессионализма среднего управленческого звена. Так, основная проблема, возникающая во взаимоотношениях среднего производственного и высшего менеджмента на Нефтехимзаводе-2, обусловлена недостаточным управленческим опытом линейных руководителей. На прежних предприятиях они были во «втором эшелоне» – заместителями начальников цехов или даже мастерами. Поэтому они далеко не всегда могут справиться с поставленными задачами: *«Начальник одного цеха, бывает, не проконтролирует, как выполняется его задание, начальник другого контролирует все и часто теряет нить, не может посмотреть на ситуацию стратегически»*. Директор Нефтехимзавода-2 видит в этом серьезнейшую проблему, справиться с которой ему пока не удается: *«ИТР цехового уровня не дотягивают даже до нижней планки того, что мне хотелось бы видеть. Пытаемся их обучать, но они сопротивляются. В техническом плане они достаточно профессиональны, но при этом совершенно безразличны к результатам»*. Больше всего директора не устраивают укоренившиеся «советские» стереотипы оценки результатов труда: *«Они привыкли получать премии, и все. Критериев хорошей/плохой работы у них в мозгах нет. Никто не умер, завод не встал, не взорвался, – значит, хорошо сработали, плати больше»*. Очевидное несоответствие запросов высшего менеджмента и реальных возможностей линейных руководителей закономерно вызывает определенное непонимание и некоторую напряженность в отношениях, хотя до открытых конфликтов дело не доходит. Такая ситуация достаточно типична для малого города, структура рабочей силы которого была ориентирована на нужды градообразующего предприятия ВПК. Решение данной проблемы директорат предприятия

видит в повышении управленческой квалификации производственных руководителей, изучая возможности приглашения специалистов по тренингам. Требования рынка заставляют менеджеров активно заниматься изменением этой ситуации. Следствием чего является формулирование и внедрение внутрифирменных и внешних программ обучения для среднего и низового менеджмента и (или) систем оценки персонала.

Смена менеджмента провоцирует смену практик: зачастую новому директорату в старой среде невозможно работать, и начинается перестраивание системы «под себя». Одним из инструментов изменения сложившихся практик УП в рамках холдингов является «приглашение варягов», людей «со стороны», которые не привязаны к предприятию, поэтому практически не ограничены в своих действиях соображениями лояльности и включенностью в локальные социальные сети. Анализ кейсов показывает, что вхождение в холдинг или смена собственника без существенного обновления управленческого звена предприятия не влечет за собой принципиальных изменений в практиках УП. Новые цели кадровой политики, практики УП, идеология не привносятся внешними собственниками, если не сформирована новая команда менеджеров. Таким образом, фактором, определяющим инновации в УП и привнесение рыночной (капиталистической) идеологии, является полная или частичная смена высшего звена управления. Полная замена команды высшего менеджмента – эта практика имела место почти на всех предприятиях, где прошли инновации в области УП: ХБК-2, Нефтехимзавод-2, У-1. Десантирование команды высших менеджеров на новую производственную единицу холдинга, по-видимому, можно рассматривать как типичную практику УП в современных российских холдингах, которую, однако, нельзя сводить только к ломке «старой системы». Таким образом закрепляются и механизмы продвижения персонала внутри холдинга, формируется мобильный персонал, мотивируются наиболее перспективные сотрудники, укрепляется внутренний рынок труда холдинга, формируется ценность корпоративной идентичности взамен ценности региональной идентичности – т.е. формируются новые практики УП. Примером более мягкой стратегии является формирование смешанной управленческой команды: из числа варягов и старожилов предприятия (Нефтехимзавод-2, Машзавод-1).

Безусловно, изменение практик происходит в тех случаях, когда в управлении предприятием есть западные партнеры. На российских предприятиях начинается имплантация моделей, проверенных опытом других стран, делаются попытки воспроизводства культурных стереотипов иной среды. Предприятия, приобретенные иностранными собственниками, подверглись более радикальной перестройке. Идеология, особый этос, стандарты, в том числе в области УП, находят отражение в управленческих практиках. Адаптация некоторых советских трудовых традиций в условиях рыночной среды сочетается с привнесением элементов западного стиля мышления – в совокупности *они* определяют общую идеологию развития предприятия. Использование последних обусловлено необходимостью приобщения к международным принципам и стандартам ведения бизнеса и деловой культуры. Инициаторами их введения на предприятии выступают западные инвесторы. Среди основополагающих принципов следует выделить: отказ от доминирующей роли производственного подразделения в структуре управления, ориентация в первую очередь на рыночную конъюнктуру и тщательный анализ динамики экономической среды, изменение стереотипов советского мышления, касающихся стиля поведения руководителя и подчиненного на рабочем месте. В соответствии с этим направлением на предприятии ведется разработка современной системы управления – корпоративной системы управления. *«Это связано не только с большими финансовыми вложениями и структурной перестройкой, но и, самое главное, с изменением мышления, подходов, стереотипов, стиля работы руководителей и исполнителей»* [из интервью с заместителем начальника ОАСУП, МЗ-2].

Влияние маркетинговой ориентации предприятия на инновации в УП

Признание главенства менеджмента над производством, равно как и ориентации предприятия на рынок, изменяют его стратегии и проект управления. Как показывают результаты исследования, предприятия выбирают разные стратегии.

Часть предприятий сознательно сосредоточила свои приоритеты на обеспечении воспроизводства предприятия как производственного и социального организма. Первенство здесь отдается поддержанию и технологическому обновлению технологических возможностей, в более успешных случаях (не столь высокая степень износа оборудования – «за ним следили» (Хладкомбинат-1); не столь высокие объемы производства, которые могут быть выполнены на имеющейся базе) – изменению ассортимента и новым программам в области сбыта (ХБК-1, МЗ-1). Конкурентный успех фирмы при данном подходе зависит главным образом от решений в области технологии.

Альтернативная стратегия, которая выбирается другими предприятиями, находящимися при этом в сходных условиях, – ориентация на маркетинг. Такая стратегия, например, реализуется Заводом строительных материалов-1. Несмотря на то что существуют определенные проблемы в технологии и организации производства, высшее руководство предприятия на первое место ставит маркетинговую деятельность.

Как показывает анализ активно развивающихся предприятий, переориентация предприятия с производственно-ориентированного на маркетингово-ориентированное – одно из главных организационных изменений, которое «запускает» инновации в УП. Маркетинговая ориентация находит проявление в изменении традиционного для советских предприятий отношения производственных и торговых, финансовых подразделений; дизайна оргструктуры в целом. Включение таких ориентиров, как «спрос», «продажи», «клиент», «потребитель», в корпоративную культуру предприятия создает новый контекст для мотивации персонала, форм оплаты труда, в целом меняет требования к работнику предприятия.

Изменение практик УП, естественно, связано с ростом предприятия, усложнением его структуры управления и изменением целей предприятий. При этом чем сложнее и комплекснее задачи, которые ставятся перед предприятием, тем выше ответственность всех структур менеджмента за их исполнение, тем больше задач ставится перед кадровой службой. Кадровая служба приобретает более высокий статус в период нововведений в технологии и управлении, на стадии роста организации. Таким образом, изменения в стратегиях и тактиках кадровых служб связаны с внутренним развитием организации, с усложнением предмета управления – степенью сложности организационной структуры.

Обобщая вышесказанное для предприятий, ставших объектом исследования, можно выделить две схемы, согласно которым на предприятиях разворачиваются инновации в УП.

Схема 1

Конкуренция → технологическое переоснащение → маркетинговые цели изменения в практиках УП

Схема 2

Смена собственника (вхождение в холдинг, иностранный собственник) → смена управленческой команды → изменения в практиках УП

Очевидно, что выделенные нами схемы в логике инноваций в УП не исчерпывают всех возможных вариантов развития инноваций. Они могут сосуществовать в случае отдельно взятого предприятия. На данном этапе они – скорее иллюстрация того, что эта логика есть и обусловлена она внешним (внешняя среда) и внутренним контекстом (внутренняя среда) УП предприятия.

Старые формы в новых ролях?

Одной из основных тенденций, определяющих, по мнению ряда видных социологов, трансформацию института управления промышленным предприятием в современной России, является сохранение традиционных для советских предприятий моделей и форм, которые модернизируются за счет дополнения альтернативными элементами [Кирдина 2003: 37–55]. В.А. Ядов по результатам ряда исследований на российских предприятиях делает вывод о том, что фактически продолжают использоваться «старые формы в новых ролях» [Романов 2000: 3].

Вопросы о том, какие изменения произошли в практиках УП, насколько произошедшие изменения адекватны внешним условиям и способствуют успешности предприятия на рынке, в нашем исследовании представлялись очень важными. Изменения в практиках УП возможно анализировать, в том числе по практикам найма и отбора персонала, организации правоотношений с работниками, организации обучения, оценки и аттестации персонала.

Прием и отбор персонала

Каким образом реализуются схемы подбора персонала на современных российских предприятиях? Наблюдается дифференциация между предприятиями по качественному составу принимаемых работников.

Требования к кандидатам на рядовые должности при отборе персонала для ряда предприятий пищевой промышленности, машиностроения достаточно размыты. При принятии на работу на Хлебокомбинат-1, Хлебокомбинат-2, Хладкомбинат-1, Машзавод-8 устанавливаются главные требования для кандидатов: наличие трудовой книжки и «*чтоб не пьяный был*». Принимают, как и в советские времена, почти каждого, кто приходит устраиваться на работу. Однако свободный найм является в этих условиях вынужденной мерой, с которой работодателю приходится мириться. По признанию начальника отдела кадров Завода строительных материалов-1, «*порой приходится брать первого попавшегося, лишь бы вышел на работу*». На таких предприятиях ограничены финансовые возможности для привлечения квалифицированных работников на освободившиеся рабочие места. Это еще одна из причин снижения требований к принимаемым.

Высокие требования к качеству рабочей силы и отбор высококвалифицированных рабочих могут позволить себе лишь предприятия, которые в состоянии платить работникам высокую зарплату и (или) обеспечивать престижный социальный пакет. Требования высокой квалификации, профильного образования и определенных личных качеств характерны для таких успешно адаптировавшихся предприятий. Среди личных качеств важным становится лояльность сотрудника к решениям руководства. Менеджмент предприятий (и новых, и традиционных) рассматривают лояльность как необходимое требование к сотруднику, помимо необходимого профессионализма и функциональности. Однако успешные компании постулируют это требование как важное, помимо необходимого профессионализма и функциональности (Телекоммуникационное предприятие-1, Химзавод-1). Таким образом, воспроизводятся традиционные для советского предприятия ценности – поддержка руководства и неконфликтность в управленческих отношениях. Однако маркируются эти требования в новых «западных» терминах. Требование лояльности обосновано требованием выживания в конкурентных условиях. Оно выступает важным элементом в системе отношений «агрессивная внешняя среда» – «стабильная внутренняя среда», что позволяет направлять основные ресурсы предприятия на освоение рынка и совершенствование инструментов конкуренции.

Распределение ролей и алгоритм действий при приеме и отборе персонала остаются в рамках традиционной для советского предприятия модели. Относительно новым элементом выступает дифференциация практик отбора применительно к разным категориям персонала. Прием менеджеров среднего уровня обычно осуществляется на конкурсной основе, когда

основными критериями выступают квалификация и личностные качества. Основной персонал, как и прежде, нанимается линейными менеджерами. Их роль в процессе найма персонала остается высокой: используя «старые» связи, они приглашают специалистов, проводят собеседование, организуют адаптацию молодых работников и новичков. Для сегодняшнего периода характерно, что на долю службы персонала отдаются аутсайдерские, «проблемные» группы в социальной структуре предприятия – вспомогательный персонал, группы с высокой потенциальной и реальной текучестью. Рост влияния и значения службы персонала при приеме и отборе персонала возрастает, когда предприятие сталкивается с проблемой нехватки и (или) дефицита квалифицированного персонала.

Использование практик родственно-знакомственного найма и закрытой кадровой политики в фирмах является важнейшим элементом, который придает фирме гибкость в секторе промышленности, отличающемся высокой конкуренцией. Закрытость кадровой политики, родственно-знакомственный найм получают все большее распространение в условиях кадрового дефицита современной промышленности. На таких предприятиях, как Угледобывающее предприятие-1, Хладкомбинат-1, Хлебокомбинат-1, нет большого выбора претендентов, обладающих необходимым образованием, опытом и желанием работать. В случае с МЗ-2 исчерпан запас квалифицированных работников в городе: *«большой отток людей в течение 8 лет, когда был застой. Специалисты ушли, а набирали мы новых – уборщиц, тех, кого выгоняли с других заводов. Мы на сегодняшний день съели весь задел в городе работоспособного населения нужной квалификации. Вот – оборудование и люди»*. Поэтому предприятие вынуждено нанимать молодых специалистов и рабочих, несмотря на отсутствие у них необходимого опыта и навыков: *«Мы им в это время доплаты устанавливаем, в зависимости от их выработки. Ну, чтобы их заинтересовать на такую вот работу»*. Также практикуется принятие на работу молодых специалистов сверх штата, еще до того, как освободилось рабочее место по их специальности, поскольку занимающий его служащий – работающий пенсионер – обладает необходимым опытом, которого нет у вновь принятого претендента на его должность.

Общая актуальная задача – нужда в обеспечении эффективной работы в исключительно короткие сроки – толкает менеджмент использовать инструменты закрытой кадровой политики. С ее помощью менеджмент укрепляет социальную организацию предприятия. Для менее благополучных в рыночном плане предприятий такой подход позволяет сократить размеры текучести персонала, экономит ресурсы менеджмента и службы персонала.

Актуальными остаются широкое использование родственно-знакомственного найма для основных категорий персонала, назначения или рекомендации для топ-менеджеров и ключевых категорий персонала (это, как правило, высококвалифицированные и дефицитные позиции или новые «рыночные» позиции – например, продажи). Предприятие обращается к внешнему рынку труда и к инструментам открытой кадровой политики в двух случаях: если необходимы кандидаты на самые незначительные позиции или в маргинальные для предприятия группы работников, или, наоборот, если существует дефицит высококвалифицированных работников, обладающих необходимыми для предприятий профессионально-квалификационными характеристиками.

Недостатки родственно-знакомственного найма (при котором профессионализм, квалификация в соответствии с требованиями рабочего места вторичны по отношению к тому, что работник «свой») преодолеваются сочетанием формальных и неформальных критериев. Так происходит на Телекоммуникационном предприятии-1, ориентирующемся на многоступенчатые формализованные ступени отбора.

Важными каналами привлечения персонала остаются СМИ и службы занятости (как государственные, так и негосударственные). Как правило, предприятия обращаются к посредникам на рынке труда только в том случае, если они не могут сами найти кандидата.

Некоторые практики найма становятся общими для всех новых предприятий. К таким можно отнести использование испытательного срока для рабочих мест, привлечение работников по

временным трудовым договорам. Испытательный срок – важный инструмент в отборе персонала. Работник в течение какого-либо ограниченного периода времени должен пройти «обряд посвящения» – продемонстрировать свою способность научиться «технической» (операциональной) стороне дела, проявить готовность сотрудничать с администрацией фирмы.

Совмещение работ

Если рыночные экономики предполагают наличие «резервной армии труда» (К. Маркс) за пределами предприятий, чтобы поддерживать конкуренцию на рынке труда, то на большинстве предприятий, ставших объектами нашего исследования, менеджмент старается находить резервы рабочей силы «внутри» хозяйственной системы, формируя ее постоянный мобилизационный ресурс, который может быть направлен на достижение необходимой пропорциональности или возмещение возникшего дефицита. Поэтому характерной чертой в практиках УП современных российских предприятий становится тенденция на совмещение функций. Наличие названной тенденции подтверждает в своей работе В.И. Кабалина: «Столкнувшись с дефицитом рабочих кадров, они стимулируют обучение рабочих смежным специальностям. Тем самым обеспечивается полная взаимозаменяемость рабочих, а значит, большая гибкость в управлении производством» [Кабалина 1998: 40]. Кабалина отмечает, что внешними условиями для широкого использования практик совмещения работ, как, впрочем, и обучения, выступают сокращение занятости на промышленных предприятиях в 1992–1996 гг. и традиционно плохая организация труда на рабочем месте. И то, и другое продолжает оказывать влияние на практики УП на промышленных предприятиях России через 10 лет реформ. Так, менеджмент Машзавода-8 отмечает, что ввиду кадровой нехватки совмещение профессий становится все более распространенной вынужденной практикой, возможной благодаря высокой квалификации персонала. Как отмечают линейные руководители на Пермском электротехническом заводе, помимо официально закрепленных в должностных инструкциях обязанностей, сотрудники вынуждены выполнять подсобную работу: *«Много приходится делать ненужной работы, что к инструкции совершенно не относится, приходится людей направлять. Газоны косить – по идее, не их функциональная обязанность»*.

Совмещение работ используется и как другой инструмент менеджмента – для увеличения заработной платы рабочего. На Химзаводе-1 совмещение оформляется документально, за него идет доплата в размере 30% на срок замещения отсутствующего работника. Требования к работнику – наличие квалификации и опыта работы по замещаемой профессии. Замещение, таким образом, стимулирует потребность работников в получении дополнительной профессии и является важным фактором профессионализации.

Индивидуализация и формализация

Индивидуализация и формализация в практиках УП свойственны для успешных предприятий, перешедших от стадии выживания к стадии «развития инфраструктуры» (в терминологии О. Дудченко, А. Мытиля). В этих случаях нарастают процессы в УП, связанные с формализацией социально-трудовых и управленческих отношений. В настоящее время идет переработка должностных инструкций в соответствии с существующими профессиональными стандартами. Еще одна цель переработки должностных инструкций – упорядочить и формализовать процесс информационного взаимодействия между отделами: *«главное – конкретизировать взаимосвязь между подразделениями – кто куда обязан давать какую информацию»* (Хлебокомбинат-2).

Практика индивидуализации отношений между работником и работодателем характерна для холдинговых структур, в целом для новых частных предприятий. Индивидуальные трудовые контракты, должностные инструкции, индивидуальные программы обучения – таковы ресурсы для реализации новых практик. На Химзаводе-1 выделено три типа трудовых контрактов: на

неопределенный срок, срочные договоры и договоры подряда. Изменения в форме трудового договора произошли не с момента приобретения компанией Химзавода–1 контрольного пакета акций, а со времени введения нового Трудового кодекса РФ. Поскольку раньше заключение трудовых договоров не считалось обязательным и необходимым, речь идет даже не об изменении старой формы, а о появлении новой. Дифференциация формы трудового договора зависит от статуса сотрудника, от того, к какому уровню на предприятии принадлежит сотрудник. Основное деление происходит по линии рабочий – руководитель.

Обучение

Процессы подготовки и переподготовки кадров устойчиво интегрированы в деятельность большинства предприятий, участвовавших в исследовании, и являются частью их стратегий занятости. По тому, какие именно задачи кадровой политики решает обучение, можно выделить две практики предприятий. И демаркационная линия между этими практиками лежит в области большей или меньшей возможности использования экономических ресурсов для инвестирования в персонал. Для менее успешных предприятий формы обучения зачастую сводятся к наставничеству. Для более успешных предприятий система обучения более интенсивна, имеет разнообразные формы и предполагает как разработанные корпоративные механизмы, так и использование инициатив самого работника.

Для предприятий, ориентированных на воспроизводство себя как технологической и социальной структуры при условии сохранения идентичности, наставничество является широко используемой для обучения формой. При этом главные задачи, которые решаются с помощью этого инструмента, – это повышение квалификации работников и адаптация их к рабочему месту, поскольку в потоке принимаемых велика доля «новичков» с низкой квалификацией. Такие задачи актуальны для предприятий пищевой промышленности, машиностроения. Что характерно, наставничество реализуется зачастую без дополнительного вознаграждения опытных работников-наставников. Ресурсами воспроизводства наставничества являются сложившиеся еще в советские времена механизмы, идеологические ресурсы взаимопомощи и взаимовыручки: *«Молодым сколько нужно входить в должность? Две-три недели, более опытные работники помогают более молодым»*. Необходимость выстраивания заново системы ученичества – наставничества, обеспеченного всеми необходимыми положениями, снабженного четкой системой правил, включая вознаграждение наставников, отмечают руководители по персоналу МЗ-8, МетЗ-3.

Внутрифирменное обучение является распространенной практикой, используемой предприятиями в условиях дефицита работников требуемой квалификации. В этих случаях (например, на предприятиях авиационной промышленности) существуют специальные программы по адаптации и обучению молодежи. Молодые рабочие проходят часто длительное (до года) обучение на рабочем месте, в течение которого администрация старается доплатами удержать их на предприятии и стимулировать рост интенсивности их труда: *«Мы им установили оплату труда, вновь пришедшим, молодым рабочим – в основном молодые рабочие приходят, – на время их обучения, переквалификации...»* [из интервью с начальником ОтЗ, МЗ-2].

На отечественном рынке труда успешные фирмы выдвигают жесткие критерии профессионализма и постоянно поддерживают их через систему обучения и повышения квалификации персонала. На ряде предприятий есть программы обучения, которые связаны с перспективной деятельностью предприятия. Программы обучения разнообразны, дифференцированы по категориям персонала, используются как внутрифирменные ресурсы обучения, так и внешние площадки. Курсы разного рода, проводимые на базе рабочего места и в рамках других программ повышения квалификации, включаются и в индивидуальные стратегии. Специалисты принимают правила игры и с готовностью проходят отборочные конкурсы, проявляя готовность профессионализироваться в новых, перспективных видах деятельности. Система обучения на некоторых предприятиях выполняет и стимулирующую функцию. Например, на Телекоммуника-

ционном предприятии-1 «*некоторых работников отправляют на дорогостоящее обучение – это одновременно является и поощрением. У нас дают приличные командировочные: гостиница до 1500 рублей и 20 долларов в день на питание*». При согласовании с непосредственным руководителем выбираются сотрудники, достигшие определенных успехов: «*Это касается специалистов и инженеров. Когда они достигают определенных успехов в работе, то работника могут послать в другой город, в другое отделение на другое предприятие для обучения...*» На Металлургическом заводе-1 большая часть сотрудников проходит стажировку за рубежом, на предприятиях, входящих в холдинг, что также является мощным стимулом для работников и делает их проводниками новой трудовой идеологии.

В холдингах программы обучения сильно формализованы и рассчитаны на разные категории персонала. Службы персонала канализируют и реализуют техническую сторону обучения. Примерами высокой степени включенности службы персонала в обучение могут служить случаи Машзавода-2, Металлургического завода-3, являющихся составной частью холдингов. Специалисты службы уточняют бюджеты на обучение, формируют списки обучаемых, графики обучения. В рамках служб выделены специальные отделы по подготовке кадров.

Аттестация и оценка

Аттестация является важной составной частью системы формализации и закрепления требований руководства к квалификации работников. Вынужденная готовность некоторых предприятий снижать требования к квалификационным требованиям работников «на входе» в большинстве случаев не повлияла на запрос менеджмента в подтверждении квалификационного статуса работников. Но менеджмент предприятий использует процедуры аттестации не только в качестве инструментов оценки. На материалах некоторых случаев из нашего исследования мы получили примеры использования аттестации в качестве инструмента политического давления менеджмента на работников. Так, на Телекоммуникационном предприятии-1 аттестация рассматривается руководством как инструмент, который будет не только способствовать росту конкуренции между работниками, но и в качестве формального механизма позволит отсеивать «неподходящих» работников. На Электротехническом заводе-1 результаты аттестации используются в качестве основания для сокращения персонала.

В целом для большинства предприятий аттестация является частью системы обучения и продвижения. Больших изменений в традиционных процедурах аттестации не наблюдается. Аттестация руководителей и специалистов проводится по традиционной схеме: создается комиссия, разрабатывается процедура, выносится решение, и работники проходят это испытание. Аттестация проводится как для рабочих, так и для специалистов, разрабатываются и процедуры оценки для руководителей высшего звена. По заключениям аттестационной комиссии, в которую входят представители разных уровней менеджмента, происходит формирование кадрового резерва, как для руководящих должностей, так и для специалистов, и набор групп для обучения.

Заключение

Управление персоналом отражает и поддерживает цели предприятия. Важный вывод, который следует из анализа случаев, заключается в том, что практики управления меняются *только* в связи с изменением целей предприятий. Для многих предприятий, находящихся на стадии выживания, характерно, что управление персоналом не рассматривается менеджментом в качестве приоритетного направления целенаправленных инноваций. При этом стихийное воспроизводство сложившихся на предприятиях практик УП, с минимумом вынужденных откликов на изменения внешнего и внутреннего контекстов предприятия, является тормозом для интеграции и регуляции процесса производства и не способствует росту жизнеспособности организации.

Вопросы изменения УП начинают волновать менеджеров на стадии «развития инфраструктуры», т.е. когда предприятие встало на ноги и ориентируется на рынок. Новые практики УП, сознательно внедряемые менеджментом, поддерживают усилия по интеграции и регуляции процесса производства и способствуют жизнеспособности организации. Решающая роль в формировании кадровой политики принадлежит топ-менеджерам предприятий, при этом идет тиражирование успешных апробированных стратегий. Таким образом в рамках холдингов появляются корпоративные технологии УП.

Главная задача текущего периода для менеджмента предприятий – получение наибольшей прибыли за счет наиболее эффективной работы. Человеческие ресурсы ценны не сами по себе, а именно как ресурсы для получения прибыли. В традициях рационализации производственного процесса приоритеты кадровой политики выбираются разные, но в целом все они связаны с качеством выполняемой работы, и практики УП при этом ориентируются на поддержание, создание и (или) повышение качества человеческих ресурсов.

Существенные атрибуты «советских» практик УП продолжают воспроизводиться на отечественных предприятиях: статус кадровых служб остается достаточно низким; процесс управления персоналом во многом остается децентрализованным и «размазанным» по всему управленческому аппарату. Прием и увольнение выполняют линейные руководители, вознаграждение и стимулирование персонала – другие, и т.д. Службам персонала остается только оформлять и регистрировать эти решения.

Есть несколько причин, по которым значение кадровых служб в рамках отдельно взятых предприятий может расти. Демографический спад и развал системы профобразования делает проблематичным наем молодых сотрудников. Параллельно существует проблема возвращения «к станкам» сотрудников среднего возраста, ушедших во времена наиболее острых проявлений экономического кризиса; наблюдается большая мобильность персонала в связи с текучестью кадров и невозможностью жестких критериев отбора при условии кадрового голода. Так что роль службы персонала в этих случаях растет объективно.

Традиционные советские практики возрождаются как инструмент корпоративной культуры. Возрождение советских традиций трудовой этики и поведения происходит в условиях приспособления к новым рыночным условиям. Адаптация некоторых советских трудовых традиций в условиях рыночной среды сочетается с привнесением элементов западного стиля мышления – в совокупности они определяют общую идеологию развития предприятия. Использование последних обусловлено необходимостью приобщения к международным принципам и стандартам ведения бизнеса и деловой культуры. Среди основополагающих принципов следует выделить: продвижение идей приоритета менеджмента над производством, ориентация, в первую очередь, на рыночную конъюнктуру и тщательный анализ динамики экономической среды, изменение стереотипов советского мышления, касающихся стиля поведения руководителя и подчиненного на рабочем месте, высокие требования к качеству выполняемой работы.

Решая вопросы обеспечения производства человеческими ресурсами, предприятия, преодолевающие стадию выживания, вынуждены организовывать наем для замещения выбывающих работников. Наем новых работников необходим прежде всего для низкооплачиваемых рабочих мест с высоким оборотом рабочей силы. В условиях кадрового голода, невозможности экономических инвестиций в персонал предприятия вынуждены снижать требования к найму. Частично эти вопросы решаются менеджментом предприятий за счет использования практик родственно-знакомственного найма, закрытой кадровой политики и делегирования принятия решения о найме конкретного работника линейным менеджерам. При найме новых работников предприятия ориентируются на личные связи, использование которых снижает издержки на адаптацию, позволяет сократить размеры текучести персонала, экономит ресурсы менеджмента и службы персонала. Отдел кадров в этом процессе играет роль формального «фильтра».

Общая актуальная задача для большинства успешных в экономическом отношении предприятий – нужда в обеспечении эффективной работы в исключительно короткие сроки – толкает менеджмент использовать инструменты закрытой кадровой политики и на благополучных предприятиях. Используя закрытую кадровую политику, менеджмент предприятий таким образом укрепляет социальную организацию предприятия.

Менеджмент большинства предприятий, ставших объектами нашего исследования, старается находить резервы рабочей силы «внутри» хозяйственной системы, направляя ее на достижение необходимой пропорциональности или возмещение возникшего дефицита. Поэтому характерной чертой в практиках УП современных российских предприятий становится тенденция на совмещение функций.

Дополнительной функцией, которая нередко ложится на опытных работников, становится наставничество. Причем для предприятий, ориентированных на воспроизводство себя как технологической и социальной структуры, наставничество является важным и едва ли не главным инструментом обучения. За счет этого решаются задачи повышения квалификации работников и их адаптации.

Успешные фирмы выдвигают к работникам жесткие требования профессионализма и постоянно поддерживают их через систему обучения и повышения квалификации персонала. Система обучения обычно учитывает инициативность сотрудника и на некоторых предприятиях выполняет стимулирующую роль.

Инновации в УП происходят вслед за изменением общего проекта и структуры управления, смены собственника, вхождения предприятия в холдинг. Маркерами изменений, по которым можно отслеживать и ожидать начало изменений в УП, выступают смена приоритетов в управлении: от производственных подразделений к «рыночным»; переход на более высокий уровень технологичности; приход молодых профессионалов-управленцев.

Важно отметить, что в контексте российского опыта условия сохранения старых практик, вероятно, связаны друг с другом. Старый собственник стремится получить дотации или гарантии монополии, сохраняет советский менеджмент, особенно низший. Насколько можно судить по результатам исследования, в том случае, если хотя бы одно условие по каким-то причинам исчезает (например, предприятие покупает новый собственник), старые практики начинают растворяться в новых или даже целенаправленно заменяются.

Таким образом, обновление модели управления персоналом выражается и в модернизации прежних форм, и во внедрении в качестве дополнительных ряда норм из рыночных экономик с их институтом наемного труда. Очевидно, что, несмотря на глубокие структурные сдвиги в рыночной и производственной политике фирм, в большинстве случаев мы наблюдаем преемственность советских традиций.

Литература

- Кабалина В.И.* Изменение функций и статуса линейных руководителей // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 34–43.
- Кирдина С.Г.* Трудовые отношения в редистрибутивных экономиках: случай России // Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт) / Отв. ред. М.В. Каргалова, К.Д. Крылов. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2003.
- Радаев В.В.* Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Романов П.В.* Формальные организации и неформальные отношения. Саратов: Саратов. гос. тех. ун-т, 2000.
- Становление трудовых отношений в постсоветской России: социол. анализ пяти случаев рос. менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии) / Т. Барткью и др.; Ин-т социологии РАН, Карлтон. ун-т, Горбачев-Фонд (УКГФ). М.: Академический проект, 2004.

Дебютные работы

VR В работе анализируется использование разных стратификационных категорий в научных социологических работах и средствах массовой коммуникации. Осуществлен анализ частоты употребления этих категорий и вкладываемых в них значений, в том числе, с использованием электронной базы «Интегрум». В результате сочетания стратификационных и идеологических ракурсов исследования получено множество интересных наблюдений, касающихся использования (или не использования) определенных терминов в разного типа источниках.

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ В МАССОВОЙ ПРЕССЕ в 1995–2003 гг.

Головляницына Екатерина Борисовна

студентка магистратуры ГУ–ВШЭ

ВВЕДЕНИЕ

К числу важнейших тем в стратификационном анализе относится тема классового сознания; один из ее аспектов – классовая осведомленность, или классовая идентичность. Это знание человека о том, что его общество разделено на иерархически расположенные группы, к одной из которых принадлежит и он сам.

Общество в целом находится вне сферы повседневного опыта человека. Поэтому, коль скоро нас интересуют систематические классификации единиц социальной иерархии, их следует искать на более высоких уровнях производства смыслов, чем повседневные взаимодействия. Конкретные, т.е. имеющие названия, «классы», «страты», «слои» являются информационными объектами. Называя категорию, говорящий, будь то социолог, журналист или обыватель, вносит вклад в подтверждение ее существования как объекта информационного пространства, как части нашего знания о мире.

Сугубо «народные» названия групп, вне зависимости от их реальной значимости как оснований групповой идентичности, практически не имеют шансов попасть в центр внимания социологов. Ведь в социологических опросах изучается идентификация населения лишь с конвенциональными названиями социальных общностей, т.е. с социологическими стратификационными категориями. Эта практика достаточно устоялась и, скорее всего, сохранится в дальнейшем. Так, в современной российской социологии стратификации есть ряд заметных работ, основанных на самоидентификационном методе определения социальной принадлежности респондента¹. Следовательно, анализ стратификационных категорий «изнутри» как понятий в системе социологических теорий необходимо дополнить изучением их «извне» – как элементов символической среды, окружающей каждого члена общества.

Как это сделать? Возможно несколько вариантов действий. Во-первых, можно спросить у респондента, что, по его мнению, означают выражения «принадлежать к среднему классу», «быть интеллигентом», «входить в элиту». Но это поставит его в ложную позицию эксперта, на плечи которого социолог перекладывает свои проблемы. Поэтому чаще социологи выбирают второй путь: пытаются выявить объективные факторы, которые детерминируют выбор того или иного основания самоидентификации; как правило, в этом качестве используются разнообразные социально-демографические признаки респондента. С середины прошлого века тема взаимосвязи объективного и субъективного классов (статусов) активно разрабатывается американскими и

¹ Например, [Аврамова, Овчарова 2001; Саблина 2003; Хахулина 2003].

британскими исследователями; обнаружен ряд устойчивых закономерностей, сделаны интересные обобщения².

Однако этот вариант не приближает нас к пониманию того, каково значение стратификационных категорий для неспециалиста-респондента. Выяснить это на основании мнений, высказанных респондентами в массовых опросах, едва ли возможно – слишком велика вероятность получить в итоге классические эмерджентные, т.е. возникающие под воздействием измерительного инструментария, переменные. Одним из способов выявления смыслов стратификационных категорий для потенциального респондента является изучение артикуляции этих категорий в публичном дискурсе.

В частности, реконструкция значений категорий по текстам массовой прессы позволяет приблизиться к пониманию того, что имеют в виду люди, относя себя к этим категориям. Кроме того, таким образом мы можем проверить обоснованность включения тех или иных категорий в перечень оснований для самоидентификации: категория, редко упоминаемая в массовой прессе, скорее всего будет малознакома респонденту и едва ли станет той осью, вокруг которой сформируется его социальная идентичность³.

Помимо классовой осведомленности, существует другая, не менее важная область, в которой количество и характер стратификационных категорий в знании обывателя играет значительную роль. Это проблема «воспринимаемого неравенства» и «воспринимаемой мобильности»⁴. Выраженность воспринимаемого неравенства, шансы на восходящую мобильность, оценка расстояния, уже пройденного на этом пути, тесно связаны с количеством дискретных стратифицированных групп, которое способен «увидеть» человек.

В некоторых обществах существует устойчивое, закрепленное в значимых текстах (официальных документах, школьных учебниках, национальных символах) описание масштабов социального неравенства и шансов отдельных людей на улучшение своего положения. В этих случаях можно говорить о наличии специфической идеологии и исследовать ее именно как идеологию – внутренне непротиворечивую систему идей, «на выходе» из которой неравенство представляется либо как незначительное, либо как легитимное.

В нашем случае, однако, говорить о подобной идеологии преждевременно. В настоящий момент в России не наблюдается каких-либо аналогов такому специфическому явлению массового сознания, как американский «идеологический эгалитаризм» – устойчиво воспроизводящееся представление о равенстве возможностей, при том что реальные статусные различия весьма велики и их существование признается [Lipset, Bendix, Zetterberg 2000]. С другой стороны, упоминания о классовых противоречиях тоже редки.

Хотя за последние десять лет самому факту существования неравенства уделялось немало внимания, целостная идеология, объясняющая или оправдывающая его, не была создана. Поэтому мы можем рассматривать публичную сферу как область пересечения нескольких различающихся по происхождению классификационных схем российского общества – как собственно социологических, так и составленных с использованием социологической терминологии.

² См., например: [Murphy, Morris 1961; Tucker 1968; Schreiber, Nygreen 1970; Kluegel, Singleton, Starnes 1977; Vanneman 1980; Jackman, Jackman 1983]. Среди российских исследований близкий подход применен в [Громова 1997].

³ Изучение представленности категории в прессе дает нам картину такой, какой ее воспринял бы гипотетический человек, читающий издания «от корки до корки», адекватно воспринимающий, запоминаящий и использующий сведения. Тем не менее, с определенной уверенностью можно предположить, что данная картина примерно соответствует наибольшему объему знаний о социальной структуре, которым обладает «обычный человек» (тот, кто не может или не стремится обращаться к иным источникам информации).

⁴ Примеры работ в этой области [Prandy 1979; Kluegel, Smith 1981; Wegener 1987; Erickson, Goldthorpe 1992; Lipset, Bendix, Zetterberg 2000].

Наконец, данная тема представляет интерес в плане теоретико-методологического аспекта стратификационного анализа. Стратификационные категории занимают специфическое положение в системе научного знания. С одной стороны, они рассматриваются как элементы реальности⁵. С другой стороны, они являются частью представлений об этой реальности, принадлежащих как социологам, так и непрофессионалам.

Представления о реальности образуют предметную область «социологии восприятия социального мира», социологии «формирования мировоззрений, способствующих, в свою очередь, конструированию реальности» [Бурдьё 1993: 142]. Позиция в социальном пространстве задает перспективу представления об обществе посредством габитуса наблюдателя, соотносящего себя с определенной социальной категорией. Поэтому в «естественных» условиях систематические классификации, носящие универсальный характер, возникнуть не могут. Роль этого несуществующего универсального субъекта-наблюдателя принимает на себя социолог, создающий модели социальной иерархии.

Онтологический статус стратификационных категорий в корне отличен от статуса единиц реальной социальной структуры: «классы» – это умозрительные конструкции исследователей-социологов, не имеющие под собой априорной фактической основы. Членство в классе есть не более чем результат классифицирующей деятельности исследователя [Bates, Peacock 1989: 571]. Очень важно учитывать конструктивный потенциал стратификационных категорий. Как отмечал П. Бурдьё, «научные теории и сама социология составляют часть социальной реальности и могут, подобно марксовской теории, приобретать совершенно реальную созидательную силу» [Бурдьё 1993: 141].

Проблема состоит в том, что с категориями, относящимися к сфере представлений о реальности, зачастую обращаются как с самой реальностью. Это особенно касается категорий, называющих крупные социальные группы или слои. В терминах П. Бергера и Т. Лукмана, происходит реификация, овеществление понятий – «восприятие человеческих феноменов в качестве вещей» [Бергер, Лукман 1995: 146–147]. В публичном дискурсе реификация достигает апогея: редкому журналисту, публицисту или политику доведется усомниться в однозначности связи между категорией, смыслы которой формируются социально, и ее референтом в реальном мире. Осмысление процессов реификации остается прерогативой социологии.

Поэтому недостаточно изучить упоминаемость и смыслы стратификационных категорий в массовой прессе; необходимо обратиться к практикам стратификационных исследований. Как социологи обращаются с используемыми ими категориями – названиями крупных социальных общностей? Склонны ли они к овеществлению понятий, или же стремятся сохранять границу между единицами социальной структуры и терминами, в которых она концептуализируется? Узнать об этом можно, изучив основные способы описания структуры российского общества в эмпирических стратификационных исследованиях.

Попыткой ответить на ряд поставленных вопросов и является настоящая работа. Изложение построено следующим образом. В первом разделе предлагается типология дискурсов о структуре общества, состоящих из категорий, с помощью которых описывается социальная иерархия, и приводится обзор литературы по данной теме. Во втором разделе типология способов классификации рассматривается более подробно, формулируются цель и задачи нашего исследования. Методология исследования раскрывается в третьем разделе. Четвертый и пятый разделы посвящены анализу представленности стратификационных категорий в эмпирическом материале – социологических и газетных текстах. В заключении обобщены полученные результаты.

⁵ Здесь «реальность» понимается как социальное пространство – совокупность позиций с неравным доступом к ресурсам, детерминированным различными объемами капитала, оно состоит из конструируемых по этим признакам групп.

Раздел 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Дискурсы о социальной иерархии

Среди трактовок многозначного термина «дискурс» преобладающей и легитимной во всех общественных науках является предложенная Ф. де Соссюром, основоположником структуральной лингвистики: лингвистическая система знаков, сочетающая различия в звучании с различиями в стоящих за ними идеях. Так, в ряде исследований социологического дискурса с лингвистических позиций [Brown 1990b; Richardson 1991] социология в целом рассматривается как текст, правила создания которого определяют его содержание.

Дискурс может пониматься как указание не только на письменный текст, но и на любую специфическую ситуацию использования языка. Дискурс трактуется также и в методологическом ключе – как совокупность признаваемых правильными в определенный период времени исследовательских практик; под практиками понимаются и методология исследования, и принципы построения научного текста [Hall 1992, 1999]. Дискурс может рассматриваться как манера, способ говорить, и, следовательно, думать о чем-либо, образующая сообщества дискурса – совокупности социальных сетей коммуникаций с использованием как языковых, так и неязыковых символических знаков [Purvis, Hunt 1993: 485].

Наконец, предлагается «прикладное» определение дискурса, близкое к использованному в настоящей работе: «класс текстов, создаваемых конкретными агентами в специфических социально-исторических обстоятельствах» [Chalaby 1996: 696]. Акцент здесь сделан не на лингвистической структуре, а на символическом измерении текста и значениях, присваиваемых используемым в нем понятиям. Термин «дискурс» применяется нами как способ упорядочить разные уровни, на которых существуют элементы знания о социальной структуре.

На основании этого определения возможно выделение таких дискурсивных полей, как «социологический» и «публичный» дискурсы, а также «популярного» дискурса, объединяющего практическое знание непрофессионалов (в другой терминологии – обывателей). Объект нашего интереса составляют присутствующие в этих дискурсах названия стратификационных категорий.

В профессиональном дискурсе социологов картина социального мира достигает наибольшей стройности и законченности. Популярному дискурсу о социальной структуре свойственна неопределенность: строение общества не относится к числу тех тем, волнующих всех и каждого. Публичный дискурс очень неоднороден; одним из его полей является содержимое текстов массовой прессы. С одной стороны, названия социальных групп, составляющих иерархию, несомненно представлены в нем. С другой стороны, наличие той или иной стратификационной категории в конкретном газетном тексте может оказаться как закономерным следствием ее широкой известности, так и мимолетным отголоском баталлий за право называть и определять элементы социальной иерархии, ведущихся в иных дискурсивных полях.

1.1.1. Социологические и популярные классификации

Научный дискурс можно рассматривать как способ создания легитимных – для своего поля – описаний социальной реальности. Легитимация является риторическим достижением: описание истинно не потому, что соответствует ноуменальной реальности, а потому, что следует конвенциональным способам описания этой реальности [Brown 1990a: 189].

Об исследовательских практиках в области изучения социальной иерархии обычно упоминают в дискуссионных работах по проблемам стратификационного, в частности классового, анализа [Fantasia 1995; Grusky, Sorensen 1998]. В целом социологи не склонны различать стратификационные категории (информационные, символические объекты) и «реальные» совокупности единиц социальной структуры. Нередко авторы лишь мельком

указывают на несоответствие образа конкретного класса тому, что наблюдается на практике: группа наемных работников физического труда куда менее сплочена и склонна к протестным действиям, чем социологический «рабочий класс» [Savage 1995: 17]; квалифицированные наемные работники умственного труда менее лояльны и однородны в плане потребления и политических предпочтений, чем социологический «средний класс» [Savage et al. 1995: 7] и т.д. Ряд работ посвящен специфической для западных стратификационных классификаций проблеме конвенциональных классов, основанных на категориях государственной статистики занятости [Haug 1977; Drudy 1991].

Образы общества в массовом дискурсе (на примере суждений неквалифицированных рабочих) исследовал Д. Локвуд, выделив три группы представлений о классовой структуре:

- традиционную дихотомическую модель («мы» – рабочие; «они» – все остальные, образующие господствующий класс), в основании которой лежит критерий власти;
- описание общества как системы иерархических слоев, но не универсальных, а существующих в пределах местного сообщества – города, поселка (аналог статусных групп М. Вебера), основанное на представлениях о природных достоинствах, свойственным высшим классам;
- неопределенные группы, выделенные по уровню дохода [Lockwood 1966: 370].

Примером исследований, прямо затрагивающих тему социального конструирования стратификационных категорий, может служить работа А. Марвика об образах «классов» в трех обществах – США, Великобритании и Франции в 1930–1970-е гг. Автор выделяет четыре образа каждого класса: в социологии и общественных науках, официальной статистике, массовых опросах на самоидентификацию и популярной культуре. Взяв за основу социологические стратификационные категории («высший», «средний», «рабочий», «нижний класс»), он рассматривает репрезентацию этих групп в разных культурных средах: изображение представителей различных классов в прессе, литературе, кинофильмах [Marwick 1990].

В отечественной социологии есть ряд работ, в которых стратификационные категории рассматриваются как самостоятельные элементы символической среды. В.В. Радаев рассматривает актуализированное как в социологии, так и в публичном дискурсе понятие «средний класс» в качестве идеологической конструкции – «объясняющей схемы, нагруженной ценностными установками и элементами долженствования» [Радаев 2005: 406]. «Средний класс» – пример социального мифа как объяснительной схемы, перенесенной из другого контекста [Радаев 2003: 16].

Сотрудники Сектора структурно-генетического социоанализа Института социологии РАН, прежде всего Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанов, Ю.В. Маркова, придерживаясь теоретических принципов П. Бурдьё, опубликовали ряд исследований, посвященных научному дискурсу как полю символического производства. Н.А. Шматко, например, анализирует, как экономисты, выступившие в начале 1990-х гг. с программами реформирования российской экономики, воздействовали на публичный дискурс о реформах. Продвижение «легитимных категорий восприятия экономической реформы» осуществляли агенты трех полей: экономической науки, журналистики и политики; при этом предлагаемые категории являлись переработкой имплицитных практических схем [Шматко 2005]. Развиваются идеи о символическом господстве государства, навязывающего свои классификации всем прочим дискурсивным полям, в том числе и социологии [Маркова 2001]. В качестве отличительной черты российского социологического дискурса Ю.Л. Качанов называет его наивность в том, что касается понятий, определенный недостаток рефлексивности и тесную связь с легитимными практическими схемами, сопряженными с официальными классификациями [Качанов 2002].

Тема популярных классификаций разрабатывалась в основном символическими интеракционистами и социальными психологами. Ее касался еще Э. Дюркгейм в работах «Примитивные формы классификации» и «Элементарные формы религиозной жизни». Люди

живут в символической среде, составленной из символов (концептов), выражаемых с помощью языковых средств, и связей между ними. Концепты наделяются смыслами и направляют действия человека [Carley, Palmquist 1992: 603]. По Дюркгейму, символы являются одним из основных способов создания социальной солидарности, становясь «осями», вокруг которых строится идентичность члена группы [Durkheim 1995]. Устойчивые символические элементы существуют в каждом обществе; отчасти они стихийно создаются его членами, отчасти являются продуктом целенаправленного конструирования, совершаемого политическими элитами [Lane 1981: 1].

В результате процесса классификации возникают категории. Как отмечали еще Э. Дюркгейм и М. Мосс, классифицировать объекты означает объединить их в группы, которые отличаются друг от друга и разделяются четкими границами [Durkheim, Mauss 1963: 4]. Современные исследователи также выделяют два аспекта социальной категоризации: во-первых, группировка объектов в относительно однородные категории; во-вторых, различение полученных групп через присвоение им имен и смыслов [Zerubavel 1996].

Считается, что рутинное повседневное познание основано на культурно доступных схемах и сценариях (схемах событий) – структурах знания, которые представляют объекты и связи между ними, позволяя человеку действовать и принимать решения в условиях неполноты информации [Dimaggio 1997: 269]. Совокупность схем образует дискурсивное поле; элементами схем являются отдельные категории. Они составляют вид социальных категоризаций, один из устойчивых, коллективно разделяемых способов структурирования социального мира. Схема «российское общество» состоит из стратификационных категорий – однако в разных дискурсах набор категорий и, главное, их смыслы могут различаться.

Это особенно важно иметь в виду применительно к содержанию социологического и популярного дискурсов о структуре общества. Они формируются в разных средах и поэтому принципиально разнятся. П. Бурдьё настаивает на необходимости последовательно различать социологическую концептуализацию социальной структуры и обыденные представления об обществе [Bourdieu 1984: 470–481]. Социолог создает свою классификацию сознательно, преследуя определенные цели (например, систематизация знания о мире). В повседневном мышлении классификации преимущественно прагматически ориентированы. Для классификации социолога обязательна полнота, непротиворечивость и непересекаемость категорий. В обыденном знании классификации дихотомичны и не претендуют на полноту.

На разную природу этих двух типов структурирования мира указывал и Дюркгейм: он предлагал различать логические (научные) категории, образующие в совокупности иерархическую непротиворечивую структуру, и обыденные различия, состоящие из противопоставляемых друг другу категорий [Durkheim, Mauss 1963: 81–82]. Функцией первых является упорядочивание знания о мире; вторые используются как подспорье в повседневной деятельности и ухватывают только то, что в данный момент является значимым; поэтому они не универсальны, привязаны к контексту.

Это означает, что даже элементарная картина социальной структуры из трех категорий имеет чрезвычайно мало шансов на стихийное распространение в популярном дискурсе. Следовательно, как только речь заходит о схеме социальной иерархии, состоящей более чем из двух ступеней, мы имеем дело с индукцией систематических классификаций, в том числе и социологических. Например, когда исследователи спрашивали о количестве классов в американском обществе, треть респондентов назвала категории стандартной трехклассовой градационной схемы, а две трети говорили об отсутствии классов или описывали нечто неясное [Coleman, Rainwater 1979: 120].

Едва ли не единственной областью социальной жизни, в которой дискурсы социологов и «публики» взаимодействуют непосредственно, являются массовые социологические опросы. Можно предположить, что именно распространение эмпирических стратификационных

исследований, прежде всего в русле американского функционализма, привело социологов к мысли о близости социологических и «массовых» классификаций. Допущение функционалистов о существовании в обществе ценностно-нормативного консенсуса позволяет создавать единую иерархию статусных групп – «высшего», «среднего» и «низшего» классов. Идеальная ситуация здесь выглядит так: социолог просит респондента определить свое социальное положение. В ответ респондент либо просто использует для описания категорий социологическую терминологию, либо выделяет категории по привычным для социолога основаниям (например, доход – власть – престиж).

Понятно, что вероятность реализации такой ситуации на практике незначительна. Это выяснили еще в 1940-х гг. приверженцы субъективного метода в исследованиях местных сообществ. Отбиралось порядка тридцати наиболее осведомленных о делах сообщества людей, которых просили проранжировать или распределить по группам список из нескольких известных им семей. При этом никаких указаний относительно оснований группировки или числа групп респонденты не получали. Как правило, результаты не поддавались внятной интерпретации. Люди либо жаловались на недостаток граничных условий для решения задачи, либо решали ее, поместив каждую семью в отдельную группу [Lenski 1952: 142–143].

Ограниченность функционалистского подхода видна на примере работы М. и Р. Джекманов о субъективных классах в США [Jackman, Jackman 1983]. В разделе, посвященном когнитивной интерпретации класса, авторы ограничиваются указанием на то, какие из социологических категорий распространены в популярном дискурсе: это «бедные», «рабочий класс», «средний класс», «высший средний класс», «высший класс». Исследователи не сомневаются в том, что в сознании их респондентов существует полный аналог социологической стратификационной схемы, и почти не пытаются учитывать коннотативные значения используемых категорий. Единственное, что они предпринимают, – это замена стандартного термина «низший класс» на категорию «бедные». Обосновывается это тем, что в популярном дискурсе данная категория употребляется преимущественно в уничижительном смысле [Jackman, Jackman 1983: 16]. Не рассматривается и вопрос об источниках того или иного образа «класса». Предполагается, что достаточно подсказки в вопросе, чтобы побудить респондента мыслить как социолог – т.е. вкладывать в предлагаемые понятия смыслы, близкие к их социологической трактовке.

1.1.2. Медийные и популярные классификации

Пик академических исследований средств массовой коммуникации⁶ был достигнут в 1930–1940-е гг. По числу аспектов процесса коммуникации сформировалось три области исследований: организации, предоставляющие символическую информацию, их аудитория и содержание информации [Gans 1972]. В рамках последнего направления, ориентированного на изучение сообщений, были разработаны разнообразные количественные методики контент-анализа текстов, позволившие обрабатывать значительные массивы данных.

Традиционный контент-анализ берет начало в работах американских социологов в начале 1950-х гг., прежде всего исследовательской группы под руководством Г. Лассуэла (проект, посвященный анализу политических идеологий в их проявлении в текстах массовой и аналитической прессы, выступлениях политических деятелей и пр.). Дальнейшая

⁶ Это понятие не полностью соответствует специфичному для России термину «средства массовой информации», который представляет собой усеченный вариант категории советского периода «средства массовой информации и пропаганды». Далее мы будем пользоваться термином «СМК» как более адекватным, поскольку идея «массовой информации» предполагает зауженное понимание функций коммуникации (предоставление сведений).

стандартизация и формализация методик контент-анализа проведена Б. Берельсоном, ограничившим сферу количественного анализа текстов изучением «проявленного содержания» [Janowitz 1969: 647–648]. Стратегия контент-анализа состоит в изучении того, какие термины и как именно используются для описания некоторого объекта. В нашем случае задача противоположная: изучаются отдельные категории, а не контент рассмотренных текстов.

Много внимания уделялось взаимодействию медийного и популярного дискурсов; точнее – контенту СМК и знаниям аудитории. Описание ситуации, сформулированное еще П. Лазарсфельдом, гласит, что массмедиа создают для людей картину того мира, с которым они не находятся в непосредственном контакте. Этот принцип зафиксирован и в работе авторитетного специалиста по изучению общественного мнения Дж. Цаллера. В результате медийного воздействия «люди наполняют свое сознание массой лишь отчасти согласованных идей, представлений и суждений», причем в разное время на переднем плане оказываются различные суждения [Цаллер 2004: 83].

Среди ведущих концепций влияния медийного дискурса на популярный выделяют работы о «массовом обществе» (преимущественно теоретические), где СМК играют решающую роль в формировании мнений. СМК навязывают индивидам определенные идеи, тем самым делая общество однородным. Эта модель легла в основу первых исследований в 1920-х гг., возникших в связи с распространением радиовещания, и соответствовала распространенным представлениям о всемогуществе СМК, которые выступают в качестве новой формы социального контроля, свойственной урбанизированному индустриальному обществу, где разрушаются сети личностных взаимодействий [Gitlin 1978].

Теория двустороннего потока массовых коммуникаций предполагает, что поток информации движется как от СМК к потребителю, так и от потребителя к СМК. Сторонники концепции «ограниченных эффектов» напоминают об активной роли публики: передаваемый и воспринятый смыслы могут заметно различаться. Такова, например, классическая теория П. Лазарсфельда и Э. Катца: СМК способны изменять представления и поведение аудитории, но только применительно к «поверхностным» мнениям и кратковременным решениям, не предполагающим смены принципов поведения, – например, голосование на выборах [Katz 1987].

Впрочем, современные исследователи утверждают, что индоктринация аудитории, т.е. внедрение в массовое сознание конкретных идей и понятий, как правило, не является целью медийных организаций (если оставить в стороне рекламу, PR и направленную пропаганду). Их контент отражает символическую борьбу в других сферах; его воздействие на получателя во многом случайно [Gamson, Stuart 1992].

1.1.3. Социологические и медийные классификации

Пересечение множеств стратификационных категорий, артикулируемых в социологическом и медийном дискурсе, не есть следствие их взаимодействия. Скорее его следует рассматривать как результат влияний, внешних относительно обоих дискурсов – прежде всего эффекты поля публичной политики и официальных классификаций.

Социальный конструкционизм уделяет особое внимание созданию и поддержанию символических границ социальных категорий. В этой перспективе рассматриваются ситуации, когда определение категории равносильно созданию ее денотата: пола, национальности, социальной группы [Fine 1993]. В социологии социальных проблем последние рассматриваются как реификация понятий политиков, социальных работников и социологов, считающих их фактическими данностями. Такое понимание позволяет объяснить неадекватность самой постановки вопроса об «отношении людей к социальным проблемам» [Schneider 1985]. При социальном конструировании конкретной проблемы одновременно формируется и «отношение» к ней; оба они составляют два аспекта одного явления – символического объекта, создаваемого с помощью слов в публичной сфере. По

мере институционализации этот объект приобретает все большую реалистичность, что выражается в его закреплении в категориях государственной статистики, текстах законодательных актов, социологических классификациях.

Категории, в которых мыслится социальный мир, создаются и утверждаются в ходе символической борьбы – столкновения различных систем классификаций [Bourdieu, Wacquant, Farage 1994]. По П. Бурдьё, «борьба классификаций» происходит, когда группа людей пытается продвинуть такую классификацию, в которой занимаемая ими позиция оказывается более выигрышной, чем в существующей общепринятой структуре. Но можно указать и на другой аспект борьбы – не столько за введение новых концептов, сколько за их интерпретацию. Эта «борьба» является следствием действий не самих представителей дискусируемой группы, а внешних по отношению к ней наблюдателей – например, политиков, чиновников или социологов. Поэтому какая-либо закономерная связь между объективно предопределенными интересами представителей «рабочего» или «среднего» класса и тем, что пишется и говорится об этих категориях, едва ли существует.

Раздел 2. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ РАБОТЫ

Эмпирическое исследование социальной стратификации – это особый род стратифицирующей деятельности, в результате которого производится систематическая классификация членов общества. В рамках социологических текстов создается описание конкретного общества; здесь и далее нас будет интересовать один из аспектов подобного описания – концептуализация социальной иерархии посредством указания на составляющие ее элементы. Данные элементы будем называть стратификационными категориями.

Стратификационная категория – лингвистическая единица (слово или словосочетание), используемая в социологических текстах для обозначения элемента социальной иерархии⁷. Свойства стратификационной категории:

- обозначает крупную социальную общность;
- критерий либо критерии выделения данной общности могут быть выявлены и формализованы;
- предполагает наличие категорий, обозначающих другие общности и выделенных по тому же критерию или критериям;
- в совокупности с этими категориями составляет целостное описание общества либо его основной части (занятого населения);
- обладает минимально устойчивым употреблением (встречается более чем в одной публикации).

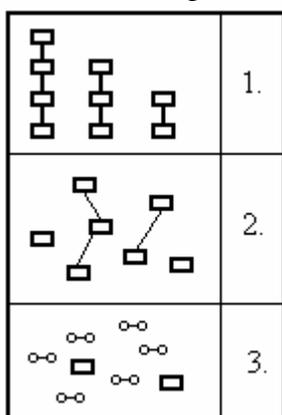
В данной работе мы воспользовались принципом, по которому В.В. Радаев выделяет три уровня хозяйственной идеологии [Радаев 2005: 431–432]: идеологическая система («логически стройная система понятий»); экономическая программа («прикладные модели

⁷ Понятие «социальная иерархия» используется в более узком смысле, чем понятие «социальная структура». Описание общества в терминах его структуры выдвигает на первый план вопрос о характере отношений между элементами такой структуры: возможны отношения эксплуатации (марксистский подход), господства и подчинения (неовеберийский подход); наконец, допустимо и отсутствие отношений при выделении сугубо статистических групп. Напротив, описание общества как иерархии групп оставляет в стороне вопрос об отношениях между ними и позволяет сосредоточиться на совокупности стратификационных категорий, составляющих социальную иерархию.

хозяйственных процессов»); массовое сознание («дихотомические клише и единичные суждения»). Первый уровень представляет собой теоретический конструкт, результат осмысления событий и процессов, происходящих на втором уровне; третий уровень не производит собственных сложных понятий, а в основном переиначивает и упрощает понятия второго уровня.

Мы выделяем три уровня дискурса, на которых существует знание о социальной структуре российского общества. На всех уровнях оно представлено как система классификаций, состоящих из стратификационных категорий – названий позиций в социальной структуре. Соответственно можно говорить о социологических, медийных (по основному полю, где они существуют, – средства массовой коммуникации) и популярных классификациях.

Рис. 1.
Схема уровней классификаций

- Социологические классификации** представляют собой «логически стройные системы понятий», которые, в частности, допускают описание общества как иерархии дискретных позиций.
- Медийные классификации** – продукт и отражение символической борьбы в «публичном пространстве политических и экономических дискуссий» [Шматко 2005; 40], где сочетаются элементы самых разнообразных дискурсивных полей. Представлены в них и социологические категории.
- Популярные классификации** двойственны. С одной стороны, они формируются по остаточному принципу, аккумулируя отголоски того знания о недоступном личному опыту социальном мире, которое существует на других уровнях. С другой стороны, их активно производят сами носители «массового сознания» в виде бинарных практических схем (в иных терминологиях – фреймов, социальных категоризаций), не привязанных к систематическим классификациям.

Трудности возникают, когда мы пытаемся определить, принадлежит ли некая система понятий, описывающая общество как совокупность ранжируемых категорий, к социологическому дискурсу. Ведь социологи не только не являются единственными производителями знания об обществе (в особенности о конкретном российском обществе 1990–2000-х гг.), но и не занимают в иерархии производителей такого знания ведущих позиций. Достаточно указать на факт существования государственных (статистических) классификаций, обладающих наибольшими легитимностью и непротиворечивостью. Социологические классификации нередко повторяют схемы, разработанные в статистике рабочей силы (например, кодификаторы профессий) и статистике уровня жизни населения (например, разбиение доходной совокупности на квинтильные и децильные группы). Как же тогда понять, какие стратификационные категории принадлежат собственно социологии?

Для этого нужно уточнить, кто подразумевается под «социологами». Вслед за Т. Куном мы определяем науку, в данном случае социологию, через «научное сообщество» – группу исследователей с определенной специальностью [Кун 2003: 229], результаты деятельности которых представлены в виде социологических текстов. Следовательно, мы вправе считать социологическими классификациями те, которые названы в данных текстах.

Эти тексты неоднородны: наибольшей степенью конвенциональности и четкости в определении понятий и связей между ними обладают учебники и учебные пособия. Затем следуют монографии и статьи в научных журналах (поскольку российские монографии по теме социальной стратификации во многом дублируют содержание периодики, в дальнейшем они не рассматривались). Особенность статей, посвященных данной теме, состоит в их преимущественной эмпирической направленности. Как следствие этого, используемые авторами

статей классификационные схемы и трактовка образующих их стратификационных категорий не вполне соответствуют стройным концептуальным построениям учебников.

Неоднороден и медийный дискурс: наиболее универсально деление его на «качественную» (quality rare) и «массовую» составляющие. Есть основания полагать, что «качественная» пресса во многом является тем самым полем (или одним из полей), на котором происходят упомянутые выше публичные дискуссии. Напротив, массовая пресса лишь фиксирует некоторые элементы публичных дискуссий. Применительно к печатной прессе различие между аналитическими и массовыми изданиями обычно связывается с размерами их разовых тиражей, хотя точную границу здесь установить сложно.

В настоящей работе рассмотрены только издания массового уровня, поскольку их содержание обеспечивает большее приближение к «остаточным» элементам систематических классификаций, существующим в популярном дискурсе. Изучив представленность в стратификационных категориях в массовой прессе, мы тем самым зададим верхнюю границу того объема систематического знания о социальном мире, которым обладает рядовой член общества⁸.

Все это позволяет представить второй, «усеченный» вариант схемы уровней знания о социальной структуре, на основании которого строится последующее изложение:

- учебные тексты об изучении социальной стратификации;
- публикации в социологических журналах;
- тексты массовой прессы.

Им соответствуют три типа классификаций: «теоретические», «эмпирические» и «остаточные». Рассмотрим каждый тип подробнее.

Теоретические классификации, представленные в учебниках, – результат осмысления и систематизации концепций, методов и итогов деятельности социологов, изучающих социальную стратификацию. Системы стратификационных понятий здесь основаны на обобщении как собственно теоретических работ, так и эмпирических исследований. Построение схем социальной иерархии производится посредством выделения наиболее значимых «осей», дискретные позиции на которых (на каждой в отдельности или на пересечении нескольких осей) обозначают отдельную категорию.

В ориентированных на анализ фактической информации журнальных статьях теоретические стратификационные схемы в чистом виде используются редко. Вместо них применяются эмпирические классификации. Задачей исследователя в данном случае становится не столько поиск возможных способов классификации, сколько размещение объектов (индивидов, домохозяйств) в позициях классификации. Это ведет к переносу акцента с теории на методологию и, следовательно, выдвигает на первый план проблему отбора стратификационных критериев для заполнения групп с уже названными «именами». Возможны три варианта представления социальной иерархии как лестницы, «ступеньки» которой соответствуют стратификационным категориям:

- однокритериальная лестница;
- два или более критериев, особое сочетание которых образует каждую из категорий;
- разнородный набор критериев для каждой «ступеньки».

В разных вариантах могут быть использованы одни и те же категории. Так, иерархия «высший класс» – «средний класс» – «низший класс» может строиться по уровню дохода (один критерий), уровню дохода и образования (два критерия). Примером разнородного

⁸ Несомненно, основным источником подобной информации являются не печатные издания, а телевидение; однако можно допустить, что в интересующем нас аспекте их контент не имеет существенных различий.

набора критериев являются схемы «элита» – «средний класс» – «низший класс» и «высший слой» – «средний слой» – «рабочие» – «нижний слой».

Основной ситуацией непосредственного взаимодействия социологического и медийного дискурсов являются или сообщения о результатах социологических исследований, или публикация высказываний социологов в качестве экспертов. При этом социологические стратификационные категории появляются в прессе почти в неизменном виде. Таких случаев, как представляется, немного в общем объеме публикаций. В остальном схема иная: категория актуализируется в другом дискурсивном поле (например, в публичной политике) и затем проникает в массовые газеты.

Так возникают «остаточные» классификации в массовой прессе. Авторы газетных статей редко задаются целью рассказать читателю о строении российского общества или об отдельных его элементах, особенно с применением близкой к социологической терминологии. В большинстве текстов интересующие нас стратификационные категории упоминаются мельком, без разъяснения их смысла, который может быть установлен лишь по контексту употребления термина. Социологические классификации на этом уровне распадаются на отдельные категории. Они могут существовать изолированно, а могут объединяться, формируя новые смысловые комплексы.

Целью настоящей работы является изучение медийных схем социальной структуры, составленных из стратификационных категорий социологического дискурса. Для достижения цели должны быть решены следующие задачи.

1. Выявить теоретические классификации в конвенциональных учебных текстах.
2. Проанализировав тексты социологической периодики, выяснить:
 - какие стратификационные категории упоминаются в социологической периодике;
 - какие критерии применяются для наполнения категорий;
 - каковы устойчивые сочетания категорий (эмпирические классификации);
 - каковы основания, по которым они сформированы;
 - как они соотносятся с теоретическими классификациями;
 - в какой степени социологи осознают, что используемые ими категории являются исследовательскими конструктами.
3. Проанализировав тексты массовой прессы, выяснить:
 - какова упоминаемость отобранных категорий;
 - каковы смыслы основных стратификационных категорий («высший класс», «средний класс», «рабочий класс» и «низший класс»);
 - каковы устойчивые сочетания категорий (медийные классификации);
 - как соотносятся медийные и эмпирические классификации.

Раздел 3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа проводится в два этапа: на первом рассматриваются социологические тексты, описывающие социальную структуру российского общества 1990–2000-х гг. или ее аспекты; цель – выявить наиболее употребительные категории, характер их описания. На втором этапе рассматривается употребление этих категорий в прессе; цель – выявить представленность категорий и характеристики некоторых из них. В анализ включаются тексты, опубликованные с 1995 по 2003 г.

3.1. Методика отбора и анализа социологических текстов

В социальных науках – и социология не является исключением – основной формой представления академического знания служат научные тексты [Sayer 1984: 258]. Исследование социологических текстов с целью выявить особенности раскрытия в них какой-либо темы в методологическом плане относится к сфере мета-анализа.

Использованная нами методологическая схема близка к той, что предложена в работе Дж. Платт [Platt 1998], посвященной методическим аспектам деятельности американских социологов. По Платт, структура научных текстов такова: на первом уровне существуют учебные тексты, следующая ступень – научные монографии, и завершает пирамиду научного знания совокупность статей по данной теме в релевантных для сообщества научных журналах. Такая схема более подходит для анализа сформировавшихся научных сообществ за длительный промежуток времени.

Особенность российских монографических публикаций, помимо их немногочисленности, состоит в том, что некоторые издания в «книжном» формате представляют собой сборники переработанных статей, опубликованных в научных журналах, и зачастую дублируют их содержание. Немало текстов о стратификации российского общества включено в монографии, посвященные иным темам. Поэтому, помимо учебных текстов, основной интерес представляют именно статьи. Это оперативный способ представления сведений о проведенных исследованиях, и можно допустить, что они адекватно отражают реальные исследовательские практики. Журнальные статьи доступнее малотиражных монографий, и опубликованные в них материалы привлекают большее внимание профессионального сообщества.

3.1.1. Учебники

Учебные тексты отбирались по следующим признакам:

- учебник или учебное пособие адресовано студентам вузов;
- учебник или учебное пособие посвящено социальной стратификации.

Отобраны учебник В.В. Радаева и О.И. Шкаратана «Социальная стратификация», изданный в 1995 г., и учебник В.И. Добренкова и А.И. Кравченко «Социальная структура и стратификация» (2-й том трехтомника «Социология»), изданный в 2000 г. [Радаев, Шкаратан 1995; Добренков, Кравченко 2000].

Цель анализа учебных текстов состоит в выявлении представленных в них теоретических классификаций. В теоретической схеме социальной иерархии должны быть достигнуты наибольшая ясность и системность стратификационной картины. Здесь классификационные схемы представлены в наиболее полном и завершенном виде. Следовательно, задачей является поиск подобных схем в общетеоретических разделах текстов, где даются определения основных понятий. Рассматриваются те схемы социальной структуры, которые предложены непосредственно авторами текста, и по форме не являются изложением взглядов других исследователей.

3.1.2. Периодика

В 1995–2003 гг. издавалось несколько научных журналов, содержащих подходящие статьи. При отборе журналов мы опирались на их характеристики, указанные в заявочных текстах:

- журнал является социологическим;
- журнал не специализируется на отдельных направлениях социологии;
- журнал не является междисциплинарным;
- журнал не является региональным (выпускающая организация размещена в Москве или Санкт-Петербурге).

Таким критериям удовлетворяют три издания: «Социологический журнал», «Социологические исследования» и «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»⁹.

Ожидаемая систематичность представления социальной иерархии в социологической периодике меньше, чем в учебном тексте, но больше, чем в текстах массовой прессы. Поэтому отбор статей в журналах производился на основании тем, заявленных в заголовках. Критерии отбора:

- наличие в заголовке работы слов и сочетаний «социальная структура», «социальная дифференциация», «стратификация», «неравенство», «расслоение», «социальная мобильность», «социальная дезинтеграция», «социально-экономические трансформации», «динамика перемен»¹⁰ и (или) названий стратификационных категорий¹¹;
- наличие в тексте отсылок к результатам конкретных социологических исследований, проведенных после 1991 г. на территории России;
- статья не является переводом с иностранного языка.

Всего отобрано 52 текста; список см. в Приложении 1.

Статьи, претендующие на описание социальной структуры и предположительно содержащие полные классификационные схемы, обозначены как «структурные» тексты. Статьи, где рассматриваются отдельные стратификационные категории, названы «категориальными» текстами. Оценивалась представленность в тексте стратификационной схемы, отдельных категорий, наличие указаний на критерии отнесения к ним, работа с понятием как с элементом реальности или как с исследовательским конструктом.

В заключение укажем на отличие постановки вопроса в данной работе от историко-социологического подхода. Оставлена за рамкой анализа вся совокупность факторов контекстуального характера, собственно «поле науки»: формирование научных школ и закономерности описания социальной структуры в работах их представителей; «интеллектуальная мода» и вненаучные обстоятельства, например, зависимость выбора темы стратификационного исследования от политики грантодателей и др.

⁹ «Социологический журнал» издается Институтом социологии РАН с 1994 г. 4 раза в год. Издание позиционируется как академический журнал для социологов. Рассматривались рубрики «Массовые опросы, эксперименты, монографические исследования» и «Проблемы и перспективы общественного развития» (до 2001 г.). Полные тексты статей см.: <http://knowledge.isras.ru/sj/>

Журнал «Социологические исследования» издается Институтом социологии РАН с 1974 г. как научный и общественно-политический журнал, выходит ежемесячно. Рассматривалась рубрика «Социальная структура. Социальная политика». Полные тексты статей см.: <http://ecsocman.edu.ru/socis>

Журнал «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения» издается ВЦИОМ и выходит 6 раз в год с 1993 г. Издание позиционируется как информационный бюллетень социологических исследований. Рассматривались рубрики «Экономика» и «Социальные проблемы общества переходного типа» (с 1999 г. рубрикация отсутствует).

¹⁰ Последние два термина добавлены по итогам просмотра заголовков статей.

¹¹ Не учитывались тексты, посвященные явлению, а не категории (например, работы, предметом которых является «бедность»). Проблематика «маргинальных слоев» и групп исключена как нестратификационная, поскольку такие категории по определению помещаются вне социальной структуры.

3.2. Методика отбора и анализа газетных текстов

В качестве источника данных использована база текстов российской периодики электронного архива «Интегрум»¹². Интерес представляют общенациональные газеты общественно-политического типа с наибольшими тиражами. В данной базе есть возможность использовать публикации всех пяти ведущих российских изданий такого рода.

Отобраны издания:

- «Аргументы и факты» (выходит еженедельно);
- «Известия»;
- «Московский комсомолец»;
- «Комсомольская правда»;
- «Труд» (выходят ежедневно).

Каждая статья рассматривается как отдельный документ; составителями исключены неинформационные материалы (реклама и пр.). Возможная специфика подачи материала в разных изданиях не учитывалась. Для отбора текстов использовалась поисковая система базы «Интегрум» «Упомянутость объекта в прессе». Были подсчитаны абсолютные цифры встречаемости категории в выбранных изданиях; расчетный период – квартал. В рассмотрение включены все тексты, содержащиеся в базе; единица счета – весь документ, без учета числа появлений в нем категории.

Также использовался сервис «Поиск документов», выводящий по итогу запроса перечень найденных текстов с выделенными ключевыми словами. Так проверялась правильность поисковых запросов. Кроме того, изучались полные тексты статей для выявления смыслов стандартных «классовых» терминов («высший», «средний», «нижний», «рабочий») и низкочастотных категорий.

Количество текстов по отдельным категориям и их упоминаемость (доля документов с упоминанием термина в общем объеме текстов) приведены в Приложении 2.

Раздел 4. АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

4.1. Учебники

В учебнике В.В. Радаева и О.И. Шкаратана стратификация определена как система неравенства между общностями людей, приобретающими свойства иерархического ранжирования [1: 27]¹³. Предлагается девять типов универсальных стратификационных систем, определяемых как «характер социального расслоения и способ его утверждения» [1: 49]. Системы носят идеальнотипический характер, каждая описывает иерархию со следующими основаниями [1: 50–57]:

- природные социально-демографические признаки (физико-генетическая);
- наличие гражданских прав и прав собственности (рабовладельческая);
- религиозно закреплённые этнические различия (кастовая);

¹² База данных «Интегрум» содержит электронные версии российских газет и журналов. Всего в ресурсе около 500 российских журналов, более 250 центральных газет; все издания представлены полными текстами. Доступ к базе предоставлен библиотекой ГУ–ВШЭ. Адрес базы данных: <http://www.integrum.com>

¹³ Нумерация учебных изданий приводится в квадратных скобках; первая цифра указывает на номер издания в списке учебных текстов в Приложении 1, вторая цифра – номер страницы, содержащей цитируемый текст.

- объем юридических прав и обязанностей (сословная);
- объем привилегий и возможности мобилизации ресурсов, связанные с административной позицией (этакратическая);
- содержание, условия труда и квалификационные требования к нему (социально-профессиональная);
- характер и объем собственности на средства производства и произведенный продукт и материально-имущественная обеспеченность (классовая);
- доступ к социально значимой информации и возможность ее освоения и интерпретации (культурно-символическая);
- объем уважения и престижа как следствие образа жизни и норм поведения (культурно-нормативная).

Данные иерархии являются многомерными (за исключением кастовой системы); каждая основана на совокупности однородных признаков. Группы, из которых состоят системы стратификации, не названы; предполагается, что стратификационные категории строятся как комбинация позиций в нескольких системах стратификации.

Во втором тексте предлагается следующий вариант универсальной классификации, совмещенный с определением социальной стратификации:

Социальная стратификация – совокупность расположенных в вертикальном порядке социальных слоев: бедных, зажиточных, богатых <...> Сверху вниз в обществе расположены страты богатых, зажиточных (средний класс) и бедных людей. Крупные общественные страты именуют еще классами, внутри которых мы можем обнаружить более мелкие подразделения, которые собственно и называются слоями, или стратами. Класс богатых разбивается на верхний (очень богатых, миллиардеров) и нижний (просто богатых, миллионеров). Средний класс состоит из трех слоев, а низший, или бедный, класс – из двух. Самый нижний слой именуют еще андерклассом, или «социальным дном» [2: 19].

Эта схема близка к классовой системе стратификации предыдущей работы; основанием ее является материально-имущественная обеспеченность. Учитывая, что данный текст опубликован в конце рассматриваемого периода, можно предположить, что он фиксирует наиболее распространенные исследовательские практики российских социологов. Поэтому следует ожидать, что в эмпирических стратификационных текстах наиболее распространенными окажутся именно материально-имущественные классификации.

4.2. Периодика

В данном разделе рассматривается второй тип социологических классификаций позиций в социальной иерархии – эмпирические классификации, представленные в статьях в социологических журналах (52 текста).

К числу «структурных» текстов отнесены тексты, непосредственно посвященные описанию «социальной структуры», «неравенства», «расслоения», «социальной дифференциации», «дезинтеграции», «динамике социоструктурных трансформаций», материально-имущественной стратификации, социальной мобильности (всего 22 текста). Здесь мы вправе ожидать наличия модели социальной структуры – либо с разъяснением критериев и их обоснованием, либо только с перечнем категорий, которые образуют социальную иерархию.

Относительно полная схема присутствует в 16 статьях; критерии отнесения к категориям приводятся в 13 статьях (из них восемь относятся к доходно-имущественной оси, четыре описывают профессиональные группы, одна – «адаптированность к рыночным отношениям»). Единственная работа, в которой классификационная схема рассматривается

как исследовательский конструкт, а не как описание «реальности», – статья Т.И. Заславской [7 и 8; 1996]¹⁴.

«Категориальные» тексты посвящены отдельным стратификационным категориям; эти категории могут быть как вписаны в структурный контекст, так и представлены изолированно. В нашем случае в текстах второй группы рассматриваются:

- «средний класс» (10 текстов);
- «элита» (6);
- «интеллигенция» (4);
- «рабочий класс» (3);
- «богатые», «бедные» (3);
- прочие категории («андеркласс», доходные группы, группы по самоидентификации; 4 текста).

Определения изучаемых категорий присутствуют только в 10 работах. При этом категории определяются через совокупность критериев-индикаторов, а не путем отсылки к теоретическому понятию или инструментальной задаче. Поэтому обоснования выбора именно таких критериев очень редки. Здесь подавляющее большинство статей также описывает стратификационные категории как существующие безотносительно к классифицирующей деятельности исследователя; лишь в одной статье исследуются смыслы понятия «интеллигенция», но без привязки к стратификационному контексту [49; 2003].

Категории «элита» и «интеллигенция» фактически не являются стратификационными в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие: они упоминаются вне схем социальной структуры, неизвестными остаются состав и имена групп, находящихся в социальной иерархии выше или ниже них.

Судить о динамике исследовательского интереса на материалах полусотни статей, довольно сложно. Тем не менее, отметим, что проблематика элитных групп заметно утратила актуальность в конце 1990-х гг.; в 2000-е гг. в рассмотренных текстах к этой теме не обращались совсем. В 1995–1997 гг. материально-имущественное неравенство анализируется или упоминается гораздо чаще, чем в конце 1990-х гг., а в 2000-е гг. ему посвящена лишь одна работа. «Средний класс» как самостоятельная тема появляется только в 1999 г. и достигает максимума в 2000 г. А вот марксистские категории встречаются и в середине периода (1998 г.), и в его конце (2002 г.).

В текстах, посвященных социальной структуре в целом, отмечена следующая закономерность: с одной стороны, выраженность неравенства не вызывает сомнений у авторов; с другой стороны, описание социальной иерархии производится с помощью более чем скромного набора категорий универсального характера. «Локальные» категории, называющие конкретные общности, не в чести: «служащие» [1 и 2; 1995]; «работающие бедные» [40; 2000]; сюда же можно отнести «социальную элиту» как особую промежуточную группу между собственно «элитой» и «массами» [29; 1998].

<...>

4.3. Отбор категорий для анализа газетных текстов

Для анализа газетных текстов сформированы следующие группы категорий:

- «доходные»;
- «марксистские»;
- «научные»;
- «традиционные».

¹⁴ Номера статей в социологической периодике приводятся в квадратных скобках. Первое значение указывает на позицию в списке рассмотренных публикаций в Приложении 1; второе значение – год выхода статьи.

К числу доходных отнесены те категории, критерием выделения которых является уровень материально-имущественной обеспеченности, выражаемый обычно через величину дохода: «богатые», «бедные», «малообеспеченные» и «малоимущие».

Выделение трех остальных групп связано с происхождением включаемых в них категорий. К числу марксистских отнесены такие термины, как «рабочий класс» («класс рабочих»), «интеллигенция», «класс капиталистов» («капиталисты»). Из рассмотрения исключены категории «крестьянство», «буржуазия», «пролетариат» ввиду неартикулированности в социологическом дискурсе о социальной иерархии.

Наиболее условно название третьей группы категорий – «научные». Она объединяет термины, с одной стороны, не связанные или слабо связанные с отечественной марксистской традицией, с другой – привнесенные из западных социологических текстов. Сюда входит связка градационных классов («высший класс», «средний класс», «нижний класс»), терминология элитистского подхода («правящая элита» и «элита»¹⁵) и прочие «классовые» термины («господствующий класс», «правящий класс», «класс собственников», «класс наемных работников», «класс богатых», «класс бедных»).

Традиционные категории представлены дихотомией «верхи» – «низы»; отсылки к этим категориям встречаются в социологических текстах.

Раздел 5. АНАЛИЗ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ

Встречающиеся в текстах массовой прессы «стратификационные» категории выделяются в этом качестве только по принципу текстуального соответствия категориям, используемым в социологических текстах. В соответствии с этим не получили освещения потенциально существующие категории, описывающие иерархические социальные общности, но не артикулируемые в социологическом дискурсе о социальной структуре.

Полученные распределения показывают, что запрошенные категории можно разделить на три группы: высокочастотные, среднечастотные и редкие. К первым относятся те категории, частота текстов с которыми составила в среднем за период более 0,004; среднечастотными будем считать категории с упоминаемостью от 0,001 до 0,004; к редким категориям отнесены те, упоминаемость которых менее 0,001.

Исходно предполагалось, что упоминаемость категории определяется прежде всего тем, к какому уровню социальной иерархии она приписывается. Согласно гипотезе, должны были преобладать категории, описывающие высшие слои, прежде всего элитные группы. Однако основным разграничительным признаком оказалось то, в какой системе стратификационных критериев выделена данная категория.

На протяжении всего периода «доходные» категории заметно опережают по упоминаемости элементы трех других групп; различия между прочими не очень велики (их средняя упоминаемость за 1995–2003 гг. приведена в Приложении 3). Типология, образованная пересечением эмпирической группировки и объединений по признаку частотности, представлена в табл. 1.

Большая часть элементов доходной группы попадает в число высокочастотных. Категории «популярного марксизма» занимают промежуточное положение по упоминаемости. Категории традиционной группы в среднем употребляются чаще, чем редкие научные.

¹⁵ Для категории «элита» как нерелевантные смыслы рассматривались все варианты институциональных элит в терминологии Р. Миллса [С. Wright Mills]. Так, в нее не входят сочетания вида «политическая элита», «научная элита», «местная элита», «спортивная элита» и т.п.

Группа редких терминов практически целиком представлена вариациями классовой терминологии; от предыдущей категории этой группы отличаются тем, что не несут «идеологических» коннотаций советского периода. Заметно «выбиваются» из этой схемы научные термины «средний класс», входящий в высокочастотную группу, и «элита», средний по упоминаемости термин. Кроме того, «рабочий класс» является единственным среди среднечастотных категорий сочетанием, включающим упоминание «класса».

Можно заключить, что в дискурсе массовой прессы доминирует основание материальной обеспеченности; затем следует ряд категорий, которые потеряли смысл названий единиц социальной структуры и используются как синонимы для нестратификационных концептов; категории, сохраняющие такой смысл («классовые» термины), редки в силу второстепенности самой темы строения общества в прессе. Здесь шанс на высокую упоминаемость получают те термины, которые встречаются в других, помимо «социального», контекстах.

Рис. 2. Упоминаемость групп категорий, март 1995–2003 гг.

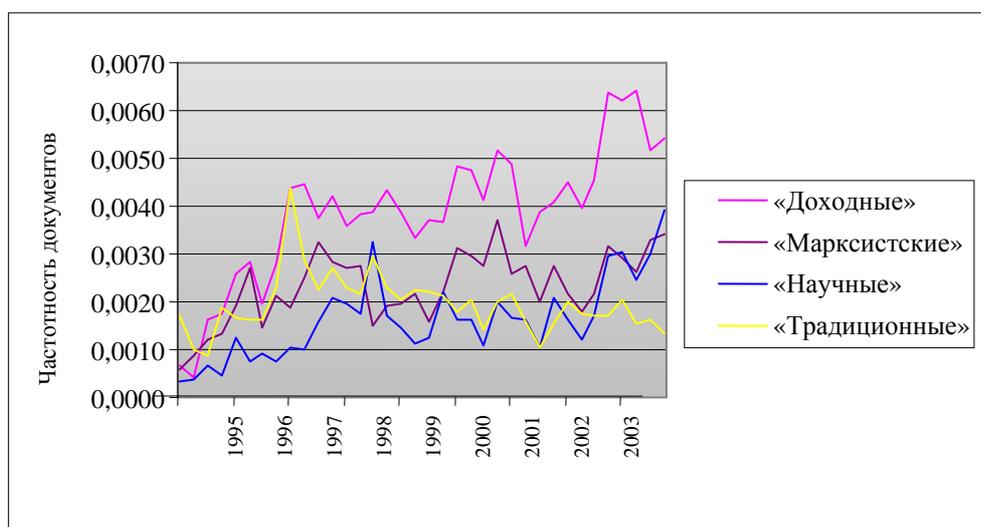

Таблица 1. Типология стратификационных категорий

		Упоминаемость категорий		
		Высокочастотные	Среднечастотные	Низкочастотные
Группы категорий	«Доходные»	«Бедные» «Богатые» «Малоимущие»	«Малообеспеченные»	
	«Марксистские»		«Интеллигенция» «Рабочий класс» «Капиталисты»	«Класс капиталистов»
	«Научные»	«Средний класс»	«Элита»	«Класс собственников» «Класс наемных работников» «Правящий класс» «Господствующий класс» «Правящая элита» «Высший класс» «Нижний класс» «Класс богатых» «Класс бедных»
	«Традиционные»		«Верхи»	«Низы»

5.1. Редкие категории

Все редкие термины употребляются в документах мельком, не становясь темой статьи. «Классовые» категории представлены в данной группе наиболее широко: это «класс богатых» и «бедных», «класс собственников», «капиталистов» и «наемных работников», «господствующий» и «правлящий класс», а также «низы» (о них в разделе 5.2). Рассмотрим контексты, в которых они употреблялись.

Редкой для публичного дискурса является категория «**класс богатых**». За 1995–2003 гг. она встречается в 11 текстах, из которых к современной России относятся 9. Пять раз термину придается отчетливо негативная окраска, он употребляется для указания на группу лиц, чьи состояния нажиты противозаконным образом («награблены», 3 текста) либо находят антисоциальное применение (скупка земли, 2 текста). Дважды термин упомянут в сообщениях о результатах социологических опросов, вместе с ним названы «бедные», «люди среднего достатка» [7; 2001]¹⁶ и «бедные», «средний класс» [11; 2003]. Парная категория «**класс бедных**» названа только один раз.

Категории «класс капиталистов» и «**капиталистический класс**» редки: названы лишь в 6 текстах как синонимы «миллиардеров» и «крупного бизнеса». Интересно, что все тексты появляются в период 1997–2000 гг., хотя явно имеют марксистские коннотации и можно было бы ожидать их упоминания в начале периода.

«**Класс собственников**» упомянут в 50 документах. Вплоть до конца 1999 г. доминирует приватизационный контекст (19 из 29 статей). Когда речь идет о целях приватизации, категория приобретает нейтральную окраску; нередко авторы дистанцируются от нее, указывая на заявления политиков, задачи принятия законодательных актов и т.п. Официальная формулировка «формирование массового класса собственников» как цели приватизации государственного имущества часто воспроизводится в текстах 1995–1999 гг. Категория применяется и для описания результатов приватизации, и в этих случаях неизменно негативна, ассоциируется с «олигархами» и теми, кто «обобрал» рядовых акционеров. Кстати, за весь период есть лишь один документ, в котором владение акциями рассматривается как вид собственности [2; 1995]; даже если «класс собственников» приводится применительно к приватизации разгосударствлению, акционерный капитал не упоминается.

В 2000–2003 гг. основные смыслы сближаются со смыслами понятия «средний класс», понимаемого как мелкие и средние предприниматели (11 текстов) – самостоятельные люди, активные потребители, привносящие в общество стабильность. Потому термин или нейтрален, или позитивно окрашен. Встречается вариант, когда названо конкретное имущество, обладание которым образует категорию; две основные темы – собственность на землю и на жилье, упоминаемые исключительно в контексте темы о политике приватизации (8 текстов).

Неиерархический характер категории проявляется в том, что ее смысловой ряд образуют категории государственной статистики, дополненные «классовой» терминологией. Так, «классу собственников» противопоставлен не «класс наемных работников», не владеющих средствами производства, а безликая «государственная собственность», один раз – «бюджетный сектор». Директора государственных предприятий обобщающего названия не получают. Очевидно, в этом контексте употребление слова «класс» является не более чем

¹⁶ Номера газетных статей приводятся в квадратных скобках. Для каждого термина был составлен отдельный список текстов. Для небольших массивов применялась сплошная нумерация за весь период: например, обозначение [3; 1995] указывает на третий текст в списке всех отобранных текстов с вхождением искомого термина, опубликованный в 1995 г. Списки для текстов с упоминанием средне- и высокочастотных категорий формировались по годам; для них применяется обозначение вида [3.1995] – третий текст из тех, которые были опубликованы в 1995 г.

риторической фигурой; стратификационного смысла она не несет. Так, нет указаний на то, что представители этих категорий отличаются от остального населения по каким-либо другим основаниям. Это относится и к концу периода, 2000-м гг.: хотя факт наличия «класса» уже не отрицается, он не приобретает значения имени конкретной социальной общности, оставаясь статистико-юридической абстракцией.

Парное понятие «класс наемных работников» названо дважды (вариант «класс наемных рабочих» не встречается). В 2003 г. автор текста, заявляя о своей приверженности марксистско-ленинским позициям, трактует категорию как часть «пролетариата»; в 1996 г. – как многочисленную группу несобственников. В обоих случаях дополнительные характеристики отсутствуют.

Еще один редкий классовый термин – «**господствующий класс**» или «классы». О нем упоминают в 29 текстах. Четверть упоминаний обращена к дореформенному периоду (7 текстов). Применительно к современности термин используется либо как обозначение «номенклатуры», представителей исполнительной власти высокого уровня или «чиновников» (13 текстов), либо как неопределенное понятие с марксистскими корнями (9 текстов).

Таким образом, термины привязаны к тем контекстам, в которых они были внесены в публичный дискурс; в случае, если для одной и той же категории таких контекстов было несколько, заложенные в них смыслы сосуществуют, не смешиваясь между собой.

Отмечена также категория «**правлящий класс**». Она входит в 103 статьи; за весь период частотность держится на уровне 0,002–0,003. Не рассматривались статьи, в которых упоминаются зарубежные правящие классы (14); посвященные советскому или дореволюционному времени (23); не содержащие информации о категории (4).

Каковы основные смыслы этого весьма конвенционального термина (в кавычки он заключен в одном документе)? Ведущий контекст – политический, в 90% статей синонимом термина являются слова «политики» и «власть» (исполнительная власть – президент, правительство; лидеры партий), а также «элита» – к ней «правлящий класс» приравнивается в 20% статей. Категория заметно отличается от близкого термина «господствующий класс» – почти нет связи ни с бюрократией, ни с марксизмом¹⁷ – что тем более интересно, поскольку исторически первично именно марксистское словоупотребление этого термина. Крупный бизнес почти не включается в эту категорию (два документа).

Относительно чаще, чем для других категорий, здесь встречаются ссылки на экспертов – обществоведов, специализирующихся на изучении элит (О. Крыштановская, Л. Шевцова, С. Марков). Это придает термину дополнительную «научность». В целом же «правлящий класс» аналогичен менее «научнообразному» слову «власть». Членство в «правлящем классе» – сугубо индивидуальное и определяется принадлежностью к группе лиц, оказывающих влияние на принятие стратегических политических решений. Кроме того, термин редко наделяется эмоциональной окраской.

Хотя в ее составе есть слово «класс», в качестве стратификационной категория практически не употребляется: отсутствуют указания на иные категории, находящиеся в социальной иерархии «классов» ниже данной. Как и другие названия элитных групп, данный термин предполагает существование относительно небольшой четко очерченной совокупности людей, резко отличающихся от собственно «общества» («масс», «населения», «народа», «граждан», «страны», «низов»), представляемого как неструктурированное целое.

¹⁷ За исключением текста, где ядром современного правящего класса названа «бюрократия» [59; 2000], а также трех текстов, определенных авторами как написанные с марксистских позиций.

5.1.1. «Высший класс» и «низший класс»

Крайне редко упоминаются два элемента из градационной «классовой» триады – «нижний» и «высший класс». Видимо, смыслы понятия «высший класс» в текстах массовой прессы передаются с помощью иных терминов: «элита», «богатые»; вместо категории «нижний класс» используются «бедные», «малообеспеченные» и пр. Это соответствует тому, что отмечают западные авторы: упоминаемость категорий, однозначно определяющих позицию называемых ими групп в социальной иерархии, невелика [Marwick 1990].

Категория «**нижний класс**» («низший класс») непопулярна. За 1995–2003 гг. она названа только в восьми публикациях. К современной России относятся три текста, два из них ссылаются на результаты социологических опросов¹⁸; «нижний класс» противопоставляется «среднему».

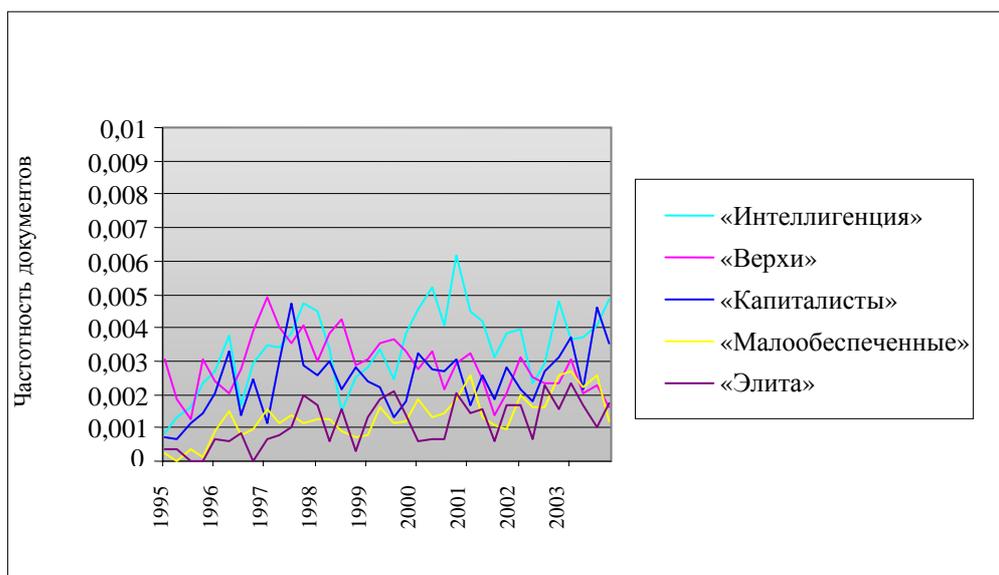
Несколько чаще используется термин «**высший класс**» (21 документ), хотя более половины упоминаний относятся либо к зарубежным обществам, либо к прошлому. В оставшихся восьми документах как синонимичные понятия названы «элита» и «политическая элита» (в контексте близости к «власти»), а также «новые русские» (в контексте высокого уровня доходов группы и специфического стиля потребления). Применительно к зарубежным обществам вместе с «высшим классом» в 6 статьях из 13 упоминается и «средний класс», тогда как российский «высший класс» противопоставляется «обществу», «народу», «простонародью» и «низкодоходным слоям». Впрочем, учитывая малое количество текстов, это может быть случайным совпадением.

В рассмотренных текстах у категорий «высший» и «нижний класс» отсутствует значение социально-профессиональной группы: не отмечено статей, в которых приводились бы примеры профессий тех, кого зачисляют в эти категории.

5.2. Среднечастотные категории

В число среднечастотных терминов попали весьма разнородные категории: это и элементы популярно-марксистского дискурса («капиталисты», «интеллигенция», «рабочий класс»), и «доходная» категория «малообеспеченные», и категория «элита». Их сравнительная упоминаемость представлена на рис. 3. Категория «рабочий класс» анализируется в разделе 5.2.1.

Рис. 3. Упоминаемость среднечастотных категорий, март 1995–2003 гг.

¹⁸ Низший класс по уровню дохода из опроса НИИ социальной гигиены 1999 г. и низший класс в исследовании «Средние классы» Независимого института социальной политики 2003 г.

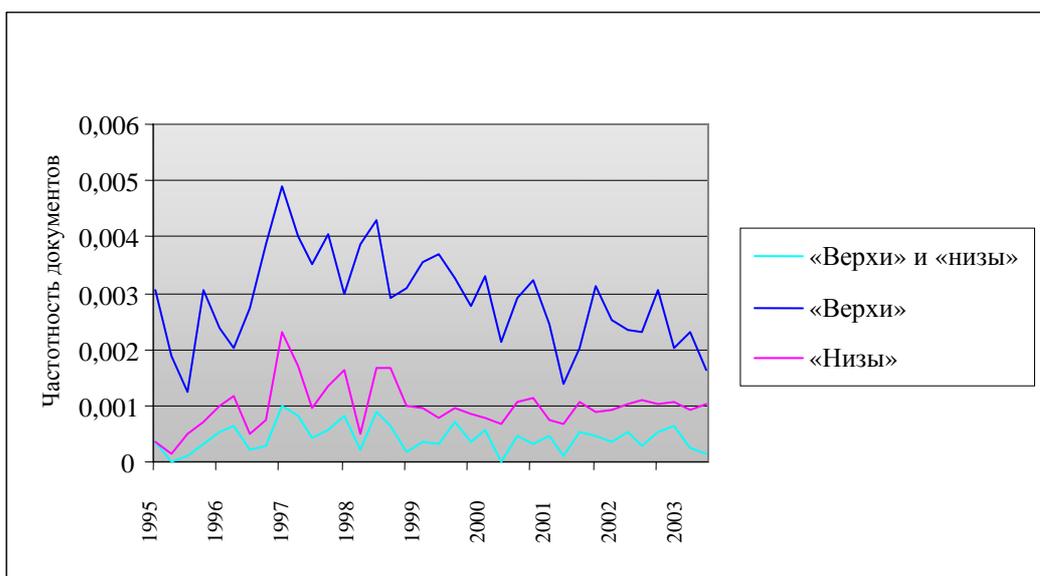
Отметим невысокую частотность термина «элита»: из всех среднечастотных категорий она самая редкая. Отчасти это связано со спецификой поискового запроса: отбирались тексты, в которых категория употреблена как название общности, размещенной на вершине социальной иерархии российского общества. Для этого отсеивались документы, отсылающие к иным странам и к «частным» элитным группам. Основное значение близко к отмеченному для «правлящего» и «господствующего класса»: использование как синонима менее претенциозного термина «власть» (обозначающего лиц, принимающих наиболее важные решения).

Термин «интеллигенция» употребляется для обозначения образованных людей. Встречаемость его в стратификационных контекстах ограничена немногочисленными (не более 30) упоминаниями в связи с прочими «марксистскими» категориями. Три из четырех посвященных данной категории социологических текстов опубликованы в 2000–2003 гг., и на этот же период приходится пик упоминаемости категории в массовой прессе.

Невысокая употребляемость категории «малообеспеченные» – по сравнению с близкой категорией «малоимущие» – скорее всего вызвана ее лингвистическими, а не содержательными особенностями (например, она заметно неудобнее в произношении).

Дихотомическая пара традиционных категорий «верхи» – «низы» распадается на среднечастотную «**верхи**» и редкую «**низы**». Относительно высокая упоминаемость категории «верхи» во многом связана с тем, что эта категория входит в состав многих устойчивых выражений. Это единственные из рассмотренных категорий, которые широко применяются в газетных текстах для обозначения социального происхождения конкретных людей. Следовательно, они наиболее близки к тем, которые служат основаниями самоидентификации. Категория «низы» реже, чем «верхи», употребляется как самостоятельная. Об этом свидетельствует незначительный разрыв между количеством документов, где названы и «верхи», и «низы», и документами, где названы только «низы». Напротив, «верхи» наиболее употребительны в роли самостоятельной категории, а не элемента дихотомии. Специфицируется только верхний уровень социальной иерархии. Прочие же уровни остаются безымянными и потому неопределенными.

Рис. 4. Упоминаемость категорий «верхи» и «низы», март 1995–2003 гг.

Это сближает данную классификацию с теоретической схемой «элита – массы». Верхи – надежная точка отсчета: они остаются «верхами» для представителей всех прочих уровней социальной иерархии. «Низы», «массы», «народ» – принципиально неопределенные понятия. Их можно назвать псевдостратификационными категориями, основной функцией которых является не название групп, а умолчание о них.

Трактовка понятий «капиталисты», «капиталистический класс» в социологических текстах восходит к общеизвестным марксистским определениям (владельцы средств производства) с тем дополнением, что данная категория рассматривается как одна из элитных групп. Так, мелких частных предпринимателей, мелких собственников, владельцев нескольких акций в нее не включают. Посмотрим, кого подразумевают авторы газетных статей под «капиталистами» в начале и конце периода.

Текстов за 1995 г. немного (36). Основные смыслы понятия можно охарактеризовать так: «предприниматель»; «иностранец»; «владелец предприятия, фирмы, работодатель». Наибольшей близостью к стратификационной категории термин обладает в третьем значении; в этом случае указываются антагонистичные группы – это «рабочие», «народ», «бедные» (следуя традиции противопоставления «труда» и «капитала»).

В 2003 г. из 130 отобранных документов термин как структурная категория употреблен менее чем в 1% текстов: «капиталисты» выступают как синоним «богатых» и «очень богатых» и противопоставляются «бедным», «обществу в целом». В большинстве статей категория применяется для характеристики современного российского предпринимательства (70%). В 1995 г. устойчивой коннотации «капиталисты» – «крупный бизнес» не отмечено; а в 2003 г. только в двух статьях термин применен к представителям малого бизнеса; в семи случаях подразумеваются владельцы акций. В 8% текстов категория выступает как часть клишированного оборота («загнивающие», «проклятые»), употребленного в ироническом смысле. Сам термин нейтрален, но синонимичен негативно окрашенному понятию «олигархи»; позитивное значение встретилось только в 6 текстах (в отличие от 1995 г., когда подобное значение отмечено в четверти статей).

В целом отметим эволюцию от универсального понятия социально-профессиональной оси стратификации (те, кто работает не по найму и владеет капиталом) к локальному термину, входящему в синонимический ряд категории «крупный бизнес». Кроме того, к концу периода утрачено специфичное для середины 1990-х гг. значение «любой житель западной страны вне зависимости от рода занятий».

5.2.1. «Рабочий класс»

Данный термин является наиболее употребимым элементом категориального аппарата советского периода (за исключением категории «интеллигенция», которую мы не рассматриваем как стратификационную). Это один из двух «классовых» терминов с достаточно серьезной частотностью. В отличие от «среднего класса», категории новой и неочевидно определяемой, у «рабочего класса» есть конвенционально закрепленный смысл – группа лиц, занятых физическим трудом, а также отчетливые смысловые коннотации. Посмотрим, находит ли он отражение в прессе. Всего рассматривалось 510 статей, из них 30% относятся к иным странам.

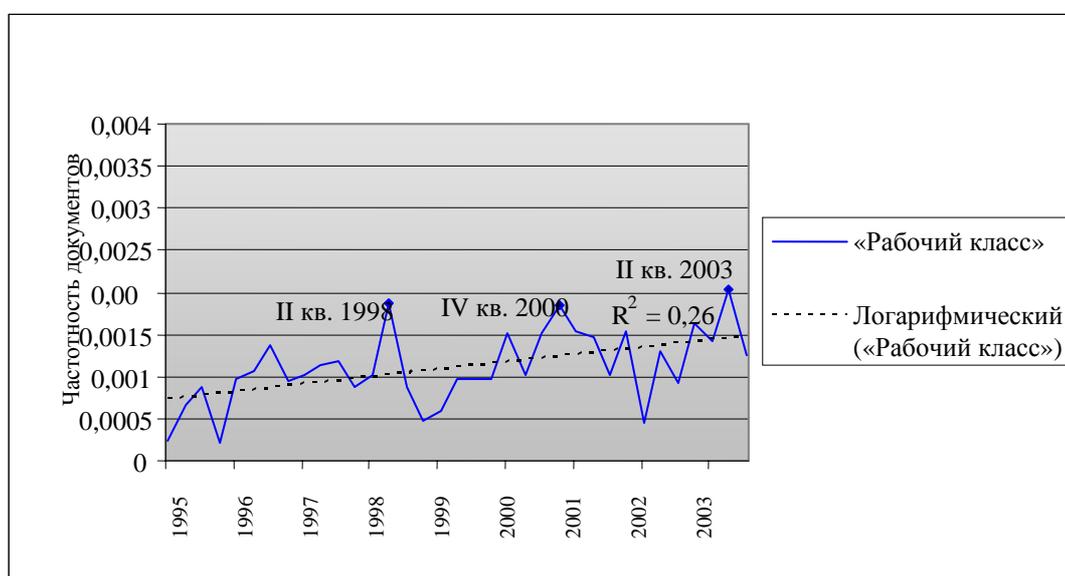
Локальные пики упоминаемости достигнуты во вторых кварталах 1998 и 2003 гг., а также во второй половине 2000 г., причем каждый раз за достижением максимального значения следует резкий спад интереса (рис. 5).

Можно предположить, что присутствовали некие внешние информационные поводы, в связи с которыми о «рабочем классе» начинали упоминать вдвое чаще, чем в среднем за период (частотность около 0,0020 при средней 0,0011). Однако связь роста частотности с фактическими событиями отмечена только для 1998 г., тогда как в 2000 и 2003 гг. преобладающим контекстом стало упоминание о советских реалиях. В целом по этим трем пиковым периодам можно отметить тенденцию к «дематериализации» категории и исчезновению присущего ей содержательного наполнения: в статьях 2000 и 2003 гг. текущие события затрагивают только тот «рабочий класс», который обозначает отдельные профессиональные категории.

Так, в апреле – июне 1998 г. (19 статей) муссируются шахтерские забастовки, демонстрации, «рельсовая война». Упоминаются «рабочие переделы» на не крупных промышленных предприятиях. Стилистика разнообразная, есть как одобрение, так и критика «восстаний». Во всех случаях выражение «рабочий класс» использовано как эпитет; эксплуатируется коннотативное значение его революционности, способности к коллективной мобилизации и активным действиям в защиту своих интересов против работодателей.

В III–IV кв. 2000 г. (46 статей) преобладают документы, в которых говорится о советском обществе, и категория «рабочий класс» упоминается мельком, как пример идеологического клише (15 текстов, наиболее многочисленный вариант словоупотребления). Далее следует тема проблем отрасли и отдельных производств – угольная отрасль, железнодорожники – всего 12 документов. Из них о протестном поведении рабочего класса говорится только в двух текстах, причем подчеркивается его пассивная роль в этих столкновениях. По-прежнему редко категория упоминается в политическом контексте: в связи с сообщением о деятельности коммунистических и социалистических партий и движений она названа в 6 статьях.

Рис. 5. Упомянутость категории «рабочий класс», март 1995–2003 гг.

В апреле – июне 2003 г. (29 статей) снова наиболее часты отсылки к советскому периоду – 9 текстов, столько же раз термин применяется как обобщенное наименование для рядовых рабочих отдельных предприятий. В связи с политическими программами и партиями категория названа всего дважды, и дважды указано на бедственное материальное положение ее представителей.

Единственный контекст, в котором рабочий класс вводится в текст в качестве стратификационной категории, – это упоминание вместе с одним или двумя прочими элементами советско-марксистской формулы «рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция». Количество подобных связок невелико: полный набор категорий отмечен только в семи текстах за 1995–2003 гг., а различные сочетания представлены не более чем в 30 текстах.

В основном термин использован как способ обозначения массовых низовых слоев или обозначение рабочих конкретных предприятий. В немногих текстах, где термин употреблен в политическом контексте, основными темами являются выступления членов КПРФ и близких к ней партий; для начала периода – сообщения о состоянии крупных профсоюзных организаций и проводимых забастовках. В некоторых текстах «рабочий класс» подается в качестве основания самоидентификации – не автор текста причисляет конкретных людей к данной категории, а сам пишущий или говорящий относит себя к ней. Выражения типа «мы, рабочий класс» или «я из рабочего класса» встречаются на протяжении всего периода 1995–2003 гг.

Часты указания на позицию данной категории во властных отношениях. Скорее всего, это также следствие типовых марксистских коннотаций (борьбы пролетариата и буржуазии, например). Для сравнения: о силе или слабости среднего класса во взаимодействии с другими группами газетах не пишут. Элемент реляционности, неизменно присущий данной категории в ее исходном отечественно-марксистском представлении, продолжает воспроизводиться и в наше время. Далее, категория применяется для указания на активного агента отношений. «Рабочий класс» действует (или бездействует, указание на бездействие также предполагает, что его представители сплочены и активны в защите своих интересов) и не артикулируется в качестве объекта государственной политики. Как следует из рассмотренных текстов, в публичной политике термин не является легитимным (в отличие от того же «среднего класса»: назвать рабочих предприятия «рабочим классом» в официальном выступлении маловероятно для политического деятеля, равно как и упомянуть о категории как элементе российского общества).

В целом смысловое поле категории можно обозначить как проблемы трудовых отношений (только в одном тексте представители «рабочего класса» противопоставлены не нанимателям, а «образованным слоям»). Сфера ее употребления ограничивается вопросами трудовых конфликтов и нелегких условий труда. Чаще всего речь идет о совокупности лиц, занятых на конкретном предприятии, которые противопоставляются его управляющим или владельцам. А для единственной высокочастотной категории, «среднего класса», тема условий труда и отношений с нанимателями не артикулируется совсем (1–2 мимолетных упоминания за весь период). Так что шансы на «пересечение» этих категорий в публичном дискурсе крайне невелики, что подтверждается незначительностью числа их совместных упоминаний в массовой прессе.

Категория используется преимущественно в локальных контекстах и воспринимается не как название реальной группы, а как фиксированное выражение, пришедшее из советского периода. Если значимые участники символической борьбы и в дальнейшем не начнут использовать ее в публичных выступлениях, то следует ожидать сокращения ее упоминаемости по мере вымывания коннотативных значений.

5.3. Высокочастотные категории

Группа высокочастотных категорий состоит преимущественно из «доходных» терминов: «богатые», «бедные», «малоимущие». Происхождение их различно: «богатые» и «бедные» принадлежат к словарю обыденной речи, тогда как «малоимущие» являются элементом официальной классификации (юридическое определение этого понятия закреплено, например, в Законе РФ «О прожиточном минимуме»). Их смыслы не рассматривались, поскольку гораздо важнее сам факт максимальной частотности категорий именно этой группы. Он подтверждает наше предположение о доминировании материально-имущественной оси стратификации в публичной сфере. Применительно к социологическим текстам был также отмечен определенный скос в сторону доходных критериев при построении классификационных схем. В этом отношении социологический и медийный дискурсы весьма близки.

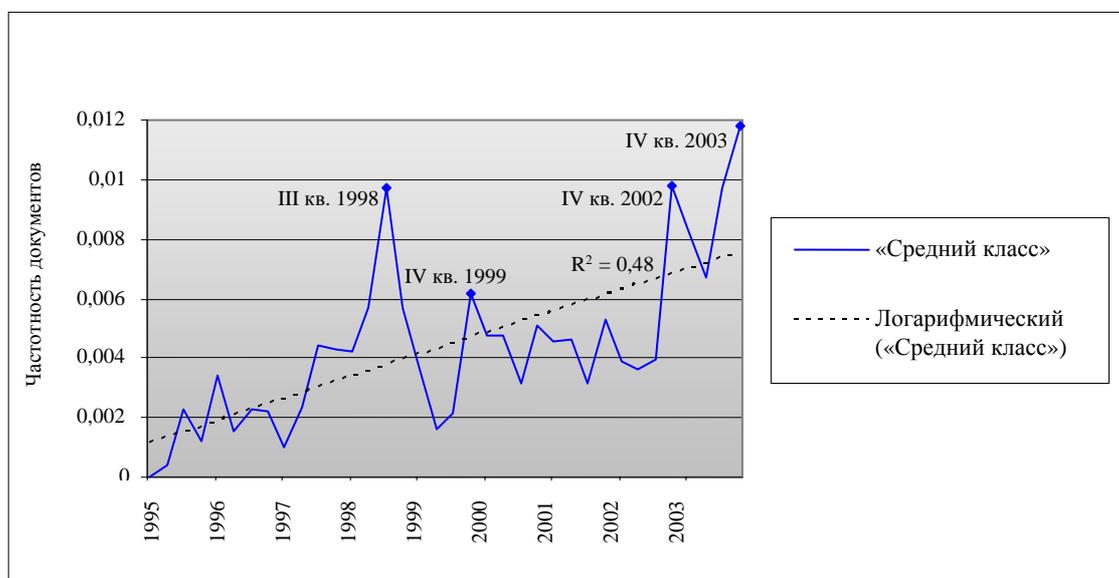
Единственный «классовый» термин в группе высокочастотных категорий – «средний класс». Как выяснилось, это не случайно: в большинстве случаев он помещается между теми же «богатыми» и «бедными». «Семьи среднего достатка», «люди со средними доходами» – такой смысл вкладывается в большинство упоминаний среднего класса в массовой прессе.

5.3.1. «Средний класс»

Уже в 1995 г. категория появляется в текстах в качестве известной и достаточно привычной. Тем не менее, мы можем проследить, как данный термин употреблялся в текстах массовой прессы в 1995–2003 гг.: как изменялось и изменялось ли вообще представление его наличия или отсутствия, состава и критериев отнесения к нему, свойств и функций в обществе, политической и экономической сферах (рис. 6).

Локальные пики упоминаемости связаны с финансовым кризисом 1998 г. (сам период кризиса и IV кв. 1999, 2002 и 2003 гг., когда обсуждалось, как он повлиял на средний класс), а также с темой государственной поддержки среднего класса как группы предпринимателей. Почти не упоминаются (не более 1–2 текстов в год) градационные вариации данной категории – такие, как «высший средний класс» и «низший средний класс». Это можно понимать как дополнительное указание на незначительность вклада социологов в публичный дискурс о среднем классе.

Рис. 6. Упомянутость категории «средний класс», март 1995–2003 гг.

Поскольку уже к началу периода категория среднего класса является достаточно употребляемой, ее дальнейшее воспроизводство в текстах может рассматриваться как пример символической борьбы за ее конкретизацию. Впрочем, слово «борьба» в данном случае не совсем уместно, поскольку предполагает «борцов» – лица или структуры, соперничающие с другими за признание своей трактовки наиболее верной. Фактически ситуация иная: хотя весьма отчетливые варианты таких трактовок действительно существуют, их авторство не всегда очевидно, и они практически не сталкиваются между собой (это проявляется, в частности, в том, что невелико число текстов, где оспаривается тот или иной способ выделения средних классов).

Наконец, интересна роль, которую журналисты отводят мнениям специалистов-обществоведов – то, как подается в прессе мнение «социологов» и «политологов» о среднем классе. Контент СМК можно разделить на два типа: те сведения, которые принимаются «как должное» и те, о которых ведутся споры [Samson et al. 1992: 375]. Из всех рассмотренных категорий статьи второго типа встретились только применительно к теме среднего класса. В проанализированных текстах изредка встречаются ссылки на различные исследователь-

ские организации и проведенные ими эмпирические обследования «среднего класса»¹⁹. В целом количество ссылок на социологические и называемые таковыми организации или на мнения конкретных представителей общественных наук невелико (3% публикаций с упоминанием категории).

Степень конвенциональности категории может быть оценена по тому, употребляются ли кавычки, вводные фразы типа «так называемый» или «те, кого называют», считает ли автор необходимым пояснить, что именно он подразумевает под данной категорией. Употребление термина без кавычек, вводных фраз и пояснений означает, что автор текста не рассматривал категорию как нечто непривычное для себя и адресантов. От 1995 к 2000 г. наблюдаем исчезновение свидетельств «новизны» категории; в 2000-е гг. термин вводится как самоочевидный. Имея в виду, что большинство статей содержит не более одного вхождения термина, можно утверждать, что он закрепился в качестве конвенционального в текстах массовой прессы.

Кто это – средний класс?

Мы различали свойства среднего класса и критерии его выделения с определенной долей условности. К критериям отнесены типовые социально-демографические переменные (уровень доходов; профессиональная или отраслевая принадлежность; уровень образования; характер труда); к свойствам – характеристики типа степени адаптированности к новым условиям, политических пристрастий, настроений.

Заметная частотность отмечена только у оснований «доход» и «занятие». В среднем за год указания на уровень образования и специфику трудовой деятельности встречаются не более чем в двух статьях. Это высшее образование и нефизический труд; ссылки на нерутинный характер трудовых операций практически отсутствуют – всего два текста за весь рассмотренный временной промежуток. Точная величина денежного дохода, необходимая для попадания в средний класс, упоминается редко. Чаще обнаруживались лингвистические конструкции, в которых «средний класс» размещался в промежутке между иными стратификационными категориями, которые можно отнести к выделяемым по материально-имущественному критерию: «богатые», «малообеспеченные», «среднеобеспеченные», «обеспеченные», «зажиточные», «малоимущие», «нищие».

Можно утверждать, что в 1995–2003 гг. преобладает понимание «среднего класса» как доходной группы. «Средний класс» подается как те, кто не является ни «бедными», ни «богатыми». Только в незначительном количестве статей его представители приравниваются к «богатым» либо к «новым русским» (7 текстов за весь период). Выделяются два направления: во-первых, к среднему доходному классу относят людей с модальным уровнем дохода; во-вторых, под средним классом понимаются люди, более обеспеченные, чем массовые слои населения. Очевидно, что каждой трактовке соответствует свое видение размеров среднего класса, его функций в экономической и политической системах.

В случае, когда для отнесения к среднему классу необходимым считается средний по совокупности доход, категория становится массовой, включающей в себя значительную, если не большую часть населения: формулировки типа «небольшой, но гарантированный достаток» [1996.19], «средний достаток» [2000.33; 2001.46]. Данное представление соотносимо с трехклассовой моделью общества (с той поправкой, что «классы» обозначают статистические доходные страты): высший, средний и нижний классы. Оно пересекается с

¹⁹ Наибольшей популярностью пользуется такая непрофильная организация, как Всероссийский центр изучения уровня жизни РАМН, – количество ссылок на нее больше, чем на ВЦИОМ, РНИСиНП, ИСЭПН и др.

вариантом «профессионального» среднего класса, в качестве элементов которого указываются массовые профессии, требующие высшего или среднего специального образования («учителя, преподаватели, инженеры, врачи, военные, квалифицированные рабочие»). Контексты, в которых появляется такое понимание среднего класса, достаточно специфичны: это либо «электоральные» тексты, где группа называется базой политической партии, либо «маркетинговые» тексты, где основным упоминаемым признаком становится некая «промежуточная» имущественная обеспеченность (в типичном случае название «средний класс» адресуется совокупности людей, не совпадающей ни с владельцами вилл на мировых курортах, ни с обладателями «шести соток»).

Такая трактовка опирается на фактическое существование лиц, для описания которых использована категория, а не на гипотетические свойства «среднего класса» как идеологически нагруженного термина. В таких текстах не встречаются указания на роль «среднего класса» в обществе, а также на необходимость его формирования и поддержки. В этом случае термин используется как эвфемизм для менее «престижных» названий типа «массы», «большинство» и приобретает свойственную этим понятиям неопределенность, проясняемую от противного.

Второй путь предполагает разведение понятий «среднего класса» и менее обеспеченных массовых слоев и соотносится с четырехклассовой моделью (она включает размещаемый между средним и нижним классами промежуточный класс). Уровень доходов превышает модальный: его описывают выражения типа «высокооплачиваемые», «зажиточные» [2000.48], «состоятельные» [1996.23]. Соответственно изменяется и размер группы: она перестает быть массовой. В отличие от предыдущего варианта, эта категория не противоречит маркетинговому среднему классу – активному потребителю всевозможных платных услуг и недешевых товаров. В текстах, где подразумевается наличие у представителей среднего класса дохода выше среднего (но не переходящего в «богатство»), говорится также и о прочих характеристиках группы: обеспечение политической стабильности, самостоятельность и независимость, особая «позитивная ментальность». Если приводятся примеры профессий «обеспеченного» среднего класса, то это профессии, относящиеся к новым секторам экономики: «банковские и финансовые клерки, профессиональные игроки на бирже» [1999.38], «менеджеры, адвокаты, врачи с частной практикой, частные собственники» [2001.14], «менеджеры среднего звена» [2003.30].

Данный вид «среднего класса» близок к идеологическому среднему классу – по неизменно позитивной окрашенности термина, преобладающему упоминанию в маркетинговом контексте и в качестве цели экономической политики.

«Профессиональный» средний класс также распадается на два подвида: состоящий из собственно профессионалов (специалистов с высшим образованием) и из малых и средних предпринимателей. Второй заметно многочисленнее (соответственно 13 и 5% текстов). «Средний класс» как синоним малых и средних предпринимателей можно назвать вторым стереотипным пониманием данной категории. В отличие от доходного среднего класса, эта группа более однородна и конкретна – но ее конкретность носит весьма абстрактный характер.

Критики и эксперты

Среди рассмотренных текстов непосредственно среднему классу посвящена очень небольшая часть; условно назовем такие тексты полемическими. В них производится разбор существующих способов определения границ средних классов и некоторые из этих способов подвергаются критике. Среди авторов находим как авторитетных специалистов (если судить об авторитетности по тому, указана ли институциональная принадлежность человека), так и «простых граждан», мнения которых подаются в

качестве писем в редакцию. Частотность подобных статей составляет чуть менее 3% всех текстов с упоминанием среднего класса за период.

Лейтмотивом полемических публикаций являются призывы отказаться от использования уровня доходов как основного критерия численности среднего класса и обратить внимание на критерии, связанные, во-первых, с характером труда и следующим из него позитивным вкладом в экономическое развитие; во-вторых, с особенными личностными качествами.

В числе первых – обладание знаниями, способными приносить пользу обществу, занятость в секторе реального производства либо в «полезной» же части сферы услуг (в противовес представителям непроизводительных или социально опасных профессий и занятий). Среди личных качеств и установок названы мировоззрение, включающее самостоятельность, предпочтение свободы, оптимизм; ментальность, ориентированная на стабильность и отсутствие резких перемен; отношение к труду как к способу самостоятельно заработать на достойную жизнь.

Отдельную тему составляют суждения экспертов: интервью с ними или ссылки на их мнения либо публикации. Как правило, в «экспертных» текстах отсутствует критический элемент, т.е. выбранные критерии выделения группы представляются как общепринятые и потому самоочевидные.

Какие люди и организации появлялись на страницах газет в этом качестве? Дважды названы результаты расчетов, произведенных в НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Семашко РАМН; четырежды приводится ссылка на исследования социологов ВЦУЖ РАМН, упоминаются результаты опроса НИИ Фармации. Во всех случаях применялся простой доходный критерий.

Что касается более близких к общественным наукам организаций, то обнаружена одна ссылка на данные ВЦИОМ о численности и составе группы; еще дважды категория упоминается как элемент социально-демографического блока опросов, проведенных ВЦИОМ, в текстах, которые посвящены другим темам. Помимо ВЦИОМ, журналисты ссылались на выступления специалистов из Института прикладной политики (О. Крыштановская), НИСП (Т. Малева), Экспертного института (Л. Григорьев), Института проблем глобализации (М. Делягин), Института Европы (Н. Шмелев), ИСЭПН РАН (Н. Тихонова).

Таким образом, знание о фактическом положении среднего класса в стране не представляется как производимое социологами. В текстах, апеллирующих к социологам и прочим обществоведам, результаты их штудий привлекаются прежде всего как источники точных сведений о величине среднего класса. Это касается как экспертных статей, так и тех, где имеется указание на некоторые «подсчеты» или «мнения» безымянных социологов или политологов. Право называть сами критерии отнесения к группе определенно принадлежит другим агентам символической борьбы.

Политический контекст

Одним из основных контекстов, в которых в газетных статьях фигурирует термин «средний класс», является политический контекст. Сюда относятся тексты-прокламации, сообщающие о программных заявлениях политических деятелей о намерении сделать формирование, реже – поддержку среднего класса целью мероприятий государства или своей собственной политической организации. В 1995 г. становление и поддержка будущего среднего класса декларируется как одно из направлений проведения политики, однако и к 2003 г. тема создания среднего класса не исчезла со страниц газет и по-прежнему является делом ближайшего будущего. Далее следуют «электоральные» статьи, в которых средний класс

называется в качестве уже существующей или ожидаемой в недалеком будущем базы политика, партии или объединения²⁰.

С конца 2001 г. растет число текстов, где к среднему классу причисляются исключительно представители малого и среднего бизнеса, либо они же называются в качестве его основной части. По влиятельности эта идея начинает соотноситься с ведущим пониманием данной группы как слоя людей со средними доходами. Однако слияния двух концепций не происходит: в пределах одного документа присутствуют либо указания на малый и средний бизнес, либо на среднюю степень материальной обеспеченности.

Одним из образов мифа о среднем классе [Радаев 2003: 25] назван образ заинтересованного избирателя. Судя по проанализированным текстам, в массовой прессе данный образ практически не представлен. Напротив, встречаются указания на политическую пассивность среднего класса. Образ среднего класса как заинтересованного избирателя, как представляется, возник не стихийно, а в результате целенаправленного конструирования в аналитических еженедельниках. В массовых изданиях этот элемент стереотипа не воспроизводится.

Маркетинговый контекст

Сюда относятся статьи, указывающие на членов среднего класса как на потребителей какой-либо группы товаров или услуг, а также представляющие тот или иной вид потребительской активности как характерную черту среднего класса. В целом эта группа составляет пятую часть всех текстов с упоминанием «среднего класса» за рассмотренный период.

Какие товары и услуги упоминаются в качестве атрибутов среднего класса? Во второй половине 1990-х гг. это недорогие ювелирные украшения из драгоценных металлов, «фирменная» косметика; отдых на побережье Крыма; по разу упоминаются видеокамера, газонокосилка. В 2000-е гг. список заметно изменяется: продукты средних и высших ценовых категорий (алкогольные напитки, сыры), одежда западных марок; приобретение квартир, медицинские услуги в платных клиниках, туристические путевки в дальнее зарубежье, посещение супермаркетов и бутиков вместо обычных магазинов и открытых рынков.

Однако данное обстоятельство едва ли следует рассматривать как свидетельство роста благосостояния «реального» среднего класса, представителям которого предназначаются дорогие товары и услуги. Более правдоподобной представляется следующая схема: в 1990-е гг. в маркетинговых текстах под средним классом понимались широкие и не особенно обеспеченные слои населения, обозначение которых в таком качестве использовалось как удобный способ отделить их от более состоятельных потребителей. В 2000-е гг. в массовую прессу начинают проникать стереотипы, сформированные в изданиях, изначально ориентированных на иной тип потребителей. Именно на этот период приходится большая часть сообщений о той или иной затратной досуговой деятельности как части образа жизни среднего класса: помимо упоминавшихся, это посещение театров, мюзиклов, концертов классической музыки, спортивных клубов, занятия дорогими видами спорта, обращение к услугам частных адвокатов.

²⁰ Преобладающая политическая ориентация среднего класса, каким он предстает в газетных текстах, – либеральная; упоминания о нем как о базе чаще всего встречаются в статьях о партиях «СПС», «Яблоко». В послекризисный период есть ряд публикаций рекламно-информационного характера о формировании новой социально-демократической партии консолидированного среднего класса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы рассматривали три уровня, на которых представлено знание о социальной иерархии как системы стратификационных категорий. Первые два образуют социологические тексты двух видов – учебные пособия и публикации в социологических журналах. Третий уровень представлен текстами массовой прессы (русские газеты с максимальными тиражами).

В учебных текстах рассматривались теоретические классификации – характеристики социальной структуры в терминах универсальных «осей», образующих основания для формирования дискретных категорий. В научной периодике мы искали эмпирические классификации – методологические схемы, в соответствии с которыми построена социальная иерархия. Наконец, в газетных текстах изучались упоминаемость и смыслы отдельных категорий.

Что касается различия между именами групп и реальными группами, то здесь ситуация не блестящая. Нельзя сказать, что русские исследователи не уделяют внимания методологическим аспектам своих построений. Однако в социологической периодике, которая, как предполагается, отражает некоторый средний уровень конвенциональных исследовательских практик, методологическая рефлексия встречается нечасто. На сконструированность категорий указано лишь в одной общей схеме социальной иерархии, и в двух статьях отдельные категории анализируются как социологические понятия.

Оказалось, что единственный элемент, представленный на всех уровнях, – это «материально-имущественная обеспеченность». В теоретических классификациях ей соответствует «классовая система стратификации» (учебник В.В. Радаева и О.И. Шкаратана) и система стратификации вообще (учебник В.И. Добренькова и А.И. Кравченко). В эмпирических текстах уровень дохода – основной критерий для формирования категорий. Наконец, в газетных текстах упоминаемость категорий, «доходных» по смыслу, максимальна.

Это привело к тому, что первоначально выбранная типология эмпирических классификаций «не работает». Предполагалось, что категории могут строиться по однокритериальной шкале, совмещению позиций на двух и более шкалах и по разнородному набору критериев для каждого элемента иерархии. Однако оказалось, что задача построения иерархической структуры не особенно актуальна у русских исследователей. Роль однокритериальной шкалы обычно выполняет распределение по доходу; два и более критерия для построения ряда категорий практически не используются (только для отдельных терминов). Разнородные по смыслу категории, из которых составлены схемы иерархии, обычно не получают должного объяснения в текстах.

В медийном дискурсе ведущую роль в формировании групп категорий начинают играть их коннотативные значения. Именно они становятся основанием для возможного совмещения тех или иных категорий, включения их в единые смысловые поля. Поэтому для анализа газетных текстов использовался другой способ группировки категорий: «доходные», «марксистские» (категории марксистско-ленинской социологии), «научные» и «традиционные». На уровне массовой прессы наиболее логичным основанием для классификации становится упоминаемость отдельной категории. Здесь лидирует группа «доходных» категорий, затем следуют «марксистские» и «традиционные» категории. Наименее распространенными оказались термины «научной» группы. Однако в этой группе есть два важных исключения – категория «средний класс» отнесена к высоко-, а «рабочий класс» – к среднечастотным. Каковы смыслы четырех основных классовых терминов?

Значения категорий «высший класс» и «низший класс» остались непроясненными ввиду их редкости в текстах массовой прессы.

Смыслы, которыми наделяется термин «**рабочий класс**» в массовой прессе, не пересекаются с существующими в социологических текстах: в роли группы, состоящей из категорий государственной статистики, «рабочий класс» в газетных статьях не упоминается. Основной

контекст – тема отношений работников и нанимателей. В 1990-е гг. часто встречаются отсылки к «классическому» образу рабочего класса как революционной силы, тогда как в 2000-е гг. понятие постепенно лишается унаследованных из прошлого коннотативных значений и включается в тексты как название занятых на определенном предприятии.

Смыслы категории «средний класс» различаются в зависимости от контекста:

1) «*общий*» контекст: люди со средним уровнем дохода. Отчетливой динамики здесь обнаружить не удалось. На протяжении всего периода сосуществуют идея модального уровня доходов, не являющегося несомненно низким (и тогда в категорию включаются представители массовых профессий, требующих наличия высшего образования) и идея «бюджета высокого достатка», который превышает модальный доход людей с высшим и средним специальным образованием;

2) *политический* контекст: категория как цель государственной политики. В начале 2000-х гг. происходит переход от идеи среднедоходной группы к соотношению «среднего класса» с мелкими и средними предпринимателями;

3) *маркетинговый* контекст включает тексты о стандартах потребления представителей «среднего класса». В 1990-е гг. категория включала «средних» покупателей, противопоставляемых «богатым»: первые в состоянии позволить себе то, что вторые приобретают не раздумывая. В 2000-е гг. потребительская корзина изменяется в сторону более дорогих и эксклюзивных товаров и услуг, и категория фактически приравнивается к «богатым»;

4) отдельно рассматривались немногочисленные экспертные статьи; оказалось, что роль социологического знания в публичных дискуссиях о среднем классе незначительна.

В качестве важной особенности отмечена автономия контекстов и собственная динамика смыслов категории в каждом из них. В общем контексте средний класс артикулируется как группа, занимающая «золотую середину» между «богатыми» и «бедными». В политическом контексте категория превращается из «слоя обеспеченных людей» в «предпринимателей», уровень доходов которых не рассматривается как значимый параметр и не называется. «Маркетинговому» среднему классу свойственна лишь определенная покупательская способность. Комплексное представление категории встречается только в экспертных текстах. Можно предположить следующую закономерность: смыслы термина, сформировавшиеся в разных средах, сосуществуют в массовой прессе достаточно автономно, практически не сталкиваясь, но и не объединяясь. Тот факт, что некоторая пользующаяся авторитетом личность присоединяется к одной из трактовок, делает данную трактовку более употребительной, но не отменяет существование других.

В начале работы мы указывали на исследования классовой осведомленности как на основную причину интереса к теме артикуляции стратификационных категорий в массовой прессе. Приняв во внимание полученные результаты, предположим, что респондент в массовом опросе пользуется «образами» стратификационных категорий, близкими к выявленным нами по текстам газет. В вопросе на самоидентификацию предлагается перечень категорий. Возьмем стандартную формулировку в Мониторинге ВЦИОМ: «высший слой», «средний слой», «рабочие» и «низший слой». Как было установлено при анализе медийного дискурса, близкие к данным «классовые» термины имеют более чем малую *вероятность* попадания в одну смысловую связку. *Фактическая* связанность категорий также незначительна: их совместная упоминаемость ограничена единичными случаями. Поэтому можно предположить, что шансы на соответствие предлагаемой в опросе стратификационной схемы тому представлению о социальной иерархии, которое потенциально может сформироваться у обывателя, невелики.

Как представляется, проделанная работа показывает, что изучение отдельных социологических категорий как элементов символической среды общества может оказаться весьма перспективной областью исследований как в рамках культурологических изысканий, так и в плане сопоставления «обывательских» и «профессиональных» трактовок социологических терминов.

Литература

- Аврамова Е.М., Овчарова Л.Н.* Количественные характеристики российского среднего класса методом концентрации признаков // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 62–73.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Пер. с англ. М.: Медиум, 1995.
- Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть: Пер. с франц. // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 137–150. <http://ecsocman.edu.ru/thesis>
- Громова Р.А.* Положение в обществе и принадлежность к социальному слою: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 4. С. 30–34.
- Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология: В 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация. М.: ИНФРА-М, 2000.
- Качанов Ю.Л.* Социология и государство: к вопросу о легитимных практических схемах // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. 2002. <http://sociologos.narod.ru/textes/katchanov/Katchanov2.htm>
- Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003.
- Маркова Ю.В.* Социология и легитимация представлений о современном российском государстве // Социологические опыты. Сборник научных статей аспирантов Ин-та социологии РАН. М.: ИС РАН, 2001. http://sages.isras.ru/RUS/publ/TXT/socio_etat.htm
- Радаев В.В.* О социологическом и идеологическом понимании среднего класса (вместо введения) // Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003. С. 14–26.
- Радаев В.В.* Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1995.
- Саблина С.Г.* Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 430–459.
- Хажулина Л.А.* Субъективный средний класс // Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003. С. 145–190.
- Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения: Пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
- Шматко Н.А.* «Топосы» российской экономической реформы: от ортодоксального марксизма к радикальному либерализму // 2005. Публикация на сайте ИС РАН: <http://www.isras.ru/files/12908-NACHmatko.pdf>
- Bates F.L., Peacock W.G.* Conceptualizing Social Structure: The Misuse of Classification in Structural Modeling // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. No. 4. P. 565–577.
- Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. L.: Routledge & Kegan Paul, 1984.
- Bourdieu P., Wacquant L.J.D., Farage S.* Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field // Sociological Theory. 1994. Vol. 12. No. 1. P. 1–18.
- Brown R.H.* Rhetoric, Textuality, and the Postmodern Turn in Sociological Theory // Sociological Theory. 1990a. Vol. 8. No. 2. P. 188–197.
- Brown R.H.* Social Science and the Poetics of Public Truth // Sociological Forum. 1990b. Vol. 5. No. 1. P. 55–74.

- Carley K., Palmquist M.* Extracting, Representing, and Analyzing Mental Models // *Social Forces*. 1992. Vol. 70. No. 3. P. 601–636.
- Cerulo K.A.* Sociopolitical Control and the Structure of National Symbols: An Empirical Analysis of National Anthems // *Social Forces*. 1989. Vol. 68. No. 1. P. 76–99.
- Chalaby J.K.* Beyond the Prison-House of Language: Discourse as a Sociological Concept // *British Journal of Sociology*. 1996. Vol. 47. No. 4. P. 684–698.
- Coleman R.P., Rainwater L.* *Social Standing in America*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979.
- Dimaggio P.* Culture and Cognition // *Annual Review of Sociology*. 1997. Vol. 23. P. 263–287.
- Drudy S.* The Classification of Social Class in Sociological Research // *British Journal of Sociology*. 1991. Vol. 42. No. 1. P. 21–41.
- Durkheim E.* *The Elementary Forms of Religious Life*. N.Y.: Free Press, 1995.
- Durkheim E., Mauss M.* *On Some Primitive Forms of Classification: Contribution to the Study of Collective Representations*. Chicago: The University of Chicago Press, 1963.
- Erikson R., Goldthorpe J.H.* *The Constant Flux*. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Fine G.A.* The Sad Demise, Mysterious Disappearance, and Glorious Triumph of Symbolic Interactionism // *Annual Review of Sociology*. 1993. Vol. 19. P. 61–87.
- Gamson W.A. et al.* Media Images and the Social Construction of Reality // *Annual Review of Sociology*. 1992. Vol. 18. P. 373–393.
- Gamson W.A., Stuart D.* Media Discourse as a Symbolic Contest: The Bomb in Political Cartoons // *Sociological Forum*. 1995. Vol. 3. No. 1. P. 55–86.
- Gans H.J.* The Famine in American Mass-Communications Research: Comments on Hirsh, Tuchman, and Gecas // *American Journal of Sociology*. 1972. Vol. 77. No. 4. P. 697–705.
- Gitlin T.* Media Sociology: The Dominant Paradigm // *Theory and Society*. 1978. Vol. 6. No. 2. P. 205–253.
- Grusky D.B., Sorensen J.B.* Can Class Analysis Be Salvaged? // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 103. No. 5. P. 1187–1234.
- Hall J.R.* *Cultures of Inquiry: From Epistemology to Discourse in Sociological Research*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Hall J.R.* Where History and Sociology Meet: Forms of Discourse and Sociohistorical Inquiry // *Sociological Theory*. 1992. Vol. 10. No. 2. P. 164–193.
- Haug M.R.* Measurement in Social Stratification // *Annual Review of Sociology*. 1977. Vol. 3. P. 51–77.
- Hodge R.W., Treiman D.J.* Class Identification in the United States // *American Journal of Sociology*. 1968. Vol. 73. No. 5. P. 535–547.
- Jackman M.R., Jackman R.W.* *Class Awareness in the United States*. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Janowitz M.* Harold D. Lasswell's Contribution to Content Analysis // *Public Opinion Quarterly*. 1969. Vol. 32. No. 4. P. 646–653.
- Katz E.* Communications Research since Lazarsfeld // *Public Opinion Quarterly*. 1987. Vol. 51. Part 2. Supplement: 50th anniversary issue. P. 25–45.
- Kluegel J.R., Smith E.T.* Beliefs about Stratification // *Annual Review of Sociology*. 1981. Vol. 7. P. 29–56.

- Kluegel J.R., Singleton R. Jr., Starnes C.E.* Subjective Class Identification: A Multiple Indicator Approach // *American Sociological Review*. 1977. Vol. 42. No. 4. P. 599–611.
- Lane C.* *The Rites of Rulers: Rituals in Industrial Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 1.
- Lenski G.E.* American Social Classes: Statistical Strata or Social Groups // *American Journal of Sociology*. 1952. Vol. 56. No. 2. P. 139–144.
- Lipset S.M., Bendix R., Zetterberg H.H.* *Social Mobility in Industrial Society* // *Social Stratification: Class, Race and Gender in Sociological Perspective* / Ed. by D. Grusky. Boulder: Westview Press, 2000. P. 309–318.
- Marwick A.* *Class: Image and Reality*. L.: Macmillan, 1990.
- Murphy R.J., Morris R.T.* Occupational Situs, Subjective Class Identification, and Political Affiliation // *American Sociological Review*. 1961. Vol. 26. No. 3. P. 383–392.
- Platt J.* *A History of Sociological Research Methods in America, 1920–1960*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Prandy K.* Alienation and Interests in the Analysis of Social Cognitions // *British Journal of Sociology*. 1979. Vol. 30. No. 4. P. 442–474.
- Purvis T., Hunt A.* Discourse, Ideology, Discourse, Ideology, Discourse, Ideology... // *British Journal of Sociology*. 1993. Vol. 44. No. 3. P. 473–499.
- Richardson L.* Postmodern Social Theory: Representational Practices // *Sociological Theory*. 1991. Vol. 9. No. 2. P. 173–179.
- Savage M.* Class Analysis and Social Research // *Social Change and the Middle Classes* / Ed. by T. Butler, M. Savage. L.: UCL Press, 1995. P. 15–27.
- Savage M. et al.* *Property, Bureaucracy and Culture: Middle-Class Formation in Contemporary Britain*. L.: Routledge, 1995.
- Sayer A.* *Method in Social Science: A Realist Approach*. L.: Hutchinson, 1984.
- Schneider J.W.* Social Problems Theory: The Constructionist View // *Annual Review of Sociology*. 1985. Vol. 11. P. 209–229.
- Schreiber E.M., Nygreen G.T.* Subjective Social Class in America: 1945–1968 // *Social Forces*. 1970. Vol. 48. No. 3. P. 348–356.
- Sorensen A.B.* The Basic Concepts of Stratification Research: Class, Status and Power // *Social Stratification: Class, Race and Gender in Sociological Perspective* / Ed. by D. Grusky. Boulder: Westview Press, 2000. P. 287–300.
- Tucker Ch.W.* A Comparative Analysis of Subjective Social Class: 1945–1963 // *Social Forces*. 1968. Vol. 46. No. 4. P. 508–514.
- Vanneman R.D.* U.S. and British Perceptions of Class // *American Journal of Sociology*. 1980. Vol. 85. No. 4. P. 769–790.
- Wegener B.* The Illusion of Distributive Justice // *European Sociological Review*. 1987. Vol. 3. No. 1. P. 1–13.
- Zerubavel E.* Limping and Splitting: Notes on Social Classification // *Sociological Forum*. 1996. Vol. 11. No. 3. P. 421–433.

Приложение 1. Перечень социологических текстов

Учебные тексты

1. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1995.
2. Добренъков В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация. М.: ИНФРА-М, 2000.

Статьи в научных журналах

Коды изданий:

- 1 – «Социологический журнал»
- 2 – «Социологические исследования»
- 3 – «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»

№	Авторы	Название	Журнал	Год	Номер
1	Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.	Становление гражданского общества и социальная стратификация	2	1995	6
2	Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В., Саровский Э.Г.	Социальная стратификация городского населения	2	1995	5
3	Наумова Т.В.	Интеллигенция и пути развития российского общества	2	1995	3
4	Рывкина Р.В.	Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ	2	1995	11
5	Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А.	Формирование правящей элиты в России	3	1995	6
6	Заславская Т.И.	Социально-экономическая структура российского общества	3	1995	6
7	Зоркая Н.А.	Так богаты ли наши богатые?	3	1995	6
8	Зубова Л.Г.	Социальное расслоение в России	3	1995	3
9	Антипин П.В.	Четыре типа адаптации к рынку труда и перспективы социального расслоения в России	1	1996	¾
10	Кутелия Б.Н.	Структурные изменения в уровне жизни россиян	1	1996	¾
11	Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А.	Элита России: о настоящем и будущем страны	2	1996	4
12	Головачев Б.В., Косова Л.Б.	Высокостатусные группы: штрихи к социальному портрету	2	1996	1
13	Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А.	Формирование правящей элиты в России	3	1996	1
14	Заславская Т.И.	Структура современного российского общества	3	1996	1
15	Зубова Л.Г.	Социальное расслоение: положение «полярных» групп населения	3	1996	1
16	Красильникова М.Д.	Богатые: 1% населения	3	1996	3
17	Хахулина Л.А., Тучек М.	Имущественное расслоение в переходный период	3	1996	3
18	Черныш М.Ф.	Социальная мобильность и политические ориентации	1	1997	1
19	Ахтямова Г.Р.	Социальная дифференциация общества и интересов	2	1997	8
20	Маликова Н.Н.	Динамика перемен	2	1997	10

№	Авторы	Название	Журнал	Год	Номер
21	Громова Р.Г.	Положение в обществе и принадлежность к социальному слою: факторы самоидентификации	3	1997	4
22	Хахулина Л.А., Стивенсон С.А.	Неравенство и справедливость	3	1997	2
23	Громова Р.Г.	Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы	1	1998	¾
24	Галкин А.А.	Тенденции изменения социальной структуры	2	1998	10
25	Голенкова З.Т.	Динамика социоструктурной трансформации в России	2	1998	10
26	Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.	Средние слои в современной России (опыт анализа проблемы)	2	1998	7
27	Гордон Л., Терехин А., Будилова Е.	Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения	3	1998	1
28	Громова Р.Г.	Сравнительный анализ типичных форм социальной мобильности в российском обществе до и после 1985 г.	3	1998	1
29	Левада Ю.А.	Возвращаясь к проблеме социальной элиты	3	1998	1
30	Балабанова Е.С.	Андеккласс: понятие и место в обществе	2	1999	9
31	Беляева Л.А.	В поисках среднего класса	2	1999	7
32	Голенкова З. Т., Игитханян Е.Д.	Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества	2	1999	9
33	Хахулина Л.А.	Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации	3	1999	2
34	Хахулина Л.А.	Социальное неравенство	3	1999	4
35	Саблина С. Г.	Кристаллизация статуса средних слоев в современной России	1	2000	½
36	Бызов Л.Г.	Уровень потребления и имущественные характеристики среднего класса	2	2000	3
37	Горшков М.К.	Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России	2	2000	3
38	Обыдённова Т.Б.	Средний класс и его работа	2	2000	3
39	Петухов В.В.	Политические ценности и поведение среднего класса	2	2000	3
40	Радаев В.В.	Работающие бедные: велик ли запас прочности	2	2000	8
41	Тихонова Н.Е.	Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности	2	2000	3
42	Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.	Экономическая стратификация населения России в 90-е годы: динамический аспект	2	2001	6
43	Гришаев С.В.	Динамика социальной структуры Красноярского региона	2	2001	?
44	Здравомыслов Г.А.	Российский средний класс – проблема границ и численности	2	2001	5
45	Левичева В.Ф.	Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности	2	2001	2
46	Магарил С.А.	Гражданская ответственность интеллигенции	2	2001	2
47	Арутюнян Ю.В.	О социальной структуре общества в постсоветской России	2	2002	9

№	Авторы	Название	Журнал	Год	Номер
48	Трушков В.В.	Современный рабочий класс России в зеркале официальной статистики	2	2002	2
49	Степанова О.К.	Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени	2	2003	1
50	Балабанов А.С., Балабанова Е.С.	Социальное неравенство: факторы углубления депривации	2	2003	7
51	Беленький В.Х.	Рабочий класс как объект социологического анализа	2	2003	1
52	Максимов Б.И.	Рабочий класс, социология и статистика	2	2003	1

Приложение 2. Встречаемость стратификационных категорий в прессе (1995–2003 гг.)

Категория	Упомянутость*	Количество документов, шт.
«Бедные»	0,00567	2375
«Богатые»	0,00438	1759
«Средний класс»	0,00418	1567
«Малоимущие»	0,00415	1520
«Интеллигенция»	0,00341	1439
«Верхи»	0,00293	1247
«Капиталисты»	0,00243	1091
«Малообеспеченные»	0,00133	613
«Рабочий класс»	0,00113	510
«Элита»	0,00112	491
«Низы»	0,00099	427
«Правящая элита»	0,00063	269
«Правящий класс» и «господствующий класс»	0,00038	132
«Класс собственников»	0,00011	50
«Высший класс»	менее 0,0001	21
«Класс богатых»		11
«Низший класс»		8
«Класс капиталистов»		6
«Класс наемных работников»		2
«Класс бедных»		1

* Упомянутость – доля документов с упоминанием искомого термина в общем количестве документов за расчетный период. Расчет производился по месяцам, затем полученные значения суммировались поквартально. Поскольку общее количество документов изменялось, вес одинаковых количеств документов в разных месяцах также мог оказаться различным.

Приложение 3. Упомянутость видов категорий, 1995–2003 гг.

Вид категорий	Упомянутость
«Доходные»	0,0039
«Марксистские»	0,0023
«Традиционные»	0,0020
«Научные»	0,0016

Профессиональные обзоры

ПРАВОСЛАВИЕ И ХОЗЯЙСТВО

Обзор русскоязычных исследований, диссертационных работ, конференций, полемики по основным социально-экономическим доктринам РПЦ за период XIX – начало XXI вв.

Забаяев Иван Владимирович

аспирант Государственного университета – Высшей школы экономики

Email: zabaeviv@mtu-net.ru

Введение

В настоящем обзоре мы кратко опишем основные русскоязычные исследования, диссертационные работы, конференции, полемику по основным социально-экономическим доктринам Русской православной церкви (РПЦ) за период XIX – начало XXI вв. Мы не будем касаться проблематики, связанной (1) со старообрядчеством¹, (2) с сектами внутри русского православия² и (3) с многочисленными православными церквями и расколами, появившимися после 1917 г.³

Под хозяйством, вслед за антропологом Карлом Поланьи, мы будем понимать «институционально оформленный процесс взаимодействия между человеком и окружающей средой, ведущий к постоянному обеспечению материальных средств для удовлетворения потребностей. Удовлетворение потребностей “материально”, если оно предполагает использование материальных средств для достижения целей» [Поланьи 2002: 66]. Поэтому в фокус нашего обзора попадут такие феномены, как феодальная вотчина и вотчинное хозяйство монастырей, церковные финансы, милостыня и благотворительность, православная этика хозяйства и социально-экономические доктрины православной церкви, секуляризация монастырских земель и борьба крестьян с монастырями и др.

Число отечественных исследований (в том числе и социологических) непосредственно о связях православия и хозяйства не очень велико. Тому есть следующие причины. Заметный (как количественный, так и качественный) рост научных (в том числе и социально-гуманитарных) исследований в России начинается приблизительно во второй половине XIX в. Однако исследования различных вопросов, касающихся православия и церкви, подпадали под действие достаточно жесткой цензуры (причем цензура по вопросам вероисповеданий в России просуществовала дольше всех других). Особенно красноречивое описание действий духовных цензоров можно найти у Д. Ростиславова, чья монография о белом и черном духовенстве в России выходит за границу [Ростиславов 1866].

¹ Хозяйственная деятельность и этика старообрядчества составляют отдельную большую тему, по которой существует достаточно литературы. Подробнее см., например, недавно защищенную диссертацию Т.А. Хохловой «Старообрядчество и развитие рыночного уклада в России» [Хохлова 1997]. Классическая работа – [Рыдзюнский 1950].

² Хозяйственная этика и деятельность сектантства внутри православия также изучены достаточно неплохо. Для ознакомления можно порекомендовать фрагмент работы немецкого исследователя А. Бусса [Buss 1991], из отечественных – работы Т. Коваль. [Коваль 1994б].

³ Подробнее см.: [Поспеловский 1995; Митрохин 2004].

Большую часть XX в. в СССР православная церковь, с одной стороны, и общественные науки, с другой, существовали под сильным контролем, идеологическим и не только, поэтому открыто писать о настоящем православия в СССР было сложно. В связи с этим основной корпус достойных исследований приходится на *историческую науку*⁴. По крайней мере, фактография и источниковедение здесь представлены на уровне гораздо более высоком, нежели интерпретативные схемы. Особенно в этой связи не повезло хозяйственной и социальной этике православия. В начале XX в. тема была заявлена С.Н. Булгаковым, однако в СССР по понятным причинам практически все исследования в этом направлении приостановились⁵.

Можно выделить *несколько тем*, на которые в описываемый период было обращено внимание исследователей:

- источниковедение по проблеме [см. например: Каштанов 1966; Черепнин 1946, 1951], в том числе отдельно жития [Будовниц 1966] и «Домострой» как исторический источник [Хорихин 2002];
- хозяйственная этика православия [Зейпель 1913; Коваль 1994], социально-хозяйственные доктрины [Камордин 2003];
- секуляризация (два направления: секуляризация монастырских и церковных имуществ и земель [Комисаренко 1990] и постепенное преобладание светского мышления над сакральным в ходе истории России [Синелина 2004]);
- описание отдельных хозяйствующих субъектов и духовных корпораций (в основном монастырей) [Савич 1927; Гарфункель б.г.];
- описание хозяйства феодальной вотчины (на примере малых, средних и крупных монастырей) [Ивина 1972; Шамина 2003];
- церковные финансы [Маньков, Каштанов 1988];
- взаимоотношения церкви, монастырей и т.д. с мирянами, в том числе в хозяйственном отношении [Шорохов 1983; Вдовина 1988];
- вклады в монастыри и социальный состав вкладчиков [Савич 1929; Николаева 1997];
- религиозность различных сословий и/или других социальных единиц [Полищук 2000].

С другой стороны, уместна следующая историческая периодизация экономической истории православной церкви в России – «по преобладавшему способу получения доходов и основному типу имущественных отношений со светской властью»⁶. Соответственно *исследования периодизируются* следующим образом.

1. Период формирования (988–1238 гг.) – централизованная десятина [Щапов 1989; Милютин 1862].
2. Период колонизации (1239–1503 гг.) – натуральная рента, льготы [Будовниц 1966; Коваль 1994].

⁴ В данном обзоре мы, конечно, не могли даже упомянуть все исторические работы, вышедшие по выбранной нами теме. Поэтому мы более или менее детально описывали или тексты, ставшие классическими, или исследования, которые выделялись из основного корпуса материалов. Также в квадратных скобках часто стоит ссылка на один или два материала из достаточно большого списка возможных.

⁵ В имеющихся исследованиях предлагаемые интерпретативные схемы крайне сомнительны.

⁶ Настоящая периодизация предложена П. Лаговским в его диссертационном исследовании [Лаговский 2003; 94].

3. Период амортизации (1504–1700 гг.) – феодальная рента, ограничения [Зимин 1977; Ивина 1973; Найденова 2003].
4. Период секуляризации (1701–1917) – бюджетное финансирование [Булыгин 1990; Комисаренко 1990].
5. Период конфискации (1918–1990 гг.) – самофинансирование [Поспеловский 1995]⁷;
6. Период реституции (1991 – наст. время) – период возрождения и поиска [Митрохин 2001, 2004].

Наш обзор состоит из следующих разделов: описание источниковедческой проблематики (отдельно жития и отдельно некоторые исследования «Домостроя»); краткая характеристика особенно значительных исторических работ (в хронологическом порядке по времени выхода публикации); вклад представителей других наук (не историков) в изучение связей православия и хозяйства; современные исследования; основные диссертации по данной теме за 1991–2004 гг.; основные конференции по данной теме за последние годы (преимущественно те, материалы которых опубликованы). В завершение предлагается описание полемики по современным социально-экономическим доктринам РПЦ (официальным текстам, вышедшим от имени РПЦ по указанным вопросам).

РАБОТЫ ИСТОРИКОВ

Историками были проведены важные исследования конкретных хозяйствующих субъектов средневековой Руси и России нового времени. Следует упомянуть исследования о хозяйстве Соловецкого монастыря [Савич 1927; Борисов 1966], Кирилло-Белозерского монастыря [Гарфункель б.г.]. Отметим также работы Б.Д. Грекова, посвященные Дому Святой Софии и его хозяйству [Греков 1960. Т. 3, 4].

В ряде исторических исследований, не нацеленных специально на изучение связей хозяйства и православия, косвенным образом также затрагивается данная проблематика. К таковым, например, относятся работы Я.Н. Щапова «Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XV вв.» [Щапов 1972], «Государство и церковь Древней Руси» [Щапов 1989], С.И. Смирнова «Древнерусский духовник» [Смирнов 2004], Л.А. Андреевой «Религия и власть в России» [Андреева 2001]. Стоит выделить также несколько сборников, ставших заметным событием в научной жизни России: «Русское православие: вехи истории» [Русское... 1989], «Церковь в истории России» [Церковь...1997], «Церковь, общество и государство в феодальной России» [Церковь... 1990], «Монашество и монастыри в России XI–XX вв. Исторические очерки» [Монашество... 2000].

Перейдем к более детальному рассмотрению некоторых основных произведений отечественных историков, в которых тема связей православия и хозяйства ставится в центр исследования.

Источниковедческая проблематика

Исследователями опубликованы, переведены и откомментированы источники различных видов. Наиболее часто для разработки темы связей православия и хозяйства используются следующие источники: хозяйственные акты [Акты феодального... 1951], духовные и договорные грамоты князей [Духовные... 1950], копиянные книги [Каштанов, Столярова 2001]; вкладные книги [Ивина 1969]; приходно-расходные книги [Колычева 1974]; кормовые

⁷ По данному периоду трудно указать исследования, посвященные хозяйственной тематике, поскольку на первый план здесь выходят вопросы выживания церкви и взаимоотношений с государством.

книги [Ивина 1969] и многие другие вотчинные хозяйственные книги [Вотчинные... 1983], описи монастырского имущества [Опись... 1998], описания монастырских библиотек [Кукушкина 1977]; уставы монастырей [Белякова 2002]; жития русских святых [Будовниц 1966], синодики (в том числе монастырские) [Веселовский 1963]⁸.

Если говорить об исследованиях современного православия в связи с темой хозяйства, то современных эмпирических исследований – например, социологических, с привлечением различных опросных методик – практически не существует. Использование современного эмпирического материала присутствует в работах Н. Митрохина и М. Эдельштейна [Экономическая... 2000], Н. Митрохина [Митрохин 2004]; некоторые данные приводятся в работе Е. Элбакян и С. Медведко [Элбакян, Медведко 2001].

Исследования «Домостроя»

Одним из ключевых источников по проблемам хозяйственной этики православия, православного отношения к хозяйству, несомненно, является «Домострой». Созданный (собранный окончательно в ту форму, в которой мы знаем его сегодня) в XVI в., этот текст должен нести на себе отпечаток той религиозности, которая многими православными и авторами, пишущими о православии, считается «идеальным» выражением православия⁹.

Так, например, за последние годы «Домострой» издан двумя православными издательствами тремя тиражами по десять тысяч экземпляров. В аннотации к изданиям «Домострой» признается очень современной книгой: «“Домострой” как источник вернее всего отнести ко времени царствования Иоанна Грозного, но все положения этой книги удивительно современны и полезны, и особенно сейчас, когда многие пытаются устроить свою жизнь по-Божьему. Читателя могут смутить главы о Великом и Успенском постах, где на трапезе предлагается обилие рыбных блюд, но редакция решила оставить все без изменения, чтобы не был потерян колорит русской природы и русского хлебосольства. Следовать этим главам буквально не нужно. Также и в главе о крестном знамении мы видим дореформенную традицию двоеперстия, нам же, православным подобает креститься тремя перстами во имя Отца и Сына и Святого Духа»¹⁰ [Домострой 2002: 2].

Однако, хотя ценность «Домостроя» не оспаривается, существуют заметные трудности, связанные со спецификой русской истории и языка, по введению этого памятника в исследовательский оборот в качестве источника. История изучения этого текста насчитывает уже более полутора веков. И на сегодняшний день значимых попыток использовать его для изучения отношения православия к хозяйству, православной этики хозяйствования или, может быть, даже православного типа хозяйствования и других подобных тем практически нет.

В современной отечественной историографии есть несколько авторов, занимающихся памятником, есть несколько сильных работ, однако все они носят исключительно

⁸ Подробнее см.: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998.

⁹ См., например, у А. Клибанова и Г. Федотова о золотом веке русской святости: [Клибанов 1996, Федотов 2001, 2004].

¹⁰ Из написанного видно, что, по мнению издателей, основные изменения (со времени Ивана Грозного) как в православии, так и в хозяйстве и в жизни, которые призван регламентировать «Домострой», произошли в том, как нужно осенять себя крестным знамением, и в наличии / отсутствии рыбных блюд на столе в Успенский и Великий посты.

источниковедческий характер. Мы имеем в первую очередь работы В.В. Колесова [Колесов 2001] и В.В. Хорихина [Хорихин 2002] Есть также несколько иностранных работ, в целом имеющих сходную окраску [Pounsey 1985].

Единственная известная нам попытка исследования хозяйства «по “Домострою”», не ограничивающаяся только источниковедческим анализом, принадлежит Л.П. Найденовой: ею подготовлено диссертационное исследование «Мир русского человека XVI–XVII вв. по “Домострою” и памятникам права» [Найденова 2003]. В работе есть глава, посвященная хозяйственно-трудовой этике, в которой автор разбирает темы мирского аскетизма (усматривая сходство установок «Домостроя» с протестантской этикой [Найденова 2003; 115]), отношения к труду, отношения к богатству и правил предприимчивости.

Однако исследование Л.П. Найденовой было крайне нелестно оценено В.В. Хорихиным, по мнению которого исследование «не выходило за рамки интерпретации информации, часто сводившейся к примитивно комментируемому пересказу текста» [Хорихин 2002; 230] Хорихин считает исследование Найденовой примером практики, когда исследователь не стремится к «детальному критическому анализу аргументации своих предшественников» и не понимает целей анализа предшествующей научной разработки источника, фиксируя лишь основные сюжеты истории изучения памятника [Хорихин 2002: 41–42].

Древнерусские жития святых как исторический источник

В.О. Ключевский

Свое магистерское исследование «Древнерусские жития святых как исторический источник» видный историк В.О. Ключевский предпринимает с последующей целью использовать жития как исторический источник «для изучения одного факта древнерусской истории, участия монастырей в колонизации северо-восточной Руси» [Ключевский 2000а: 5].

Кратко представим часть выводов Ключевского, касающуюся способа использования житий в качестве *исторического* источника. «Анализ взгляда биографа на исторические явления и его отношения к факту указывает, где нужно искать и в этом описании живых следов действительности. Обобщению, превращению в типические формы жития подвергались такие явления русской жизни, которые напоминали собой идеальные образы восточных житий. Напротив, где являлись условия местной русской действительности, мало похожей на древнехристианскую восточную пустыню, там биограф чувствовал себя в большом затруднении: он не находил для них готовых красок в своих образцах и старался говорить о них меньше или вводил их в свой рассказ в первобытной простоте. С той же стороны получают значение ценного исторического материала и чудеса. ...Еще важнее то, что они [чудеса. – И.З.] большей частью единственные записки о каком-нибудь темном уголке России, в которых местное население является со своими нравственными и физическими недугами, иногда с своими этнографическими и культурными особенностями. Наконец, трудно указать другой отдел русских исторических памятников, в котором с такою откровенностью и полнотой высказались бы потаенные понятия как биографа, как и всего общества» [Ключевский 2000а: 279–280].

Таким образом, В.О. Ключевский достаточно низко оценил жития как исторический источник, чем, по мнению некоторых исследователей, сильно затормозил их привлечение в качестве такового. Лед был сломан исследованиями А. Кадлубовского, который сначала указал на ценность житий, по крайней мере, в качестве литературного источника. Затем работами А. Савича, который использовал жития в качестве уже исторического источника, хотя еще и не возражал Ключевскому. Открыто возразил Ключевскому И.У. Будовниц. (О других исследованиях В.О. Ключевского, посвященных тематике православия, см. ниже в разделе «Различные исследования по теме».)

А. Кадлубовский

Арсений Кадлубовский использовал жития для «изучения отражаемого ими религиозно-нравственного мировоззрения» [Кадлубовский 1902: VIII]. Давая оценку выводам Ключевского, он в частности пишет: «...если смотреть на житие не как на исторический источник, а как на литературный памятник; если искать в нем не только фактических данных о жизни святого, его деятельности и отношениях...: тот или другой характер назидания, то или другое нравственно-религиозное мировоззрение можем мы различать в житии и в том случае, когда оно бедно фактами и даже мало считалось с ними» [Кадлубовский 1902: VII].

Кадлубовский предлагает использовать жития для изучения сознания более широких кругов, нежели авторы учительных или полемических памятников: «Как я уже упомянул скользь, характеристика главных течений русской мысли XV–XVI веков делалась по преимуществу на основании учительных и полемических памятников¹¹; сюда же следует добавить и некоторые соборные акты и грамоты¹². Все это памятники, которые принадлежат вождям того и другого направления или приводят (как соборные акты) главным образом их мнения и речи и лишь между прочим упоминают менее крупных деятелей; написаны они в средоточиях того и другого направления. Жития выводят перед нами других деятелей, принадлежат другим авторам, в общем, второстепенным, часто даже неизвестным по имени; как подвижники, жизнь которых рассказывается в житиях, так и их биографы живут и действуют в различных местностях, как в указанных средоточиях, так и в отдалении от них; благодаря этому рассмотренные нами агиобиографические произведения обрисовывают общее настроение различных, даже второстепенных членов той и другой партии; способствуют уяснению того, был ли тот и другой образ мыслей достоянием лишь небольшого числа выступивших крупными историческими деятелями эпохи, или проникали в сознание более широких кругов. По-видимому, вопрос решается в последнем смысле...» [Кадлубовский 1902: 342].

А.А. Савич

А.А. Савич попытался решить задачу, сходную с задачей Ключевского, – речь идет об изучении монастырской колонизации. Стоит обратить внимание на не вполне понятную особенность: демонстрируя значительную компетенцию в работах по исследуемой теме, профессор Савич ни словом не обмолвился об исследовании Ключевского о житиях святых. При этом он отдает должное тем фрагментам «Лекций...», где речь идет не об общих для него и Ключевского источниках, а об общем предмете.

Вот что пишет о задачах своего исследования Савич: «Прежде всего требуют объяснения причины особенного роста монастырей в XV–XVII веках и особенно монастырей “пустынных”. Затем, в высшей степени показательным представляется направление монастырской колонизации, охватывавшей преимущественно северные страны, прилежащие студеному морю-окияну. Наконец, небезынтересно будет установить взаимоотношения монастырского и крестьянского колонизационных процессов» [Савич 1929а: 47].

Выводы, к которым приходит Савич, вкратце таковы.

¹¹ Таковы уставы Иосифа и Нила с «надсловием» Иннокентия к последнему, послания, которыми обменивались по вопросам о монастырских имениях и о еретиках представители обоих направлений, и некоторые другие сочинения и послания Иосифа, Даниила, Нила, Вассиана Патрикеева, старца Артемия.

¹² Таковы документы, касающиеся осуждения Вассиана, Максима Грека, Висковатого, Башкина, Артемия.

«Монастырская колонизация протекала по проложенному руслу. Монастыри на русском севере встречались уже со сложившимися боярским землевладением и разными способами, прежде всего путем дарений и вкладов осваивали боярские “отчины и дедины”. Полученные угодья создавали начальную базу для монастыря; в других условиях, селясь среди волостных крестьян, пустынножители встречали самое неблагоприятное отношение, доходившее до изгнания и даже до убийства их.

Тем более не был монастырь пионером заселения центральных русских областей: везде наталкивался он на крестьянские селения, и во всех почти известных нам случаях образования нового монастыря вспыхивала обостренная борьба между пришельцем старцем и местным крестьянским населением.

Христианский аскетический идеал в древне-русском монастыре отодвигался на второй план житейскими и чисто практическими функциями монастыря в ранние времена его существования. Игнорирование последних привело многих исследователей к недооценке и даже недопониманию причин популярности и распространения монастырей в древней Руси». [Савич 1929а: 47–117].

Выводы А. Савича через 30 лет подтвердит И. Будовниц. Стоит отметить, что практически все авторы, писавшие о православной этике хозяйства в постсоветский период, почему-то игнорируют выводы этих ученых (пишут так, как будто данных работ не существует). (О других исследованиях А.А. Савича, посвященных тематике православия, см. ниже в разделе «Различные исследования по теме».)

И.У. Будовниц

Противоположной точки зрения, нежели В.О. Ключевский, придерживался советский исследователь И.У. Будовниц, взявший из житий гораздо больше, чем рекомендовал В.О. Ключевский. Перу Будовница принадлежит значительная монография «Борьба крестьян с монастырями» [Будовниц 1966].

Так, И.У. Будовниц пишет: «Если отбросить все житийные штампы, вроде того, что “святые” уходят в пустыню, уходя от людской славы и житейской суеты, что они поселяются среди зверей, вдали от селений, что они там “работают богу”, питаются травой и мхом, что при пострижении они отдают все свое имущество нищим, что игумены упорно отказываются от вкладов и земельных владений и т.д., — если, повторяем, отбросить весь этот шаблон, а также элемент чудесного, то “жития” дают много достоверного материала для первоначальной истории создания монастырей-вотчинников, для истории классовой борьбы крестьянства с монастырским землевладением, для разоблачения вымыслов, которыми с помощью тех же “житий” на протяжении нескольких столетий церковники отравляли сознание народных масс. “Жития” содержат также интересные данные для истории быта и нравов древней Руси, для истории земледелия, строительных работ и многих других сторон древнерусской жизни» [Будовниц 1966: 363].

В ходе своего исследования Будовниц приходит к следующим выводам. «В Северо-Восточной Руси, а также в Новгородской и Псковской областях, начиная со второй половины XIV в. на смену старым ктиторским монастырям, не игравшим самостоятельной хозяйственной роли, приходят монастыри нового типа, представляющие собой феодальные вотчины с разветвленным хозяйством, основанным главным образом на труде феодально-зависимых крестьян. В связи с изменением характера монастырей между ними иногда возникали конкуренция и взаимная борьба за землю, которой не знали прежние ктиторские монастыри.

Монастыри не осваивали незаселенные, пустынные области. Вопреки утверждению буржуазных и церковных историков, не крестьянин шел за монахом, а монахи продвигались на север по проторенным уже путям народной колонизации. Колонизационная деятельность

монастырей выражалась в том, что, уже овладев принадлежавшей крестьянам землей или получив в виде вклада готовую боярщину и другие вотчины, монахи, пользуясь предоставленными им иммунитетными правами и прочими привилегиями, призывали на землю на льготных условиях еще не закрепощенных крестьян.

Жестокая эксплуатация монастырями крестьян толкала последних на борьбу и сопротивление. Вся история монастырского землевладения есть история непрерывной классовой борьбы крестьян (иногда выступающих в “житиях” под видом “разбойников”) против монастырей. Рисуемая в церковной и буржуазной литературе идиллическая картина монастырской вотчины как тихой обители, которая пользуется всеобщей любовью населения, противоречит исторической действительности. Классовая борьба крестьян против монастырского землевладения продолжалась на протяжении многих поколений, носила исключительно ожесточенный характер» [Будовниц 1966: 357–363].

В некоторых частях выводы Будовница о монастырской колонизации значительно расходятся с утверждениями Ключевского, на чьих текстах построено множество выводов «полупрофессиональных» исследователей, «симпатизирующих» православию и пытающихся всеми способами повысить оценку роли православия в истории России.

Различные исследования по теме

В. Милютин

Книга В. Милютина «О недвижимых имуществах духовенства в России» явилась фактически одним из первых фундаментальных исследований по указанной проблеме. Даже через сорок лет после выхода ее в свет о ней очень одобрительно высказывался В.О. Ключевский в своих лекциях по русской истории [Ключевский 1993. Т. 2: 11]. Ниже представим кратко основное содержание этой работы.

В первой главе В. Милютин рассматривает «происхождение вотчинных прав духовенства»: «приступая к изучению их <вотчинных прав> объема и судьбы, необходимо показать прежде всего, на чем они основывались, как и когда образовались» [Милютин 1862: V].

Вторая и третья главы посвящены рассмотрению временного периода, способов и путей образования поземельной собственности духовенства: «права духовного сословия на приобретение вотчин не вдруг осуществились на самом деле; образование церковных имуществ совершалось мало помалу, в течение нескольких столетий. Изучение этого постепенного перехода права в факт и обстоятельств его замедлявших или ускорявших, составляет, без сомнения, одну из важнейших задач нашего исследования». ...Кроме того «задача эта не была бы вполне решена, если бы... мы ...не показали, ...что побуждало наших предков к щедрому одарению Церкви имуществами всякого рода» [Милютин 1862: V–VI].

В четвертой главе автор рассматривает «объем, составные части и распределение церковного имущества; это есть не что иное, как краткий инвентарь церковных владений в эпоху самого цветущего их состояния, или, другими словами, по возможности точная оценка тех конечных результатов, которыми сопровождалось стремление» [Милютин 1862: VI] к обеспечению церкви богатствами и имуществом.

«Но этот инвентарь церковных владений не достиг бы своей цели и не дал бы надлежащего понятия о первоначальном богатстве и могуществе церкви, если бы мы не присоединили к нему исчисления тех особых преимуществ и льгот, которыми пользовалось духовное сословие в прежние времена» [Милютин 1862: VI] Этому посвящена пятая глава – привилегиям, основывавшимся на жалованных грамотах.

Шестая глава рассматривает первоначальное управление и хозяйство в церковных вотчинах, поскольку оно находилось «в неразрывной связи с тогдашним юридическим состоянием церковных вотчин» [Милютин 1862: VII].

Главы с седьмой по десятую описывают процесс секуляризации церковных земель. Седьмая глава посвящена общему взгляду «на отношения правительства к имениям духовенства со времени Великого Князя Ивана III». Восьмая глава рассматривает период со времени правления Великого князя Ивана III до императора Петра I. Девятая – от Петра I до Екатерины II. Десятая – «окончательное обращение в казну церковных вотчин, последовавшее при Императрице Екатерине II» [Милютин 1862: VIII].

Д.И. Ростиславов

Первое сочинение Д.И. Ростиславова «*О православном белом и черном духовенстве в России*», выпущенное на собственные средства в 1866 г. в Лейпциге по причине того, что вероятность его прохождения через отечественную церковную цензуру была крайне мала, посвящено проблеме духовных училищ в России, а также сравнению состояния белого и черного духовенства. «Автор этой книги... уважает вселенскую соборную и апостольскую церковь, не имеет ни желаний, ни поводов вступать с нею в борьбу... Но ему придется говорить о том, что главная причина дурного положения и белого духовенства, и духовных училищ заключается в лицах, из которых состоит церковная монашеская администрация, что большинство монашеских властей не очень сочувствует улучшению духовенства. Ему придется говорить о пострижении в монашество, о монастырях и пр. вовсе не так, как любят говорить о них монахи» [Ростиславов 1866: 66].

В книге (два тома по 600 страниц) разрабатываются и некоторые темы, близкие к хозяйству: о различных видах доходов монастырей, о доходных привилегиях монастырей, об искусственных средствах увеличить монастырские доходы, о наследствах после архиереев, о доходах белого духовенства, о вымогательствах духовенства и необходимости ему искать расположения прихожан, о поборах прихожан духовенством, о влиянии нынешней системы доходов духовенства на взаимные отношения членов его и на религиозность народа, о передаче мест по наследству и родству; о покупке и продаже их и пр., о том, из каких сословий в России поступают в монашество и т.д.

Второй труд этого же автора – «*Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей*» – посвящен собственно хозяйственной теме. Вот что Д. Ростиславов пишет о ситуации своего исследования и источниках данных для него: «Встречая множество затруднений, мы, разумеется, не могли получить столько сведений о монастырских доходах, сколько желали и даже надеялись иметь. Лично мы были в 20-ти губернских городах, но не везде имели полный успех; в иных местах даже ничего не могли узнать. ...Даже там, где удавалось пользоваться ведомостями настоятелей, сведения, из них позаимствованные, не всегда по вышеизложенным причинам были во всех отношениях удовлетворительны. За всем тем ведомости эти доставили наиболее богатый материал для нашей книги. К ним мы присоединили множество брошюр и небольших сочинений о разных монастырях, равно как отчеты Обер-Прокуроров Св. Синода, начиная с 1883 г., сметы расходов по духовному ведомству, множество статей, статейек, кратких известий, которые касались монастырей и помещались в газетах и журналах, издававшихся в последнее время. Не находили мы нужным пренебрегать и устными сведениями, которые нам удавалось приобретать от значительных и незначительных лиц. Таким образом, мы получили более или менее подробные данные <почти о 300> монастырях. Конечно, было бы лучше, если бы мы ознакомились с экономическим состоянием если не всех, то хоть половины наших монастырей и архиерейских домов, но что же делать? Частному, особенно же невлиятельному, лицу невозможно предотвратить все встречающиеся в этом случае затруднения» [Ростиславов 1876: 8–9].

Вот перечень тем, обсуждающихся Д. Ростиславовым в своем исследовании: причины, располагавшие христиан к пожертвованиям в монастыри, финансовое нравственное состояние отечественных монастырей до 1764 г., секуляризация монастырских имений при Екатерине II. Также есть ряд разделов, посвященных доходам монастырей от «угодий», доходам от богомольцев, от часовен, соборных книжек и молебнов вне монастырей, доходам, получаемым монастырями от кладбищ, от гостиниц и странноприимных домов, от лавок, постоянных дворов и промыслов, денежным пособиям, выдаваемым монастырям государственным казначейством. Отдельная глава посвящена участию монастырей в банковских операциях.

В.О. Ключевский

Отдельно стоит остановиться на работах В.О. Ключевского, посвященных тем или иным сторонам православия. Основные таковы: «Древнерусские жития святых как исторический источник» (см. выше в одноименном разделе), «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в беломорском крае», а также несколько глав из «Лекций по русской истории», касающихся монастырского землевладения¹³.

«Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в беломорском крае» – это описание распространения в ходе русской истории вотчин Соловецкого монастыря в Беломорье, сделанное на базе «уцелевших Соловецких грамот и кратких известий Соловецкого летописца». Описываются состав населения, проживавшего в этих вотчинах, отношение поселенцев к своему вотчиннику; солеварение в монастырских вотчинах; территориальные приобретения монастыря и их источники [Ключевский 2000б: 462–489].

В «Лекциях по русской истории» В.О. Ключевским разбираются следующие темы: способы земельного обогащения монастырей, монастырские кормы, вклады для пострижения, вопрос о монастырских вотчинах и полемика по нему, связь монастырского землевладения с крепостным правом, роль монастырей в колонизации. Описывается деятельность монастырского приказа. В этой работе В.О. Ключевский уже переводит в форму учебника многие положения предыдущих исследователей, хотя и замечает, что тема церковного и монастырского хозяйствования у нас изучена еще очень слабо. Вот например, фрагмент из лекций Ключевского о том, что представляли собой крупные монастыри в XVI в.:

«Сказанного мною, думаю, достаточно, чтобы заметить, какое направление принимала жизнь старых пустынных общежительных монастырей к половине XVI в. Из трудовых земледельческих общин, питавшихся своими трудами, где каждый брат работал на всех и все духовно поддерживали каждого из своей братии, многие из этих монастырей, если не большинство, разрослись в крупные земледельческие общества со сложным хозяйством и привилегированным хозяйственным управлением, с многообразными житейскими суетами, поземельными тяжбами и запутанными мирскими отношениями. Окруженное монастырскими слободами, слободками и селами, братство такого монастыря представляло из себя черноризческое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянских рук, а оно властно правило своими многочисленными слугами, служками и крестьянами и потом молилось о всем мире и особенно о мирянах-вкладчиках своего монастыря [Ключевский 1993. Т. 2: 11].

¹³ Также можно указать на несколько рецензий Ключевского на другие работы. Например: «Новые исследования по истории древнерусских монастырей» [Ключевский 2000: 411–461], «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода» [Ключевский 2000: 489–520]. Однако все основные идеи о православии и хозяйстве присутствуют в уже названных исследованиях русского историка.

Или, например, еще один вывод о «социальном опрошении», к которому «стремились» православные монахи и о котором сегодня периодически пишут «исследователи» православной хозяйственной этики, ревнители православной духовности: «В больших монастырях, как Троицкий Сергиев, Иосифов Волоколамский, было много родовитых постриженников из князей, бояр и дворян, которые и под монашеской рясой сохраняли воспитанные в миру чувства и привычки людей правящего класса. Неправильно понятая идея церковной молитвы за усопших повела к непомерному земельному обогащению монастырей и поставила их в безысходный круг противоречий. Уже в начале XVI в., во времена Иосифа Волоцкого, как писал он сам, во всех монастырях было земли много оттого, что князья и бояре давали им села на вечное поминание. Общества отшельников, убежавших от мира, мир превратил в привилегированные наемные молельни о мирских грехах и ломился в мирные обитатели со своими заказами. Это было главное противоречие, обострившее все остальные» [Ключевский 1993. Т. 2: 11].

П.В. Знаменский

Книги профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского «Приходское духовенство на Руси» и «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра» [Знаменский 2003] являются классическими для изучения истории приходского духовенства в России. Фактически это первые книги, посвященные судьбе рядового духовенства. Вот что пишет по этому поводу сам автор: «Наша церковно-историческая наука доселе весьма мало обращала внимания на судьбу белого духовенства в России. Это зависело отчасти от того особенного исторического обстоятельства, что в самой церкви у нас, с самых древних времен, на первом плане стояло духовенство монашествующее, отчасти было следствием того общего направления, в каком всегда разрабатывалась наша церковная история. ...церковная история рассказывала нам жития и подвиги святых мужей и благочестивых иерархов, рассматривала одни верхние слои церковной жизни, совершенно упуская из внимания жизнь и верования народных масс, скромную деятельность низших церковных деятелей, никогда не заглядывая в темные углы церковных приходов – этих единиц, из которых складывается целое, – Церковь» [Знаменский 2003: 45].

В работе «Приходское духовенство на Руси» П. Знаменский, наряду с описанием истории белого духовенства в Древней Руси, отдельно (для указанного периода) разбирает такие вопросы, как материальные средства приходского духовенства, повинности духовенства, социальное происхождение духовенства и связь с крестьянской общиной, образование духовенства, администрация духовенства [Знаменский 2003: 45–180].

Вторая книга «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра» посвящена истории духовного сословия; в ней затрагиваются такие вопросы, как: приходские выборы членов клира, развитие наследственности духовного звания, выход из духовного звания и приходские штаты. Описываются гражданские права духовенства, отношение духовенства к духовной власти и способы содержания приходского духовенства [Знаменский 2003: 181–770].

В обеих книгах при исследовании вопроса о способах содержания духовенства и его материальных условиях отдельно разбираются темы платы за требы, торгов о сумме платежа, «священнослужения с крестца», царской руги, преобразований Духовного Регламента касательно форм доходов священнослужителей, вопрос о подворной подати в пользу причта и т.д. Вот, например, цитата из книги «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра», которая описывает один из источников содержания приходского духовенства: «Очень важным источником содержания приходского духовенства были его хождения по домам прихожан с крестом, святою водою или какою-нибудь чтимою иконой, если таковая имелась в церкви. Старая религиозная Русь чрезвычайно развила у себя эти хождения со святынями, как в городах, так и в селениях, а иерархия успела обложить их в свою пользу даже особым окладом под именем *славильных денег* или *праздничных гривен*.

Реформа сильно поколебала этот религиозный обычай... В 20-х годах явились даже указы с прямым запрещением этих хождений... <Хождения>, совершаемые без приглашения, обращались в какую-то обязательную повинность для прихожан, подвергали духовенство нареканиям в поборах и корыстолюбии. Но безусловное их уничтожение... было встречено народом как дело неправославное» [Знаменский 2003: 649].

Книги Знаменского написаны с использованием значительного числа первоисточников и способствуют лучшему пониманию истории церковного хозяйствования. Кроме того, помимо сугубо содержательной информации эпизодически описываются источники, на которых строится повествование, например, «источники сведений о доходах приходского духовенства» – договоры членов клира с прихожанами при поступлении на службу и т.д. [Знаменский 2003: 645].

И.М. Кулишер

Стоит также остановиться на капитальном труде И.М. Кулишера «История русского народного хозяйства» [Кулишер 2004]. «Книга была написана по заказу немецких издателей, задумавших выпустить серию книг по экономической истории разных стран» [Кулишер 2004: III] и вышла в 1925 г. одновременно на русском и немецком языках. «Изложение экономической истории Руси-России построено в двух измерениях: хронологическом и по видам хозяйственной деятельности. Освещается древнейшая эпоха до X в., удельный период и экономика Московского государства XVI–XVII вв., XVIII в. – деятельность Петра I и его преемников. Анализируются эволюция форм землевладения, развитие ремесел, промыслов и промышленности, денежное обращение... Большое место отведено вопросам развития внешней и внутренней торговли» [Кулишер 2004: I].

В книге значительное внимание уделяется способам хозяйствования духовных лиц – священников, причетников, монахов. Разбирается вопрос о церковном землевладении XIII–XV вв., в его сравнении с землевладением княжеским и боярским. Описываются различные способы приобретения земель, захват монастырями крестьянских земель, споры и вражда с монастырями, например: «Очевидно, массовое озлобление крестьянства против монастырей явилось результатом горького опыта. Духовенство вторгалось в деревни, приобретая их путем вкладов или покупая их, а остальное просто захватывая; оно занимало пустопорожные земли и приобретало на них жалованные грамоты, прибегало и к насилию. Монастыри этим озлобляли крестьян до такой степени, что иногда монастырь погорал «жертвой злобы злых людей»¹⁴ [Кулишер 2004: 59].

В разделе «Промыслы» описывается монастырское солеварение удельного периода русской истории. Также освещается вопрос о рабочей силе в сельском хозяйстве, об имунитетах, тарханах и привилегиях духовных вотчин [Кулишер 2004: 78–85]. В разделах, посвященных обмену и торговле удельного периода, описывается роль монастырей при торговле и пошлины, получаемые монастырем от проходящих около них ярмарок, связь церкви с торговлей, роль священника и церкви при торговле Руси с Ганзой.

Большая глава посвящена вопросу монастырского и церковного землевладения XV–XVI вв., расширению земель духовенства, борьбе с ним, полемике нестяжателей и осифлян, указам, направленным на ограничение церковного землевладения, способам обхода и нарушениям их.

Также описываются монастырские промыслы периода Московского государства, монастырские слободки, население, работающее для монастыря и для рынка, формы ремесла, работающего на монастырь, закупка монастырями сырья и готовых изделий; солеварение,

¹⁴ Кулишер ссылается здесь на работу А.Я. Ефименко «Крестьянское землевладение на севере» [Ефименко 1884].

рыболовство, пушное производство, капиталистический¹⁵ характер деятельности монастырей на севере; торговля монастырей и духовенства [Кулишер 2004: 490–495].

Отдельное внимание уделяется вопросу о кредите – потребительском и торговом. Показаны монастыри в роли банков, виды вкладов, работа на монастырь взамен вклада, кредитные операции монастырей, залог земель, формы кабал. Ссылаясь на Ключевского, Кулишер резюмирует: «Поземельные акты больших монастырей XVI века открывают нам, какие широкие землевладельческие операции совершали иноки посредством вкладов, закладов, покупок, льгот, своза крестьян у других землевладельцев и т.п. Они завели или деятельно поддерживали на тогдашнем земельном рынке настоящую игру в крестьян и в землю, благодаря которой населенные имения переходили из рук в руки чуть ли не с быстротой ценных бумаг на нынешней бирже»¹⁶ [Кулишер 2004: 529].

В целом книга И.М. Кулишера содержит немало полезных сведений о способах хозяйствования как отдельных духовных лиц, так и духовных корпораций или сообществ, особенно в сравнении со способами хозяйствования представителей других слоев русского-российского общества.

А.А. Савич

В своей работе «Соловецкая вотчина XV–XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси)» А. Савич описывает организацию хозяйства Соловецкого монастыря: соляной промышленности, организации варниц, монастырские усолья, земледельческое хозяйство в усольях, кабальную задолженность рабочих по усольям; в том числе соляную торговлю соловецкой вотчины, организацию и размер торговли с Новгородскими областями, торговлю через Вологду и Холмогоры, продажу монастырем соли (количество, покупатели, кредит, цена) [Савич 1927].

Рассказывается о земледельческом хозяйстве в соловецкой вотчине, рыболовстве и других промыслах: монастырские земли на оброке, монастырская запашка, внутренняя организация соловецкой вотчины; доходы, расходы, вклады; слюдный промысел, железный промысел, попытки розыска серебряной и золотой руды. Изучается хозяйственный аппарат монастыря на острове, хозяйственная отчетность.

Анализируется социальный состав монастырской общины (монахи, рабочие, казачки, стрельцы, бобыли, детеныши), «аристократическая диктатура соборных старцев»; пострижение за вклады и без; монастырские агенты в волостях: приказчики и доводчики. Приводятся данные о численности тяглого населения в монастыре. Отдельное внимание уделяется «Соловецкому сидению».

А.А. Зимин

Работа А.А. Зимины «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.)» посвящена истории Иосифо-Волоколамского монастыря. Обосновывая выбор объекта исследования, Зимин пишет: «Крупная монастырская вотчина играла заметную роль в социально-политической структуре Русского государства конца XV–XVI вв. Духовным феодалам принадлежало в середине XVI в. больше трети населенных земель страны, причем основная их часть входила в состав вотчин таких крупных

¹⁵ Термин «капиталистический» используется И. Кулишером не для идеологической окраски, а для того чтобы подчеркнуть, какую роль начинает играть капитал, в особенности при вытеснении мелких промышленников.

¹⁶ *Ключевский В.О.* Курс истории России. Т. 2. 5-е изд. М., 1914. С. 346, 359, 367.

монастырей, как Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Кирилло-Белозерский и им подобные» [Зимин 1977: 5].

В своей монографии Зимин разбирает социальную структуру Волоколамского монастыря в конце XV–XVI вв., останавливаясь отдельно на периодах патронажа монастыря волоцкими князьями и московскими государями. Анализируется социальный состав вкладчиков монастыря и монашеской братии, светских слуг и детенышей в монастыре [Зимин 1977: 101–169].

Исследуется землевладение Волоколамского монастыря в конце XV–XVI вв., затрагиваются вопросы роста земельных богатств, способов создания монастырской вотчины, борьбы за землю с дворянством [Зимин 1977: 170–223]. Отдельное внимание уделяется разбору иосифлянкой доктрины монастырского землевладения и полемики иосифлян и нестяжателей [Зимин 1977: 224–280].

Среди серьезных российских работ по данной теме выделим диссертационные исследования крупных феодалов (на примере Троице-Сергиева монастыря) М. Черкасовой [Черкасова 2001] и средних и мелких феодалов И. Шаминой (на примере монастырей Вологодского уезда) [Шамина 2003].

И.К. Смолич

В 1997 г. на русском языке были выпущены работы крупного историка церкви И.К. Смолича: «Русское монашество, 988–1917 гг.» и «Жизнь и учение старцев» [Смолич 1997]. Для нас более интересна первая работа (плод пятнадцатилетних трудов), вышедшая первоначально в 1953 г. на немецком языке в Вюрцбурге.

В тексте содержатся крупные фрагменты, посвященные спору иосифлян и нестяжателей, церковно-политическим идеям в Москве в XVI в., вопросу о земельных владениях монастырей в законодательстве и полемических сочинениях XVI–XVII вв., основным направлениям монастырской колонизации в XVI–XVII вв., монастырским владениям и монастырскому хозяйству в XVI–XVII вв. и строю монастырского быта в XVI–XVII вв. Остановимся на этих вопросах несколько подробнее.

Так, в разделе о монастырских владениях и монастырском хозяйстве разбираются следующие темы: общая картина монастырского хозяйства, государственно-правовая основа монастырского землевладения, рост монастырских земельных владений как пример колонизационной деятельности монастырей, опричнина и сельскохозяйственный кризис в XVI в., монастырские крестьяне, слуги и детеныши, монастырская торговля, монастырские вотчины, имения и повинности монастырей перед государством; подсудность монастырских имений [Смолич 1997: 127–157].

В разделе «Строй монастырского быта в XVI–XVII вв.» описываются внутренний монастырский уклад, монастырские уклады XVI–XVII вв. и ранее, чин пострижения и духовное окормление новоначальных иноков, богослужебный устав и повседневная жизнь монахов, состояние монашеской жизни, подсудность монастырей по духовным делам, миссионерские труды монахов, социально-благотворительная деятельность монастырей и некоторые другие темы [Смолич 1997: 157–194].

Глава о колонизации, помимо общей характеристики колонизации, включает разделы о государственно-политических условиях колонизации и описание основных шести направлений монастырской колонизации: колонизация в Московском центре, на севере, юге, западе, в Понизовье и колонизация Сибири [Смолич 1997: 114–125].

Описывая церковно-политические идеи в Москве в XVI в., Игорь Смолич останавливается на мессианских идеях инока Филофея, разбирает деятельность митрополита Макария и русскую агиографию того периода. Описание строится в контексте темы консолидации русских

земель под политической властью Московского государства и рассмотрением Русской церкви в связи с этим процессом [Смолич 1997: 75–90].

П.Н. Зырянов

Также некоторые вопросы о православии и хозяйстве затрагиваются в работах современного историка П.Н. Зырянова: «Русские монастыри и монашество в начале XIX и начале XX вв.» и «Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг.». В частности, во второй из упомянутых книг разбираются вопросы социально-политической концепции православия в начале XX в. [Зырянов 1984: 25–28], антиклерикального движения и кризисных явлений в православной церкви накануне революции 1905–1907 гг. [Зырянов 1984: 202–212, 108–116, 28–41].

Часть работы «Русские монастыри и монашество...» также посвящена вопросам хозяйства. Разбираются вопросы о монастырских доходах, капиталах и имуществе, о монастырских богатствах и бедности, о социальных категориях поступающих в монашество, о специализации монастырей: миссионерские, «исправительные» и «рабочие» монастыри [Зырянов 2002: 70–117, 161–195].

История хозяйственных идей

Существуют также работы историков, посвященные истории хозяйственных идей в связи с православием. Как правило, эти работы посвящены периоду XIV–XVI вв., и в них, в числе прочего, затрагивается полемика о землевладении монастырей. Однако в центре внимания этих авторов находятся, например, вопросы народного идеала правды или борьбы идеологий, борьбы церкви с государством или полемика о еретиках и роли в решении их судьбы церкви и государства. Соответственно, хозяйственные вопросы имеют подчиненное значение, им уделяется сравнительно немного внимания. Тем не менее, эти работы историков имеют определенное значение для исследования, например, православной этики труда и хозяйства. Назовем некоторые публикации такого рода: «Вассиан Патрикеев и его сочинения» Н.А. Казаковой [Казакова 1960], «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI веков» Я.С. Лурье [Лурье 1960], «Народная социальная утопия в России» А.И. Клибанова [Клибанов 1977].

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДРУГИХ ДИСЦИПЛИН В ИЗУЧЕНИЕ СВЯЗЕЙ ПРАВОСЛАВИЯ И ХОЗЯЙСТВА: ЭТНОГРАФИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЗЕМСКАЯ СТАТИСТИКА

Определенный вклад в изучение православной жизни в России внесли **этнографы**. По понятным причинам этнографы в России долго не занимались православием, и основные работы по данной теме написаны ими уже в советское время¹⁷. Как правило, их темой

¹⁷ Своеобразным (и достаточно полезным) этнографическим источником досоветского периода может служить работа П.Ф. Федорова «Соловки». Книга и подход П.Ф. Федорова значительно отличаются практически от всех описаний своего времени и представляют собой одно из немногих в отечественной науке ясное описание быта и деятельности (в том числе и хозяйственной) православного монастыря XIX в.

Доктор медицины П.Ф. Федоров состоял судовым врачом на военной винтовой шхуне «Полярная звезда». В 1882–1886 гг. шхуна более двух месяцев стояла в соловецкой гавани Благополучия, и автор имел возможность подробно ознакомиться с бытом Соловецкой обители. Вот список тем, которые разбирает П.Ф. Федоров: климат, общий вид природы,

являлось «народное православие», восхождение к идеям православия от обрядов, смысл тех или иных обрядов. Основные исследования, относящиеся к нашей теме, группируются вокруг аграрных праздников и аграрного календаря.

Упомянем несколько работ. Например, работа Г.А. Носовой «Язычество в православии» посвящена таким вопросам, как крестьянский агро-хозяйственный календарь, связь культа святых с древним язычеством, культ «явленных» икон и «святых» мест, скотоводческий культ. Работа написана на этнографических материалах, относящиеся к центрально-русским областям (бывшим Владимирской, Ярославской, Костромской, Тверской, Рязанской и другим губерниям) и Поволжью [Носова 1975: 41]. <...>

Исследователи-этнографы пытались установить смыслы тех или иных топонимов, ритуальных действий, заговоров (как во время праздников, так и в другие периоды жизни крестьян), связанных с хозяйством. Однако в советское время вариативность построения объяснительных и интерпретативных схем была сильно сужена, что вынуждает поставить под сомнения многие подобные положения советских ученых¹⁸.

В 2001–2002 гг. издательством «Наука» были выпущены два сборника статей, написанных по материалам этнографических проектов. Первый («Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований» [Православная жизнь... 2001]) целиком посвящен крестьянству, второй («Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: Этнографические исследования и материалы» [Православная вера... 2002]) рассказывает о религиозной жизни нескольких сословий и социальных групп царской и советской России.

Более или менее непосредственное отношение к нашей теме имеют четыре статьи: «Тайная милостыня» Л. Тульцевой, «Религиозные представления купечества и других сословий по материалам духовных завещаний» И. Кремлевой, «Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства» С. Кузнецова и «Трудовое воспитание в крестьянской среде» Т. Листовой. Статьи описывают те или иные стороны православного быта, более с обрядовой и внешней сторон.

Некоторые интересные результаты о связи православия и хозяйства были получены **географами**. В первую очередь, здесь стоит указать работы М.К. Любавского: например, обстоятельный курс лекций «Историческая география России в связи с колонизацией», прочитанный им в московском университете (издан в 1909 г. и переиздан в 2000 г.).

В «Исторической географии России...» монастырской колонизации посвящены три самостоятельные главы: «Монастырская колонизация в северо-восточной Руси в XIII–XVII вв. и ее результаты», «Оценка роли и значения монастырей в заселении России» и «Роль монастырей в обрусении инородческого населения севера». В качестве источников для своего исследования М. Любавский использовал актовый материал и свидетельства иностранцев, приезжавших в Россию в период активной монастырской колонизации, – Флетчера и Герберштейна. В тексте описываются типы самостоятельных монастырских

состав населения (монашествующие, даровые рабочие богомольцы, трехдневные богомольцы, богомольцы второй половины навигации, наемные рабочие Соловецкого монастыря, военные, ссыльные и арестанты), жилища, освещение, одежда и белье, баня и прачечная, питание, богомольческая или нижняя трапезная, рабочая трапеза, питание крестьян разных губерний, администрация, экономическое состояние, ремесленное значение, образовательное значение. Отдельный очерк посвящен причинам паломничества русских людей на Соловки.

¹⁸ По указанной теме из советской этнографии см.: [Андрианов и др. 1966; Вопросы преодоления... 1966].

поселков и состав населения в них, рассматривается влияние монастырей на расселение крестьянской массы. Описаны монастырские починки, деревни, села, слободы и посады, города и селения, выросшие вокруг монастырей. Дается оценка процессам «обрусения» местных жителей под влиянием приезжих православных монахов.

Разбирая работы географов, посвященные православию, нужно сказать, что самостоятельной экономической географии православия или каких-либо других конфессий в России, по-видимому, не существует. Однако есть работы, в которых содержатся либо довольно ценные фактические сведения для описания православия с этой стороны, либо полезные концептуальные разработки.

Для иллюстрации первой части тезиса можно привести работу С.Г. Сафронова «Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект» [Сафронов 2001]. Ценным для нас материалом в работе является глава «Православное пространство в географическом измерении», в которой рассматриваются география общин Русской православной церкви в конце XX в., современное состояние системы монастырей РПЦ и проблемы развития системы православного духовного образования. Указанные разделы сопровождаются картами, на которых показано число православных объектов (общин, монастырей, духовных образовательных заведений). Также указана доля этих объектов в процентах от общего их числа в пределах «канонической территории» РПЦ. Данные материалы могут служить значительным подспорьем при организации репрезентативных полевых исследований.

Если обращаться ко второму направлению – концептуальных ресурсов для описания православия и хозяйства внутри или на стыке с географией, то в качестве примера можно привести работу Морской арктической комплексной экспедиции. Экспедиция занимается исследованиями конкретных природно-культурных объектов, в том числе и хозяйственных. Например – природно-культурный комплекс Соловецкого архипелага. Учеными этого направления используются такие понятия, как «культурный ландшафт», «территория наследия» и т.д. [Боярский 1990; Веденин 1990; Столяров 1996, 2001].

Отдельно стоит сказать о **земских статистиках**, представивших первые подробные описания русской деревни, которые стали в определенном смысле альтернативой государственной статистике. Земские статистики уделили довольно значительное внимание хозяйству сельской общины. Однако православие в основном оставалось вне фокуса их исследований. Подробнее см.: [Ермолаев, Забаев 2001].

Творчество С.Н. Булгакова

Отдельно стоит выделить работы отца Сергия Булгакова «второго» периода творчества, посвященные проблеме и понятию хозяйства, а также попытке разработки православного учения о хозяйстве¹⁹. С.Н. Булгаков – практически единственный представитель русской религиозной философии, пытавшийся последовательно и систематически осмыслить проблему хозяйства с точки зрения православия. В последнее время его работы снова получили некоторую (довольно значительную) популярность у представителей отечественных социальных и гуманитарных наук. Его книги и сборники статей

¹⁹ Условно, к «первому» периоду можно отнести работы, посвященные экономическим вопросам: «О рынках при капиталистическом производстве» (1897 г.), «Капитализм и земледелие» (1900 г.), «От марксизма к идеализму» (1903 г.). Работы «второго» периода – это книги, изданные в издательстве «Путь»: сборник «Два града» (1911 г.), «Философия хозяйства» (1912 г.), «Свет невечерний» (1917 г.). «Третий» период – практически полностью богословский: «Агнец Божий» (1933 г.), «Утешитель» (1936 г.), «Невеста Агнца» (1945 г.).

переиздаются. Появляются статьи, посвященные его творчеству. Собираются конференции – например, «Преодоление времени. Международная конференция, посвященная творческому наследию С.Н. Булгакова» [Преодоление... 1998].

Собственно, у Булгакова достаточно мало *научных* работ о православии. У о. Сергия была другая задача – не изучить православие и православное хозяйство, но, скорее, оправдать хозяйство для православной церкви и, таким образом, найти новый мотивационный импульс для отечественной экономики: «Экономические нужды России настолько очевидны и настоятельны, что не требуют пояснения, но, тем не менее, надлежащие оценки хозяйственной деятельности, понимание развития производительных сил, как общенародного дела, в нашем обществе еще недостаточны... Ибо... народное хозяйство есть не только механизм, но и активная деятельность человеческих личностей, а социальная жизнь есть не только борьба классов, но и сложная система взаимных обязанностей этих классов. И если личность, играющая роль фактора экономического развития, под определяющим влиянием своих этических и религиозных убеждений, то, стало быть, и то или иное религиозное самоопределение личности и вообще религия, как оказывающая влияние на все области жизни, также относится к числу важных факторов развития народного хозяйства. Поэтому, преследуя цель экономического оздоровления и обновления России, не следует забывать и о духовных его предпосылках, именно о выработке и соответствующей хозяйственной психологии, которая может явиться лишь делом общественного самовоспитания»²⁰ [Булгаков 1997: 125].

К научным текстам, в которых затрагивается разбираемая нами тема, относится в первую очередь сборник «Два града. Исследования о природе общественных идеалов» (1911 г.); также следует упомянуть крупные богословско-философские трактаты «Философия хозяйства» (1912 г.) и «Свет невечерний» (1917)²¹, в которых делается попытка разработки позитивного православного учения о хозяйстве (в «Свете невечернем» – не только о хозяйстве²²).

Также необходимо указать на критические материалы о творчестве С. Булгакова. Хорошая их подборка содержится в значительном по объему (около 1000 страниц) издании «С.Н. Булгаков: pro et contra» [С.Н. Булгаков... 2003]. Среди прочих статей по данной теме назовем статью Н.Н. Алексеева «Опыт построения философской системы на понятии хозяйства» [Алексеев 2003] и статью С.С. Хоружего «София – Космос – материя: устои философской мысли отца Сергия Булгакова» [Хоружий 2003].

²⁰ Статья, из которой взята цитата, написана в 1909 г. и вошла в сборник 1911 г. «Два града». Через год последует программная «Философия хозяйства», в которой Булгаков будет излагать онтологию хозяйства: «В настоящем томе выполнена только часть всего намеченного плана, именно: здесь рассматриваются общие основания хозяйственного процесса, его онтология. На долю второй части останется проблема оправдания хозяйства – его аксиология и эсхатология, в частности здесь должна быть исследована проблема об отношении плоти и духа (этика хозяйства) и о смысле истории и культуры. Однако основа для этих учений отчасти заложена и в настоящей части, которая в пределах своей проблемы может рассматриваться как законченное самостоятельное целое» [Булгаков 1993: 51–52].

²¹ Следует также упомянуть сборник отрывков из святых отцов, редактором которого являлся о. Сергий – «Социально-экономические воззрения отцов церкви» и «Курс по истории хозяйственных мировоззрений: Очерки по истории экономических учений». [Булгаков 1913].

²² Вот цель «Света невечернего»: «В этом собрание пестрых глав мне хотелось выявить в философствовании или воплотить в умозрении религиозные созерцания, связанные с жизнью в Православии» [Булгаков 1994: 3].

Некоторые современные работы (за исключением исторических)

Здесь мы перечислим современных авторов, чьи работы трудно однозначно отнести к какому-либо направлению, – сами себя они считают либо социологами, либо этнографами, либо историками, либо вообще не высказываются о своей принадлежности к той или иной дисциплине. Тем не менее, ими написан ряд очень важных текстов.

Т. Коваль

Работы Т. Коваль являются основными современными работами по проблемам хозяйственной и трудовой этики православия²³. Оставляя в стороне ее работы о православных сектах [Коваль 1993], остановимся более подробно на тех материалах, которые посвящены собственно православию. Таковы статья «Православная этика труда», опубликованная в журнале «Мир России» [Коваль 1994а], и фрагменты книги «Тяжкое благо. Христианская этика труда» [Коваль 1994в].

В статье разбираются православные принципы труда, дается сравнение с другими конфессиями (в книге компаративистике уделено большее внимание). Этические принципы во многом берутся автором статьи из житийной литературы²⁴ – из житий Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Иосифа Волоцкого, Нила Сорского; часто используются вторичные источники, в том числе работы С.Н. Булгакова, Г.П. Федотова, С.Л. Франка, прот. Г. Флоровского, И. Кологривова. <...>

Н. Зарубина

Одна из двух наиболее значительных, по крайней мере, по количественным характеристикам (число работ по теме), попыток исследования православной этики хозяйства принадлежит профессору Н.Н. Зарубиной. Среди наиболее важных ее работ монографии «Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства» (1998 г.), «Социокультурные основы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации» (1998 г.), «Бизнес в зеркале русской культуры» (2004 г.).

Большая часть результатов исследований автора собраны в последней книге «Бизнес в зеркале русской культуры». В разделе «Предприниматель и религия в зеркале русской культуры», посвященном православию, разрабатываются следующие темы: православие и предпринимательская этика; духовная культура и повседневное благочестие в православии; русский предприниматель – строитель храмов; практическая рациональность и символика православного храма; храм и рынок в русском городе; предприниматель в жизни прихода; предпринимательская деятельность церкви и монастырей в русской культуре.

Помимо общих тем укажем на ряд интересных находок автора. Например, описано различие между «хозяйством» и «трудом» в православном дискурсе. Интересным ходом стала попытка проанализировать художественную литературу, принадлежавшую условно не «либеральной интеллигенции», а имевшую «непосредственное» отношение к православию. Привлекаются сочинения И. Шмелева, П. Мельникова-Печерского, Д. Мамина-Сибиряка, В. Шишкова, Н. Островского.

²³ В СССР также выходили работы, посвященные социально-хозяйственной этике русского православия, см., например: [Копаница 1988; Красников 1981, 1986].

²⁴ Однако из статьи не ясно, знакома ли автор с традицией использования жития в качестве исторического или иного научного источника (имеются в виду фундаментальные работы Ключевского, Кадлубовского, Будовница и др.).

Н. Митрохин, М. Эдельштейн

Н. Митрохин – автор нескольких книг и порядка сотни статей, посвященных различным вопросам современного состояния и современных проблем РПЦ [Митрохин 2001; Экономическая... 2000; Митрохин, Тимофеева 1997; Митрохин 2004]. Рассмотрим некоторые из работ автора подробнее.

«Экономическая деятельность Русской православной церкви и ее теневая составляющая» – это неаольшая книга общим объемом порядка 200 страниц, включающая статью М. Эдельштейна «Церковная экономика Центральной России: приход, монастырь, епархия» [Экономическая... 2000: 9–54], статью Н. Митрохина «Русская православная церковь как субъект экономической деятельности» [Экономическая... 2000: 55–121], подборку фрагментов интервью, взятых М. Эдельштейном у священнослужителей Ивановской, Костромской и Ярославской епархий [Экономическая... 2000: 121–150]. В отдельный раздел (подготовлен Н. Митрохиным) выделены материалы о предприятиях: художественно-промышленном предприятии РПЦ «Софрино»; АО «Международное экономическое сотрудничество», в котором в определенный период его деятельности 40% акций принадлежали финансово-хозяйственному управлению Московской Патриархии²⁵; компании «Святой источник»; группе компаний «Ника»; фирме «Вертекс» и Фонде примирения и согласия (а также деятельности его главы Г. Сотниковой).

Рассмотрим подробнее две основных статьи сборника. Исследования этих авторов (в особенности Н. Митрохина) вызвали определенную критику со стороны как научной, так и православной общественности; при этом работы Н. Митрохина – практически единственные современные отечественные исследования, в которых используется сколько-нибудь систематически собранный эмпирический материал по данной теме.

В статье М. Эдельштейна «Церковная экономика Центральной России: приход, монастырь, епархия» разрабатываются следующие темы: экономика прихода (отдельное внимание уделяется сельским приходам, тактике конкурентной борьбы между приходом, диапазону цен на требы, источники доходов, способы увода в тень части доходов храма), экономика монастыря, экономика епархии (раздельно обследуются внешние и внутренние источники финансирования).

В статье Н. Митрохина «Русская православная церковь как субъект экономической деятельности» (написана на основе 100 интервью с активистами РЦП в Москве и Московской области, Владимире, Рязани, восьми регионах Северного Кавказа, Киеве, Западной Украине, Белоруссии, Молдове (включая Приднестровье), Узбекистане и Туркменистане, а также мониторинга светской и церковной прессы) обсуждаются следующие вопросы: «кормления» как система административного управления церкви, наличные деньги и неучтенный оборот наличности в церкви, источники дохода на разных уровнях церковной иерархии – на уровне храма, монастыря, епархии. Отдельные разделы посвящены источникам дохода Московской Патриархии и общецерковным отделам. Обсуждаются проблемы книжного бизнеса церкви и вторичной занятости духовенства. [Экономическая... 2000: 117].

В объемной монографии Н. Митрохина «Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы» (2004 г.) экономической деятельности РПЦ посвящено порядка пятидесяти страниц. В книге обсуждаются следующие темы: вотчинная система и ее финансовое отражение; экономика прихода (классификация приходов, доходы прихода,

²⁵ Четыре стратегических направления деятельности АО «Международное экономическое сотрудничество»: операции с нефтью, работа на финансовых рынках, торговля продуктами питания и потребительскими товарами, строительство (в качестве инвестора и генерального заказчика) [Экономическая... 2000: 155–161].

основные статьи расходов прихода, доходы и расходы священника); наличные деньги; доходы и расходы епархиальных управлений; производство и распространение православной продукции; налогообложение и льготы; храмостроители и жертвователи; формирование «церковного сектора» «большой» экономики.

Следует заметить, что независимо от того, как оценивать содержательные и методические особенности работы, монография на сегодняшний день является если не единственным, то одним из самых полных внецерковных описаний современной РПЦ.

Е.С. Элбакян и С.В. Медведко

Работа Элбакян и Медведко «Хозяйственно-экономическая деятельность русской православной церкви (теоретический и практический аспекты)» содержит четыре относительно самостоятельных раздела: христианские представления о хозяйственно-трудовой деятельности, хозяйственно-экономическая практика РПЦ (на примере русских православных монастырей), основные направления экономической и хозяйственно-предпринимательской деятельности РПЦ на современном этапе (1990–2000 гг.) и влияние современного религиозного сознания россиян на экономические взгляды [Элбакян, Медведко 2001].

Раздел «Христианские представления о хозяйственно-трудовой деятельности» в свою очередь состоит из двух частей: социально-экономические воззрения в раннем христианстве и современное видение хозяйственно-экономической и трудовой деятельности (сравнительный анализ православия, протестантизма и католицизма). Стоит заметить, что сделанные авторами выводы о хозяйственно-этической проблематике православия представляются как минимум недостаточно обоснованными.

Раздел «Влияние современного религиозного сознания россиян на экономические взгляды» представляет собой анализ данных полученных в ходе социологического опроса населения (видимо, России) РНИСиНП весной 2000 г. Данных о выборке и методике исследования не представлено. Приводятся распределения населения в процентах по следующим параметрам: самозачисление в разные доходные группы верующих и неверующих, распределение по доходам верующих и неверующих, доля испытывающих положительные ассоциации к разным экономическим понятиям среди верующих и неверующих и некоторые другие.

ДИССЕРТАЦИИ ПО ТЕМЕ «ПРАВОСЛАВИЕ И ХОЗЯЙСТВО», 1990–2004 гг.

В разделе аннотируются ключевые диссертации по данной теме. Полный перечень диссертаций приводится ниже, в разделе «Библиография».

Хохлова Т.А. Старообрядчество и развитие рыночного уклада в России. М.: Диалог-МГУ, 1997

В исследовании разбираются особенности хозяйственной этики и экономического поведения старообрядцев в зависимости от религиозной доктрины старообрядческой церкви. Помимо прочего, для исследования активно используются идеи, заложенные в «Домострое», памятнике, появившемся на свет значительно ранее оформления раскола в русской церкви. На этом основании можно утверждать, что работа может быть полезна и специалистам, изучающим проблемы официальной ветви русского православия.

Шамина И.Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. М.: ИРИ РАН, 2003

Внимание исследователя сосредоточено на «функционировании феодальной собственности на уровне средних и мелких духовных корпораций» [Шамина 2003: 3], какими являлись монастыри южной части вологодского уезда, – это интересно и ново, поскольку до сих пор

основное внимание историков было направлено на функционирование крупных феодальных вотчин. Диссертация посвящена изучению организации собственно хозяйственной деятельности в монастырской вотчине XVI–XVII вв. – теме, изученной недостаточно обстоятельно. В работе также освещаются следующие темы: хозяйственное освоение Комельской и Обнорской волостей, монастырские насельники и организация монастырского хозяйства. Описывается повседневная жизнь монастырей, в том числе связанная с регулярным поступлением в него вкладов.

Болдырева О.А. Толгский монастырь в XV – начале XX вв.: хозяйственная деятельность и братия. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Ярославль: ЯГУ им. П.Г. Демидова, 2003

Автором описана история становления монастыря и его хозяйства. Разные главы диссертации посвящены различным историческим периодам: от существования самостоятельного ярославского княжества до секуляризации церковных земель; в синодальный период переустройства православной церкви; накануне и в период Октябрьской революции. Работа построена на анализе архивных источников Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Ярославской области.

Пашенцев Д.А. Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. М.: МГСУ, 1995

В первом разделе «Православие и сущность милосердия» излагается православная концепция милосердия и благотворительности. Второй раздел «Роль церкви в развитии системы общественного призрения» посвящен описанию социальной ситуации в России и сложившейся системе общественного призрения. Описываются три уровня церковной благотворительности: общецерковный, епархиальный и местный. Изучены взаимоотношения церкви и государства в вопросах благотворительности и общественного призрения. Третий раздел «Формы приходской и монастырской благотворительности» посвящен благотворительности местного уровня (деятельности церковно-приходских попечительств). В четвертом разделе «Особенности церковной благотворительности в годы народных бедствий» обсуждается деятельность православной церкви в ходе эпидемий, голода, войн и т.д. «Церковь не всегда одинаково откликалась на народную беду» [Пашенцев 1995: 22] – размеры материальной помощи от случая к случаю различаются очень существенно, иногда на несколько порядков.

Терлеева Е.С. Хозяйственно-экономическая деятельность Русской православной церкви (на примере монастырей). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. М.: РАГС, 2000

Рассматриваются раннехристианские социально-экономические представления (на основе Библии и некоторых апокрифов). Анализируется отношение православия к различным сторонам хозяйственно-экономической деятельности (труда, предпринимательства, рынка), выявляется его специфика (в сравнении с протестантизмом). Прослеживается хозяйственная, торговая, финансовая деятельность монастырей православной церкви, начиная с XI в. вплоть до наших дней. Определяются основные направления в практической хозяйственно-экономической и предпринимательской деятельности РПЦ на современном этапе. Как кажется, исследование построено во многом непроблематично по отношению к существующим на сегодняшний день как историческим, так и социологическим отечественным и зарубежным исследованиям.

Камордин В.В. Православная концепция политического и социально-экономического развития России конца XIX в. – 1940-х гг. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Пензенск. гос. пед. ун-т им В.Г. Белинского, 2002

Автор анализирует эволюцию православной концепции социально-экономического развития за последние полтора столетия. Диссертация включает три главы. Первая посвящена историческим условиям и предпосылкам создания указанной концепции, вторая и третья описывают саму «концепцию» в разные исторические периоды. Стоит заметить, что в качестве источников значительное место занимают работы таких авторов, как Н. Бердяев,

С. Булгаков, П. Флоренский, И. Ильин, И. Киреевский, Л. Тихомиров, К. Победоносцев. Перечисленные авторы могут быть признаны религиозными философами, однако непонятно, насколько их взгляды следует описывать как «православную концепцию» (например, в «Основах социальной концепции РПЦ», на них нет ссылок).

Лаговский П.Б. Экономический механизм деятельности религиозных организаций: на примере Русской православной церкви. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.э.н. М., 2003

Исследование посвящено «теоретическим и практическим аспектам функционирования механизма деятельности религиозных организаций в современной смешанной экономике, в условиях проходящих в России системных общественно-экономических трансформаций [Лаговский 2003: 5]. В диссертации раскрываются следующие темы: роль и место некоммерческих организаций в системе социально-экономических отношений, особенности функционирования религиозных организаций в современной экономике; организационно-экономическая структура РПЦ. Дается исторический обзор экономики православной церкви в России. Предлагаются меры по совершенствованию экономического механизма деятельности религиозных организаций.

Фирсов А.Г. Церковные финансы и бюджетная политика российского правительства эпохи «великих реформ»: конец 1850-х – 1870-е гг. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2003

Диссертация посвящена финансово-бюджетной политике российского правительства «в тех ее мероприятиях, которые определяли либо изменяли положение церковных средств относительно других видов финансовой собственности, прежде всего государственной». Работа состоит из трех глав. Первая посвящена теории и практике государственного участия в финансировании церковной жизнедеятельности. Во второй главе автором описываются церковные средства и бюджетная реформа 1862 г.; отдельно разбираются правительственные разногласия по вопросу о контроле за синодальными капиталами. Третья глава посвящена финансам православной Церкви в пореформенном бюджете Российской империи. В приложениях автор приводит сведения о передаче в государственное казначейство капиталов, состоявших в распоряжении Святейшего Синода, перечень главных статей бюджетных расходов по ведомству Святейшего Синода и роспись расходов по ведомству православного вероисповедания в государственном бюджете Российской империи за 1863–1881 гг.

Бабаева А.В. Эволюция социальной концепции русской православной церкви во второй половине 20 века. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.филос.н. Н. Новгород, 2002

Исследование состоит из четырех параграфов (помимо введения и заключения), два из которых посвящены идеологии «коммунистического христианства» (которая не имеет ничего общего с марксизмом и, по-видимому, отличается от концепции христианского социализма), один описывает взаимоотношения православной церкви и советской власти с точки зрения социализации русского православия. Еще один параграф посвящен разбору современной социальной концепции РПЦ на базе «Основ социальной концепции Русской православной церкви»²⁶.

²⁶ В своих построениях автор опирается на работы проф. Л.Е. Шапошникова (являвшегося научным руководителем диссертанта), чьи работы пока мало знакомы читателю. См., например: *Шапошников Л.Е.* Консерватизм, новаторство и модернизм в православной мысли XIX–XX веков. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999; *Шапошников Л.Е.* В.С. Соловьев и православное богословие. М.: Знание, 1990; *Шапошников Л.Е.* Идеология славянофилов и современное православие. М.: Знание, 1985.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ХРИСТИАНСКИЕ НАЧАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭТИКИ»

В постсоветский период состоялись некоторое количество конференций, которые так и или иначе касались связей государства, общества, хозяйства, с одной стороны, и православной церкви, с другой. Среди них: «Социальное служение Русской православной церкви: исторический опыт и современное состояние (Сыктывкар, 1998 г.) [Социальное... 1998]; международная конференция «Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции» (Казань, 2–3 октября 1997 г.) [Религия... 1998]; международная конференция «Социальное учение православия в современном обществе» (Москва, 15–16 марта 2004 г.) [Международная... 2004].

Особо в связи с нашей темой стоит выделить интернет-конференцию «Христианские начала экономической этики», которая прошла в октябре 2000 г. на страницах журнала «Соборность» [<http://www.sobor.ru/doctrina>]. Конференция показала, насколько огромен интерес к этическим проблемам современной экономики. С самых разных позиций анализировались многие проблемы экономической этики. Такая полифоничность и разнообразие точек зрения объяснялись тем, что конференция объединила, с одной стороны, светских ученых, а с другой, – богословов основных христианских конфессий: православных, католиков и традиционных протестантов [Аринин 2001: 2]. По итогам конференции был выпущен сборник материалов. Статьи-доклады сгруппированы по восьми разделам: (1) христианское понимание собственности и хозяйства; (2) возможна ли христианская экономика; (3) христианская этика труда; (4) этика предпринимательства, (5) этические проблемы рыночной экономики; (6) разработка экономической этики в русской религиозной мысли: С. Булгаков; (7) специфика российской экономической культуры; (8) экономические аспекты деятельности церкви. [Христианские ... 2001: 255–256].

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ РПЦ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В 2000 г. На Юбилейном архиерейском соборе РПЦ были приняты «Основы социальной концепции Русской православной церкви» [Основы... 2000]. За всю историю Православия в России – это первый официальный (доктринальный) документ по социальной и хозяйственной проблематике.

«Основы ...» вызвали определенный резонанс в массовой печати. Однако основное внимание тех, кто пожелал отреагировать на концепцию, было сосредоточено на вопросах свободы совести, межконфессиональных взаимоотношений, СМИ и др. [см. обзор публикаций в сборнике под ред. М.П. Мчедлова «О социальной концепции русского православия»: О социальной... 2002].

Хозяйственная же тематика, анализировалась очень редко. Можно выделить один развернутый комментарий на хозяйственные фрагменты «Основ...» – это работа В. Кандалинцева «Экономические аспекты социальной концепции Русской православной церкви» [Кандалинцев 2001]. Есть также несколько статей и выступлений на конференциях, чаще всего обще-обнадеживающего характера («наконец-то появилось хотя бы что-то») [Видеман, Костюк 2004; Сомин 2004]. Интересна другая тенденция – появление работ, которые ссылаются на «Основы...», вводя таким образом этот текст в современную дискуссию по соответствующим проблемам. Таковы, например, статьи декана экономического факультета Православного университета Э. Афанасьева [Афанасьев 2004], О. Шведова, читающего курс в Московской духовной академии [Шведов 2003] или председателя ОВЦС митрополита Кирилла (Гундяева) [Митрополит Кирилл... 2002, 2003].

Следом за «Основами...» в 2004 г. вышел «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании» [Свод... 2004]. Но реакция на него была еще скромнее, нежели на предыдущий текст (к слову, в подготовке текста участвовали такие ученые, как В. Мау и С. Глазьев).

Нам известно только одно интересное обсуждение этого текста, состоявшееся в студии радиостанции «Эхо Москвы». В обсуждении принимали участие священник храма Козьмы и Доминана отец Георгий (Георгий Чистяков), ведущий сотрудник Института социологии РАН, к. соц. н. Михаил Черныш, председатель Совета директоров «Импэксбанка» Олег Киселев [Обсуждение «Свода...»].

В целом, оба доктринальных текста не имели значительного резонанса. В них отсутствуют высказывания по многим значимым вопросам, что затрудняет распространение и восприятие концепций. Таковы, например, вопросы секуляризации или виртуальной, «знаковой» экономики – все то, что не может быть отнесено к так любимому православными авторами «реальному» сектору; под вопросом, например, банковская сфера (и проблема ростовщичества)²⁷ и др.

Библиография

Общая

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1–3.

Андреева Л.А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимации политической власти в России. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001.

Андрианов Н.П., Лопаткин Р.А., Павлюк В.В. Особенности современного религиозного сознания. М., 1966.

Аничков Е.В. Микола Угодник и св. Николай // Записки нефилологического общества при имп. СПб. ун-те. Вып. 2. № 2. СПб., 1892.

Анохина Л., Шмелева Л. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964.

Аринин А. Предисловие к сборнику «Христианские начала экономической этики» // Христианские начала экономической этики. Сборник материалов международной Интернет-конференции. М., 2001.

Артёмьева Т.В. Общество «массового атеизма», или что такое «русский бог» // Религия и свободомыслие в культурно-историческом процессе. Межвуз. сб. под ред. проф. С.Н. Савельева. СПб., 1991.

Афанасьев Э. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993. № 8.

Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Томск, 1992.

Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика предпринимательства // Вестник РАН. 1993. № 11.

Батюшков Ф.Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891.

Белякова Е.В. Русская рукописная традиция Скитского устава // Монашество и монастыри в России XI–XX вв. Исторические очерки. М.: Наука 2002 С. 150–163.

Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1966.

²⁷ Судя по некоторым популярным публицистическим православным текстам, проблема ростовщичества никуда не делась, и банковские операции продолжают оставаться сомнительными с нравственной точки зрения. См., например: [Волобаев 1997: 87–88; Как быть богатым и праведным 1996: 7].

- Бородай Ю.* Возможна ли в России протестантская этика? // Наш современник. 1990. № 10.
- Бородай Ю.* Третий путь // Наш современник. 1991. № 9.
- Боярский П.В.* Введение в памятниковедение / Сов. фонд культуры, Центр комплекс. подвод. исследований, Информ. центр гуманит. исследований, НИИ культуры и др. М., 1990.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966.
- Булгаков С.Н.* Очерки по истории экономических учений. Вып. 1. М., 1913.
- С.Н. Булгаков: pro et contra. Т. 1 / Сост., вступ. статья и коммент. И.И. Евлампиева. СПб.: РХГИ, 2003.
- Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч. в 2 т. Т. 1 / Сост., вступ. статья, прим. С. Хоружего. М.: Наука, 1993.
- Булгаков С.Н.* Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве // История экономической мысли. Т. 1. Вып. 3. М., 1916.
- Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
- Булгаков С.Н.* Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
- Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне в первой четверти XVIII в. М., 1977.
- Булыгин И.А.* Вопрос о секуляризации духовных вотчин в правительственной политике 20-х – начала 60-х гг. XVIII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 299–312.
- Буркин И.* Монастыри в России, их эксплуататорская и контрреволюционная роль. М., 1931.
- Василенко Н.* Монастырские вотчины и доходы // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Евфрон. СПб., 1896. Т. 38.
- Вдовина Л.Н.* Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Веденин Ю.А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1.
- Веселовский С.Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. Исторические записки 1941. Кн. 10.
- Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. М.–Л., 1947.
- Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана Грозного, как исторический источник // Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 323–478.
- Водарский Я.Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII вв. // Историческая география России: XII – начало XX в. Сб. статей к 70-летию Л.Г. Бескровного. М., 1975.
- Прот. Ван дер Воорт.* Практика и богословие благотворительности в РПЦ // Путь православия. 1993. № 2.
- Вопросы преодоления конкретных религиозных пережитков в СССР. М.–Л., 1966.
- Свяц. И. Воскресенский.* Летопись села Акиншина Вязниковского уезда // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 2. 1878.
- Вотчинные хозяйственные книги: вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. М.–Л., 1983.

- Гарфункель А.Х.* Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI в. // Ученые записки Карело-Финского пединститута. Т. II. Вып. 1. Серия общественных наук. б.г.
- Глаголев А.* Христианская экономия в свете насущных задач экономической реформы в России // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 60–71.
- Гловели Г.* Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения. // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 113–125.
- Гордиенко Н.С.* Современное православие. М., 1968.
- Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.: О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977.
- Горская Н.А. Данилова Л.В. и др.* Собственность в России: средневековье и раннее новое время. М., 2001.
- Горчаков М.* Монастырский приказ. СПб., 1968.
- Греков Б.Д.* Новгородский дом Святой Софии // Греков Б.Д. Избранные труды. Т. IV М., 1960. С. 7–436.
- Греков Б.Д.* Очерки по истории хозяйства Новгородского дома Софийского дома XVI–XVII вв. // Греков Б.Д. Избранные труды. Т. III. М., 1960 С. 40–191.
- Григорьева Ю.Е.* Протестантская этика и традиции православия: есть ли противоречие? // Уроки Макса Вебера. Сб. науч. трудов / Сост. Е.И. Хаванов. М.: МГПИ, 1996. С. 47–51.
- Домострой: Как устроить свой быт богоугодно, а жизнь свято. М.: Паломникъ, 2002.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Ефименко А.Я.* Крестьянское землевладение на севере // Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. 1884.
- Ермолаев А., Забаев И.* К вопросу о методике земских статистических исследований // Социологические исследования. 2001. № 11. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Жижко Е.В.* Российская трудовая этика в социально-психологическом контексте экономической реформы // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / Отв. ред. И.А. Бутенко. М.: МОНФ, 2000.
- Жмакин В.* Русское общество в XVI в. СПб., 1880.
- Зарубина Н.Н.* Российское предпринимательство: идеи и люди // Вопросы экономики. 1995. № 7.
- Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Магистр, 1998.
- Зарубина Н.Н.* Социокультурные основы хозяйственного развития: М.Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998.
- Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5. <http://ecsocman.edu.ru/ons>
- Зарубина Н.Н.* Бизнес в зеркале русской культуры. М.: Анкил, 2004.
- Заусцинский А.* Быт русского общества XVI-го столетия по Домострою // Варшавские университетские известия. 1879. № 4. Неофиц. отд. С. 1–19.
- Зейпель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. М., 1913.
- Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977.

- Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб.: Издательский дом «Коло», 2003.
- Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М., 1975.
- Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / Отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1984.
- Ивина Л.И.* Крупная монастырская вотчина Северо-восточной Руси в конце XIV – первой половине XVI в. в трудах дореволюционных и советских историков // История и историки. Историографический ежегодник. 1972 г. М., 1973. С. 142–155.
- Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель России в XIV–XVI вв. Л., 1985.
- Ивина Л.И.* Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря // ВИД. Вып. II. Л. 1969.
- Из истории экономической мысли и народного хозяйства России / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. Вып. 1, 2. М., 1993.
- Ипатов А.* Православие и русская культура. М., 1985.
- Кадлубовский А.* Русские жития XV–XVI вв. и современные им направления русской религиозной мысли // Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы «Житий святых». Варшава, 1902. С. 161–373.
- Казакова Н.А., Лурье Я.И.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–XVI вв. М., 1955.
- Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.–Л. 1960.
- Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970.
- Каиштанов С.М.* Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) // Записки ОР ГБЛ. Вып. 28. М., 1966. С. 96–142.
- Каиштанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
- Каиштанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга актов Павло-Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли, 2001. Ростов, 2002. С. 388–389.
- Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV–XVII вв. М., 1960.
- Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России: период феодализма. М., 1977.
- Клибанов А.И.* Из мира религиозного сектантства М., 1974.
- Клибанов А.И.* О методологии изучения религиозного сознания // Вопросы научного атеизма. Вып. II. Психология и религия. М., 1971.
- Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект-пресс, 1996.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник // Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль, 2000. С. 5–308. (а)
- Ключевский В.О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в беломорском крае // Ключевский В.О. Православие в России. М.: Мысль 2000. С. 462–489. (б)
- Коваль Т.Б.* «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда // Мир России. 1993. № 1.
- Коваль Т.Б.* Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. С. 54–96. (а)
- Коваль Т.Б.* Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 6. <http://ecsocman.edu.ru/ons>. (б)

- Коваль Т.Б.* «Тяжкое благо». Христианская этика труда. Православие. Католицизм. Протестантизм. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. (в)
- Колесов В.В.* Домострой, как памятник средневековой культуры // Домострой / Сост., подг. текста и пер. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб.: Наука, 2001. С. 301–356.
- Колычева Е.И.* Приходно-расходные книги XVI в. как источник по истории монастырского хозяйства // Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. С. 45–61.
- Комисаренко А.И.* К вопросу о формировании антикрепостнического у русского крестьянства середины XVIII в. (по материалам духовных вотчин) // Материалы 15-й сессии симпозиума по проблемам аграрной истории. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 162–174.
- Комисаренко А.И.* Абсолютистское государство России и духовные земельные собственники в борьбе за землю, крестьян и ренту // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 129–138.
- Комисаренко А.И.* Волнения крестьян вятских духовных вотчин в 40–50-х гг. XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1965.
- Комисаренко А.И.* Ликвидация церковной земельной собственности и русское общество (отношение духовенства, дворянства и крестьянства к секуляризационной реформе 1764 г.) // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 313–334.
- Конкретные исследования современных религиозных верований / Ред. А.И. Клибанов. М., 1967.
- Копанев А.И.* Правотворчество и правосознание северного крестьянства в XVI–XVII вв. // Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры. Вологда, 1980.
- Копаница М.М.* Современные социальные концепции русского православия. Харьков: Высшая школа, 1988.
- Корецкий В.И.* Борьба крестьян с монастырями в России XVI – начала XVII вв. // Вопросы религии и атеизма. Вып. VI. М., 1958.
- Корзо М.А.* Образ человека в проповеди XVII в. М., 1999.
- Костомаров Н.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992.
- Красников Н.П.* Православная этика: прошлое и настоящее. М., 1981.
- Красников Н.П.* Эволюция социально-этических воззрений русского православия. М., 1986.
- Красников Н. П.* Эволюция социальной концепции православия // Вопросы истории. 1970. № 9.
- Кудрявцев О.Ф.* Жажда наживы и религиозное благочестие (о принципах хозяйственного мышления в средние века) // Экономическая история: Проблемы. Дискуссии. М., 1993. С. 36–63.
- Кудюкина М.М.* Труд в системе ценностей русского народа // Этика и организация труда в странах Европы и Америки. М., 1977.
- Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977.
- Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2004.
- Куприянов А.И.* Труд и богатство: проблемы менталитета русского купечества дореформенной эпохи // Российское купечество от средних веков к новому времени. Тезисы докладов научной конференции. Москва, 2–4 ноября 1993 г. / Отв. ред. А.В. Семенова. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 134–136.

- Курукин И.В.* Данные источников о «нестяжательстве» Сильвестра // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 43–45.
- Лешков*, проф. Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии. Б.м., Б.г.
- Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Труды по знаковым системам. Вып. 2. Тарту, 1965.
- Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.–Л., 1960.
- Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000.
- Любавский М.К.* Некоторые черты из деловой поездки монахов Сийского монастыря в Москву в XVII в. // Известия Археологического общества русского Севера. 1919. № 5–6.
- Любинецкий Н.А.* Землевладение церквей и монастырей в Российской империи. СПб., 1900.
- Мак-Киббен К.-М. Т.* Новая советская экономика. Как она будет выглядеть? Новый взгляд на динамический баланс между «стяжателями» и «нестяжателями». (Историческая перспектива) // Этика и организация труда в странах Европы и Америки: Древность. Средние века. Современность. М., 1997.
- Маньков А.Г.* Цены и их движение в русском государстве XVI в. / Ред. И.И. Смирнов; АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Милютин В.* О недвижимых имуществах духовенства в России. СПб., 1862.
- Миронов Б.Н.* Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10. <http://ecsocman.edu.ru/socis>
- Митрохин Н., Тимофеева С.* Епископы и епархии Русской православной церкви. М., 1997.
- Митрохин Н.* Церковная экономика // Отечественные записки. 2001. № 1.
- Митрохин Н.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Монашество и монастыри в России XI–XX вв. Исторические очерки. М.: Наука, 2002.
- Мчедлов М.П., Филимонов Э.Г.* Религиозный фактор в формировании экономики // Предпринимательство. Политика. Наука. 1996. № 1.
- Найденова Л.П.* Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права) / Отв. ред. член-корр. РАН Я.Н. Щапов. М.: Изд-во Московского Сретенского монастыря, 2003.
- Николаева С.В.* Вклады и вкладчики в Троице-Сергиев монастырь в XVI–XVII вв. // Церковь в истории России. М., 1997. С. 81–107.
- Новосельский А.А.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. Т. IV. М.–Л., 1949.
- Носова Г.А.* Язычество в православии М.: Наука, 1975.
- Овсиенко Ф.Г.* Особенности формирования социальных доктрин православия и католицизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2001. № 2. С. 71–81.
- Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. / Сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. СПб., 1998.
- Организация труда и деловая этика. Древность, Средние века, современность / Отв. ред. В.Л. Мальков, Л.Т. Мильская. М., 1993.
- Орлов А.С.* Иисусова молитва на Руси в XVI веке. СПб., 1914.

- Панченко А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.
- Патрушкевич А.С.* Общерусский дневник церковных, народных, семейных праздников и хозяйственных занятий, примет и гаданий. Львов, 1866.
- Пашков В.В.* Монашество на Руси в зеркале статистики // Наука и религия. 1990. № 2.
- Пащенко Е.В.* Особенности структуры и социальной деятельности Сурского женского монастыря в Архангельской губернии конца XIX – начала XX вв. Архангельск, 2003.
- Перхавко В.Б.* Монастыри и торговля в домонгольской Руси // Церковь в истории России. М., 1997. С. 123–130.
- Петров В.* Монастырская гольщина // Дела и дни. 1923. Т. 3.
- Платонов Д.* Православие в его хозяйственных возможностях (заметки историка-экономиста) // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 82–87.
- Поланыи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2.
- Полищук И.С.* Православие в духовной и практической жизни крестьянства. Начало XX века. Тверь, 2000.
- Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
- Полознев Д.Ф.* Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 283–293.
- Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: Этнографические исследования и материалы / О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2002.
- Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001.
- Преодоление времени. (По материалам международной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова). Издание Моск. ун-та. М., 1998.
- Прокофьева Л.С.* Вотчинное хозяйство в XVII веке. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.–Л., 1959.
- Прошин Г.* Черное воинство: русский православный монастырь. Легенды и быль. М., 1985.
- Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978.
- Ржига В.Ф.* Из полемики иосифлян и нестяжателей // Известия АН СССР. 1929. Сер. 7. № 10. С. 807–816.
- Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.
- Романенко Е.В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002.
- Ростиславов Д.И.* О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг: Franz Wagner, 1866.
- Ростиславов Д.И.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб.: Типогр. Морского министерства, 1876.
- Русское православие: вехи истории / Ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989.

- Рущинский Л.П.* Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков // Чтения ОИДР. 1871. Кн. 3. Отд. 1. С. 1–338.
- Рыдзюнский П.Г.* Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 1. М., 1950. С. 188–248.
- Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927.
- Савич А.А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации русского севера XIV–XVII в. // Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском ун-те. Вып. III. Пермь, 1929. С. 47–117.
- Савич А.А.* Вклады и вкладчики в севернорусских монастырях XV–XVII вв. Пермь, 1929.
- Сапрыкин В.А.* Трудовой коллектив: атеисты и верующие. М.: Политиздат, 1990.
- Сафронов С.Г.* Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект. М.: Моск. центр Карнеги, 2001.
- Сафронов С.Г.* Система православных монастырей в географическом измерении // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 1.
- Сафронов С.Г.* Территориальные аспекты организации российских конфессий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «География». 1998. № 6.
- Седнев В.П.* Время и богатство в русском земледельческом календаре // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Вып. 1. Ч. 2. С. 330–345.
- Семенченко Г.В.* Митрополичья кафедра в борьбе за землю (об одной подделке 1460–1490 гг.) // Церковь, общество и государство в феодальной России / Отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 164–167.
- Селезнев А.И.* Христианство и религиозно-хозяйственные общины: история и современность. Краснодар: Советская Кубань, 2000.
- Синелина Ю.Ю.* Секуляризация в социальной истории России М.: Academia, 2004.
- Смолич И.К.* Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997.
- Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1892.
- Соколова Н.В.* Хозяйственно-торговая деятельность Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII веке // Верхнее и среднее Поволжье в период феодализма. Межвуз. сб. науч. трудов. Горький, 1985.
- Соколова Н.В.* Роль Макарьевского Желтоводского монастыря в хозяйственном и культурном развитии Нижегородского края в XVII – первой четверти XVIII века // В память отечества: материалы научных чтений. Горький, 1989.
- Социально-политическая проблематика в современном христианстве / Под ред. А.И. Ионова и др. М.: АОН, 1990.
- Столяров В.П.* Монастырское хозяйство Муксалмы (очерк быта и истории) // Соловецкие острова. Т. 2. Большая Муксалма / Под общ. ред. П.В. Боярского; М-во культуры РФ; РАН; РГО. М., 1996. С. 12–27.
- Столяров В.П.* Учет духовных ценностей сакральных комплексов в идеологии управления культурным наследием (на примере Соловецкого архипелага) // Информкультура РГБ. Вып. 2. М., 2001.
- Столяров В.П.* Образы Святой Земли на Соловецких островах // Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем. 2002. Ноябрь–декабрь. С. 3–17.

- Сторожев В.К.* К истории сельскохозяйственного быта костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей. М., 1894.
- Сторожев В.К.* Монастырское землевладение на Востоке по данным 1627–1630-х годов // Сборник в честь В.О. Ключевского. М., 1909.
- Сторчак В.М., Макеев А.В.* Протестантизм и православие: этос труда и предпринимательства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. 2000. № 1.
- Тихомиров М.Н.* Монастырь – вотчинник XVI века // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 130–160.
- Толок И., Богомолова Р.* История тверского села М., 1996.
- Фальцман В.* Российское предпринимательство с позиций христианской морали // Вопросы экономики. 2000. № 8.
- Федоров П.Ф.* Соловки. Кронштадт: Типогр. Кронштадтского вестника, 1889.
- Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Избр. ст. по философии русской истории и культуры: в 2-х т. / Сост., вступ. ст., прим. В.Ф. Байкова. СПб., 1991.
- Федотов Г.П.* Русская религиозность. Ч. I–II // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. М.: Мартис, 2001–2004. Т. X, XI.
- Характеристика русского общества XVI века по Домострою // Ярославские епархиальные ведомости. 1890. Часть неофициальная. № 3. Стб. 36–48; № 4. Стб. 63–64.
- Холодков В.* Православные традиции в российском землевладении // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 97–105.
- Хорихин В.В.* Рукописные тексты Домостроя XVI–XVIII вв. История издания и изучения. Сергиев Посад, 2002.
- Хрущов И.* Исследования о сочинениях преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868.
- Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Церковь в истории России. Критические очерки. М., 1967.
- Церковь в истории России. М., 1997.
- Человенко Г., Кононова Е.* Благотворительность в истории Русской православной церкви: Учеб. пособие. Орел: Изд-во Социально-образовательного центра, 1997.
- Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI вв.: В 2 ч. Ч. I. М.–Л., 1946; Ч. 2. М.–Л., 1951.
- Шилов В.В.* Религиозная благотворительность как социокультурный феномен в истории России // Милосердие и благотворительность в российской провинции: тез. докл. Всерос. конф., 22–23 марта 2002 г. Екатеринбург: Центр «XX век в судьбах интеллигенции России», 2002. С. 120–121.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В.* Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. Т. 9. № 1. С. 3–56.
- Шорохов Л.П.* Корпоративно-вотчинное земледелие и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. (Развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1983.
- Шпакова Р.П.* Российское реформаторство глазами Макса Вебера // Уроки Макса Вебера. Сб. науч. трудов / Сост. Е.И. Хаванов. М.: МГПИ, 1996. С. 26–34.

Штайндорф Л. Кто ближние мои? Индивид и культура поминовения в России раннего нового времени // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы. М., 2000. С. 208–239.

Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XV вв. М., 1972.

Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989.

Щепетов К.Н. Сельское хозяйство в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // Исторические записки. 1946. Т. 18.

Экономическая деятельность Русской православной церкви и ее теневая составляющая / Н.А. Митрохин, М.Ю. Эдельштейн; отв. ред. и авт. предисл. Л.М. Тимофеев. М.: РГГУ, 2000.

Элбакян Е.С., Медведко С.В. Хозяйственно-экономическая деятельность русской православной церкви (теоретический и практический аспекты). М.: Книжный дом «Университет», 2001.

Элбакян Е.С. Милосердие и благотворительность в лоне русского православия: прошлое и настоящее // Милосердие. Учеб. пособие / Под ред. М.П. Мчедлова. М.: РОССПЭН, 1998. С. 59–88.

Элбакян Е.С. Протестантство и бизнес // Уроки Макса Вебера. Сб. науч. трудов / Сост. Е.И. Хаванов. М.: МГПИ, 1996. С. 43–47.

Этика и организация труда в странах Европы и Америки: Древность. Средние века. Современность. М., 1997.

Юшков С.В. Очерки по истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913.

Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.

Buss A. Die Wirtschaftsethik des russisch-orthodoxen Christentums. Heidelberg, 1989.

Davis N. A Long Walk to Church: A Contemporary History of Russian Orthodoxy. Boulder, Colo.: Westview press, 2003 (1995).

Ellis J. The Russian Orthodox Church. Triumphalism and Difensiveness. N.Y.: St. Martin's Press, 1996.

Ellis J. The Russian Orthodox Church. A Contemporary History. L.: Routledge, 1988.

Pounicy C. J. The Domostroy as a Source for Moscovite History. Ph.D. Dissertation, Stanford University, 1985.

Доктрины и полемика по ним

Основы социальной концепции Русской православной церкви; Деяние юбилейного освященного архиерейского собора Русской православной церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников российских XX века / Юбилейный архиерейский собор Русской православной церкви, Москва, 13–16 авг. 2000 г. М.: Святогор, 2000 и др. издания.

Основы социальной концепции Русской православной церкви / Юбилейный архиерейский собор Русской православной церкви, Москва, 13–16 авг. 2000 г. Печоры: Св.-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2000 и др. издания.

Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании // Образовательный портал учебного комитета РПЦ. http://www.bogoslov.ru/uchkom/doc/other_documents/vrns_04022004.html

Митрополит Кирилл (Гундяев). Вызовы современной цивилизации: Как отвечает на них православная церковь? Член Священного Синода русской православной церкви

митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл отвечает на вопросы читателей. М.: Даниловский благовестник, 2002

Митрополит Кирилл (Гундяев). Общественное служение Церкви // Основы социальной концепции Русской православной церкви. М.: Даниловский благовестник, 2000. С. 3–27.

Митрополит Кирилл (Гундяев) Область повышенного риска. Православие и экономическая этика // Православная беседа. 2003. № 2. С. 2–6.

Афанасьев Э. Сообразно с волей Божией. Имущественные отношения с позиций православной церкви // Православная беседа. 2004. № 4. С. 44–49 (комментарий к «Основам социальной концепции...»).

Афанасьев Э. Честное предпринимательство. Духовные основы нравственной экономики // Православная беседа. 2004. № 2. С. 34–38 (комментарий к «Основам социальной концепции...»).

Вениамин (Новик), игумен. Анализ 1–5 глав «Основ социальной концепции Русской православной церкви» // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 67–75. <http://ecsocman.edu.ru/socis>

О социальной концепции русского православия / Под общ. ред. М.П. Мчедлова; ИЦ «Религия в современном обществе». М.: Республика, 2002.

Сомин Н. Служите друг другу. Социальная доктрина православия и идея личного спасения // Православная беседа. 2004. № 3. С. 22–27.

Публикации (в первую очередь Н. Сомина) на сайте «Христианский социализм как национальная идея»: <http://chri-soc.narod.ru/>

Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. М.: Ковчег, 2003.

Кандалинцев В. Экономические аспекты социальной концепции Русской православной церкви. М., 2001. <http://godbless.boom.ru/index.html>

Костюк К. «Новые вещи» или старые каноны? // Религия и СМИ. 2004. 23 марта. <http://www.religare.ru/print8806.htm>

Видеман В. Богословие труда: Социальная доктрина Русской православной церкви в свете институционального толкования. <http://imperativ.net/imp6/konzil.html>

Обсуждение «Свода нравственных принципов и правил в хозяйствовании» на радиостанции «Эхо Москвы». 2004. 7 февраля. <http://www.echo.msk.ru/programs/kitchen/24686/>

Как быть богатым и праведным? Волгоград: Волгогр. комитет по печати, 1996.

Волобаев А. Как выжить православному предпринимателю в современном российском бизнесе. Цель и метод. М.: Изд-во православного братства Святителя Филарета Митрополита Московского. М., 1997.

Конференции

Христианские начала экономической этики. Сборник материалов международной Интернет-конференции. М., 2001 (Электронная версия на сайте электронного журнала «Соборность»: <http://www.sobor.ru/doctrina>).

Социальное служение Русской православной церкви: исторический опыт и современное состояние. Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. Питирим, епископ Сыктывкарский и Воркутинский, д.и.н. М.А. Мацук. Сыктывкар, 1998.

Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Материалы международной научно-практической конференции 2–3 октября 1997 г. / Отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Заман, 1998.

Христианство и мир: материалы всероссийской научно-практической конференции «Христианство–2000». Самара, 16–18 мая 2000 г. / Науч. ред. Е. Шестун. Самара, 2001.

Россия: духовное возрождение: стенограмма совместного заседания Ин-та соц.-полит. иссл. РАН, Акад. соц. наук, Моск. интеллект.-делового клуба «Реалисты». 23 февраля 1999 г. / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: ИСПИ, 1999.

Информационный выпуск о 3-й международной конференции Ассоциации предпринимателей-христиан в СССР / Подгот. О. Манько и др. М., 1991.

Круглый стол «Мировая торговая система. Свобода? Справедливость? Демократия?» под руководством митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. 2005. 18 апреля. <http://www.religare.ru/print16765.htm>

Международная конференция «Социальное учение православия в современном обществе». 2004. 15–16 марта. <http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/14447D7/3402449?print=on>

Семинар «Социальная концепция русской православной церкви, экономика и российское законодательство». 2004. 16–20 февраля. http://www.cntiproggress.ru/news/companynews_new/2128.aspx

Диссертации

Бабаева А.В. Эволюция социальной концепции Русской православной церкви во второй половине XX века. Дисс. канд. филос. н. Нижегород гос. пед. ун-т, 2003.

Болдырева О.А. Толгский монастырь в XV – начале XX-го века: хозяйственная деятельность и братия. Дисс. канд. ист. н. Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2003.

Зубанова С.Г. Социальное служение Русской православной церкви в XIX в. Дисс. докт. ист. н. М.: МГСУ, 2002.

Иванов В.И. Монастырские крестьяне Поморья в XVIII веке. Дисс. канд. ист. н. М., 1997.

Иванова Л.В. Православные братства и сестричества как социальная форма деятельности церкви. Дисс. канд. ист. н. М., 2000.

Кириков О.И. Философский анализ догматических структур вероучения современного православия. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д.филос.н. М.: МКУК, 1996.

Камордин В.В. Православная концепция политического и социально-экономического развития России конца XIX в. – 40-х гг. XX в. Дисс. канд. ист. н. Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2002.

Комисаренко А.И. Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная реформа в России (20-е – 60-е годы XVIII века). Автореф. дисс. докт. ист. н. М., 1984.

Лаговский П.Б. Экономический механизм деятельности религиозных организаций: на примере Русской православной церкви. Дисс. канд. экон. н. М., 2003.

Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права). Дисс. канд. ист. н. М., 2003.

Пашенцев Д.А. Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века. Дисс. канд. ист. н. М.: МГСУ, 1995.

Пашков В.В. Монастыри в СССР: идеология и деятельность (опыт социологического анализа). Дисс. канд. филос. н. М., 1989.

- Самсонова Т.Ю.* Соловецкий монастырь: хозяйственная деятельность, социальный состав и управление; вторая половина XIX – начало XX века. М., 1997.
- Сидоров В.П.* Социально-политическая доктрина Русской православной церкви (XX столетие). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д.филос.н. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1996.
- Терлеева Е.С.* Хозяйственно-экономическая деятельность Русской православной церкви: на примере монастырей. Дисс. канд. ист. н. М.: РАГС при Президенте РФ, 2000.
- Фирсов А.Г.* Церковные финансы и бюджетная политика Российского правительства эпохи «великих реформ»: конец 50-х – 70-е гг. XIX века. Дисс. канд. ист. н. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
- Хохлова Т.А.* Старообрядчество и развитие рыночного уклада в России. М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Храпова Н.Ю.* Место и роль Алтайской Духовной Миссии в процессе колонизации и хозяйственного освоения Горного Алтая (1828–1905 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. н. Томск, 1989.
- Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина конца XVI – XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д.ист.н. М., 2001.
- Шамина И.Н.* Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства. Дисс. канд. ист. н. М.: ИРИ РАН, 2003.

Новые книги

Рецензия на книгу: Радаев В.В. Экономическая социология: учебное пособие для вузов. – М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2005. – 603 с.

Фидря Ефим Сергеевич

аспирант кафедры социологии и политологии
Северного международного университета, Магадан

Email: efidrya@rambler.ru

Несмотря на то что экономическая социология является дисциплиной федерального образовательного стандарта и преподается во многих вузах в течение нескольких лет, русскоязычных учебников по ней – учитывая также все постсоветское пространство – удивительно мало. На этом фоне издание серьезно обновленной «Экономической социологии» В.В. Радаева становится событием весьма неординарным.

Следует сразу оговориться: данный учебник ни в коем случае не является переизданием более ранней версии. Книга претерпела ряд фундаментальных изменений – не только структурного, но и содержательного характера.

Открывает ее предисловие – не дежурно-формальное, а несущее вполне функциональную нагрузку: в нем автор вводит читателя в курс дела, обрисовывая перспективы экономической социологии как научного направления, раскрывает цель книги и обосновывает свой тематический выбор, определяет ее новизну и структуру.

На наш взгляд, главной задачей учебника является систематическое изложение содержания выбранной научной дисциплины, формирующее комплексное представление об основных ее теориях и концепциях, взаимосвязанных друг с другом. А в случае с междисциплинарной научной отраслью необходимо провести параллели еще и со смежными дисциплинами. Поэтому вполне логично, что основная часть книги начинается с сопоставления двух «корневых систем» экономической социологии – экономики и социологии, а точнее, с того, как они представляют себе «своего» человека. Разбор этих двух концепций в первом разделе становится отправной точкой всей работы, задавая структуру рассуждений и форм социологического оценивания хозяйственных институтов. Подробно разобрав историю этих моделей – «двух монстров социальных наук» – и приведя их критику, автор – уже во втором разделе – тщательно конструирует «экономосоциологического человека», избегая как механического сложения двух вышеупомянутых моделей, так и вычисления некоего «среднего арифметического», представляя homo economosociologicus как «человека действующего», способного переключаться между разными логиками (включая и экономический эгоизм, и социологический альтруизм), подыскивать разные обоснования своим поступкам – т.е. совершать выбор, только при условии которого возможно осуществление *действия*. Успешно избежав детерминизма обоих полюсов, превращающих человека из актора в автомат, В.В. Радаев переходит к подробному рассмотрению концепции действия. Эта категория является одной из ключевых в книге – через призму деятельности актора оцениваются, рассматриваются, структурируются все основные экономико-социологические явления, затрагиваемые в ней. Такая точка зрения тесно увязана с авторским видением предмета экономической социологии, понимаемого как социальные основания экономического действия (укорененного в социальных отношениях и являющегося одной из форм действия социального).

Как уже было отмечено, вводные разделы определяют характер изложения основного материала учебника. В каждом из последующих разделов – все названия которых

начинаются со слова «Человек...» – мы встретим две вышеупомянутые модели, которые проходят через всю книгу: человека экономического и экономсоциологического. Причем homo economicus ведет себя на этой теоретической экскурсии вполне в своем духе: излагает свои теории, концепции, взгляды на той или иной хозяйственный институт, практически игнорируя социологического спутника. А вот homo economicusociologicus внимательно изучает поведение собрата, тщательно его анализирует и проводит критический разбор, предлагая собственные положения. Таким образом, основные разделы учебника состоят из обязательного критического разбора положений экономической теории по данному вопросу и собственных наработок экономической социологии, не просто укорененных в социологическом дискурсе, но зачастую возникших именно относительно критикуемых экономических концепций.

Сами теоретические схемы обычно выстраиваются в исторической последовательности, выводятся одна из другой. Автор стремится не просто представить их в дискретном хронологическом порядке, но установить между ними связь, показать процесс развития и трансформации, который претерпевали концепции и под огнем критики, и под влиянием «проверок жизнью», оказывая взаимное влияние друг на друга.

Такова, например, судьба понятия «рациональность», рассматриваемого во втором разделе: возникшее в экономической теории, оно критиковалось, дополнялось и усложнялось в социологическом дискурсе, теряя абстрактность и универсальность, но прибавляя в реалистичности и объяснительном потенциале, формируя расширенное представление о хозяйственной мотивации. Корни этого явления ясно демонстрируются в следующей главе, посвященной измерениям культуры и власти. В ней раскрывается ряд важных концептов экономико-социологической перспективы, конституирующих культурно-властные отношения в качестве полноценных участников экономического действия.

Третий раздел посвящен экономической социологии рынков – в трех главах раскрывается определение и хозяйственная роль рынка, его структура, детерминанты и сложная культурная сущность. Отдельная глава посвящена роли государства – динамике степени и характера того влияния, которое этот общественный институт оказывал и продолжает оказывать на экономические процессы: как на макро-, так и на микроуровне. Не оставлена без внимания и неформальная экономика – сколь важная, столь и трудно поддающаяся исследовательскому измерению хозяйственная сфера. Разбор ее элементов, детерминирующих факторов, концептуальное обособление от других хозяйственных явлений и описание способов измерения дополняется рассмотрением взаимовлияния формальных и неформальных институтов.

В четвертом разделе человек представлен в роли предпринимателя. Здесь рассматриваются воззрения экономистов на это социальное явление, проводится анализ эволюции предпринимателей как акторов и социальной группы. Вторая глава раздела посвящена социально-психологическим характеристикам предпринимателя – его отличительным чертам характера и мотивации, социальному статусу, мобилизационному потенциалу и социальным факторам, обуславливающим предпринимательскую деятельность. Отдельное внимание уделяется социологической трактовке феномена этнического предпринимательства.

Пятый раздел отведен важнейшему явлению – хозяйственной организации. Помимо определения ее понятия, обозначения отличительных черт и способов построения, отдельное внимание уделяется вопросу распределения и осуществления власти. После постановки исходных предпосылок, в следующей главе приводятся основные подходы к анализу хозяйственных организаций – как с экономической, так и с социологической точки зрения – в условиях разнообразия форм и усложнения границ современных организаций.

Анализ трудовых отношений распределен на два раздела. Первый из них – и шестой в общем порядке – посвящен собственно трудовому процессу: таким, как он видится с двух различных перспектив. Действия менеджеров включают в себя вопросы управленческого

трудового контроля, эволюция взглядов на которые раскрывается в первой из глав раздела. Многообразии действий работников, безуспешно пытающихся выработать свои рычаги воздействия, социальные основания и историческая динамика этой борьбы интересов представлены во второй главе.

В седьмом разделе рассматриваются вопросы трудовой занятости. И вновь, как и в предыдущем, анализ проводится с двух различных рыночных перспектив. Перспектива работодателя, регулирующего спрос на труд, формируется неоднородным и сегментированным рынком труда (внешним и внутренним). На нем действуют свои социальные механизмы, конституирующие трудовые стратегии работодателей. Другим участником рынка труда являются наемные работники, предлагающие свой «человеческий капитал». Отдельное внимание посвящено вопросу определения и измерения безработицы. Наконец, в третьей главе данного раздела рассматриваются вопросы трудовой деятельности, исключенной из рынка труда (и зачастую из сферы исследовательского внимания) и происходящей в домашнем хозяйстве. «Маргинальность» данной хозяйственной сферы и ее кажущаяся простота долгое время приводили к недооценке и упрощению представлений о домашней трудовой деятельности. В данной главе рассматриваются попытки заполнить этот пробел путем анализа сущности и разделения домашнего труда, его экономической роли и структуры домашнего хозяйства.

Вопросам потребления и денег посвящен восьмой раздел. Здесь эти «сугубо экономические» явления предстают как глубоко укорененные в социальных и культурных отношениях. Потребление рассматривается как инструмент социальной дифференциации и идентичности, наделяется символическим значением и предстает как инновационный процесс. Точно таким же неоднородным с социальной точки зрения объектом представлены и деньги – они не только обладают множеством форм, но и предполагают множественные социальные оценки – в зависимости от обладателя и источника их получения – и, разумеется, множественные способы использования.

В девятом разделе рассматривается хозяйственная роль социальной стратификации: даются определения ключевых понятий, описание характеристик стратификационных систем и социальных слоев, а также влияние исследовательского габитуса, структурирующего изучаемый объект и тем самым оказывающего влияние на саму социальную реальность. Отдельная глава отводится направлениям стратификационного анализа, как классическим – марксизму, функционализму, веберизму – так и новым, приводится их критика и определяются перспективы.

Периодически затрагиваемые в предыдущих разделах вопросы идеологического влияния теорий объяснения хозяйственной жизни находят полноценное отражение в десятом разделе, который, собственно, и посвящен хозяйственным идеологиям. Здесь раскрываются структура и содержание основных идеологических парадигм – демократизма, консерватизма, либерализма и социализма, – а также дается описание процесса их смены и возникновения идеологических гибридов.

Одиннадцатый раздел содержит анализ моделей хозяйственного развития. Первая из глав рассматривает модели однолинейного и поступательного развития (от марксизма до теорий постиндустриального общества), стадийные теории модернизации и глобализации. Вторая описывает модели параллельного и циклического развития, в которых находится место и внесистемным формам хозяйства, и цивилизациям, и сложным матричным структурам развития, и множеству «капитализмов».

Наконец, двенадцатый раздел посвящен российской экономической социологии. В двух главах описываются становление и институционализация, методологические корни и предпосылки, основные направления современной экономической социологии в России. Здесь же приводится крайне полезный перечень релевантных исследовательских центров, баз данных и публикаций.

Завершается учебник выборочной библиографией (в которую автором включены ссылки на переводы, интервью и профессиональные обзоры, опубликованные в электронном журнале «Экономическая социология»), предметным указателем, а также программой соответствующего учебного курса и тематическими рубриками. Следует отметить основательный подход автора к снабжению книги различного рода вспомогательными функциями. Подробные ссылки по ходу основного текста – как на «бумажные», так и на электронные издания, всевозможные схемы и рисунки, перекрестные ссылки на разделы и главы внутри самой книги – все эти «бонусы», несомненно, играют пусть и вспомогательную, но весьма значительную роль, заметно облегчая и стимулируя как самостоятельный поиск литературы, так и систематизацию прочитанного. Не стоит забывать, что данное издание является, в первую очередь, учебным пособием для вузов. И достаточно демократичный – если не сказать «популярный» – язык изложения материала вовсе не означает примитивности излагаемого, а лишь упрощает его освоение.

Собственно содержательная часть глав включает в себя, в первую очередь, ключевые концептуальные положения различных теорий, основные понятия и их критику. Главное внимание автор уделяет именно теоретической компоненте, стремясь выстроить динамическую структуру ее понятийного аппарата. Чтобы книга не стала «сухой» теорией, повсюду присутствуют яркие и информативные примеры описываемого явления, процесса; иллюстрирующие его сущность меткие высказывания классиков экономики и социологии. Подробное рефлексивное описание развития определенного направления приглашает читателя поучаствовать в его критике и, может быть, сформулировать собственное видение решения той или иной проблемы, а последние разделы логично предлагают на выбор ряд перспективных исследовательских направлений в отечественной экономической социологии и намечают перечень научных вопросов, которые предстоит решить.

Системность излагаемого материала способствует созданию логичного и структурированного восприятия экономической социологии как науки, имеющей свои корни и перспективы, свое прошлое и будущее, активно взаимодействующей с другими научными отраслями – в первую очередь, конечно же, с экономической теорией; обладающей собственным (детально разбираемым в книге) теоретическим аппаратом, способным уже сейчас решать актуальные научные проблемы.

Стоит заметить, что отличным пособием новая «Экономическая социология» должна стать не только для студентов (и даже не столько), но, в первую очередь, для преподавателей: точный терминологический аппарат, схематическое и четко структурированное изложение теоретических систем, мощный библиографический аппарат и ссылки на электронные ресурсы, наконец, полная программа учебного курса – все это делает «Экономическую социологию» не просто учебником, но и идеальной отправной точкой для любого исследователя, который заинтересуется этим, безусловно, одним из наиболее перспективных направлений социологии нового века.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫЕ КНИГИ**Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. – М.: Мысль, 2005. – 333 [1] с.**

В книге реализована попытка нового прочтения теории и практики использования социальных резервов труда. По мнению автора, социология труда предстает развернутой книгой сущностных сил человека как работника производства. Каждая ее страница – увлекательный процесс совместных усилий ученых и практиков в познании постоянно возникающих потребностей, в анализе реальных ситуаций на производстве, в отыскании находок, обогащающих представления о возможностях человека труда. Рассчитана на широкий круг специалистов, читателей, интересующихся социальными проблемами труда.

Готовится к печати теоретико-прикладной толковый словарь «Социология труда» (отв. ред. проф. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2005. 24 п.л.)

Это первый в России словарь, отражающий современное состояние развития теории и прикладных исследований в области трудовых отношений, организации и стимулирования труда, эффективности различных моделей менеджмента, а также относящихся к трудовой деятельности проблем, рассматриваемых в экономике, социальной антропологии, психологии и правоведении.

Словарь содержит статьи и краткие пояснения 410 терминов, которые были введены в оборот в минувшем столетии, но прежде всего терминов, связанных с новейшими научными и практическими достижениями в мировой и отечественной действительности. Авторы статей – ведущие российские специалисты; привлекались также зарубежные авторы.

Словарь предназначен для социологов-исследователей, работающих в области социологии труда, экономической социологии, социологии организаций и смежных дисциплин, для преподавателей, аспирантов и студентов, социологических и экономических факультетов, профсоюзных функционеров и менеджеров, а также для широкой читательской аудитории.

Словарь подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (руководитель проекта Председатель исследовательского комитета РОС «Социология труда» Б.Г. Тукумцев).

Словарь можно заказать по каталогу издательства «Наука» г. Санкт Петербург для библиотеки вуза, исследовательского, консультационного или иного центра, организации.

Ориентировочно словарь выйдет из печати в конце 2005 г. тиражом, который определится численностью заказов.

Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968—1973). Первая публикация / Сост. и общ. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапина. – М.: Academia, 2005. – 912 с.

Книга являет собой уникальное издание: это первая публикация материалов Генерального проекта, подготовленного 30 лет назад в Институте конкретных социальных исследований АН СССР, но насильственно прекращенного. В этих материалах — исток и программа развития советской и современной российской социологии организаций как самостоятельной дисциплины. Она содержит немало оригинальных идей и методов, которые со временем стали еще более актуальными. Ее авторами были молодые социологи-шестидесятники, имена многих из них ныне широко известны в России и за рубежом. Своей научной деятельностью после прекращения проекта они продемонстрировали жизнеспособность его замысла и подходов, его ключевой проблемы – соотношения планируемого и спонтанного в обществе. Для управленческого персонала промышленных предприятий, фирм, корпораций, социологов и экономистов, психологов и историков, научных работников и преподавателей, студентов и аспирантов.

Исследовательские проекты

ЭКСПЕРТНАЯ ВЛАСТЬ МЕНЕДЖЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.

Границы пролиферации экспертного знания через воздействие «экспертной культуры» менеджеров на широкие и специализированные аудитории

*Победитель конкурса индивидуальных исследовательских проектов 2005 г.
Научного фонда ГУ–ВШЭ*

Основной исполнитель: Абрамов Роман Николаевич, доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социологии ГУ–ВШЭ. Email: roman_na@mail.ru

Использование ресурса доступа к средствам массовой информации, пространствам публичного дискурса, сферам образования, технологиям формирования «экспертных культур» (Ю. Хабермас) или «эпистемических культур» (К. Кнорр-Цетина), установление «когнитивного авторитета» (Р. Мертон) – так происходит «колонизация жизненного мира» людей-с-улицы, так менеджеры легитимируют не только себя, свой социальный статус и свои организации, но и тот специфический тип экспертного знания, который их объединяет, идентифицирует и воспроизводится ими в условиях постоянной конкуренции между профессиями и группами. В центре исследования оказывается процесс публичного воздействия представителей менеджмент-сообщества как метаэкспертной группы на аудитории, потребляющие информацию, услуги и сам экспертный статус менеджмента как сферы ответственности¹.

Цели и задачи исследования

Пропорция знание – власть меняется в различных типах организаций, создавая для менеджеров и профессионалов различные условия повышения своего статуса. В профессиональных организациях профессионалы имеют преимущества по сравнению с администраторами, но администраторы могут усилить свои позиции за счет использования ресурса профессионализации. Менеджмент как научная дисциплина является теоретическим обоснованием интеллектуальной практики администраторов. Менеджерская идеология позволяет обосновать необходимость профессионализации менеджеров в широком социальном контексте. Развивающиеся менеджмент и бизнес-образование, где происходит формирование эпистемического ядра менеджмента, создают основу для крестной легитимности профессиональной власти менеджеров. Менеджеры на уровне организации осознают себя как самостоятельную социальную группу, которая имеет интересы, отличные от интересов «классических профессионалов». Создаваемые ассоциации специалистов в области менеджмента являются прообразом профессионального сообщества, которое более развито у таких профессионалов, как врачи или юристы. Таким образом, профессионализация менеджеров в разного рода организациях позволяет повысить их статус не только в пределах организационного поля, но и вне его.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проанализировать информационное пространство делового дискурса, которое содержит манифестацию и замысел идеологии менеджмента, адресно направленные на различные социальные группы («целевые

¹ См.: MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1981. P. 76–83.

аудитории»). Следующая цель заключается в реконструировании связи между интенсивностью риторики того или иного представителя менеджмент-сообщества и его (ее) экспертным статусом. И наконец, предполагается рассмотреть случаи «открытия» новых областей, где экспертиза менеджеров создает какую-либо новую эпистемическую зависимость или замещает собой иной дискурс доверия, например к более старым профессиям.

Задачи исследования:

- 1) сбор и анализ материалов, репрезентирующих проявления публичного дискурса идеологии менеджмента в отношении различных аудиторий;
- 2) оценка валидности полученных данных с точки зрения соответствия основным теоретическим представлениям в данной области; концептуализация и уточнение основных понятий на основе полученных эмпирических фактов;
- 3) построение теоретической модели, адекватно описывающей и, возможно, объясняющей проблемное поле данного исследовательского проекта;
- 4) методическая апробация критического дискурс-анализа, выполненного по методике Н. Фэркло;
- 5) презентация результатов исследования и подготовка аналитических выводов.

Объект исследования

Поскольку в фокусе исследования оказываются случаи публичного, риторического обращения и дискурс-воздействия представителей менеджерской мета-экспертной группы к широким или специализированным аудиториям потребителей информации, то *главным объектом исследования станут организации и сообщества менеджеров в лице их наиболее авторитетных и публично действующих представителей*. Мы исходим из представления, что знания производятся, используются, сохраняются в профессиональных организациях, которые созданы для этих целей. Они характеризуются не только наличием специфических целей, но также высокой долей профессионалов в их штате (более 50%) и типом властных отношений между профессионалами и непрофессионалами. При этом профессионалы имеют властный приоритет при установлении целей организации. Профессиональные организации включают университеты, колледжи, исследовательские службы, больницы, агентства социальной работы. Иными словами, профессиональные организации – это главным образом учреждения общественного сектора, построенные на бюрократических принципах. Случаи публичного выступления этих организаций – это факты их взаимодействия со средствами массовой информации или специальные промоутерские акции, направленные на определенные аудитории и предполагающие заранее заданные темы, механизмы воздействия (как правило, убеждения посредством аргументации).

Методы исследования

Выполнение целей и задач данного исследования требует проведения целого ряда процедур по сбору и анализу артефактов. Поскольку под артефактом мы понимаем зафиксированный текстуально акт обращения (дискурс-воздействия) представителя менеджмент-сообщества к соответствующей аудитории слушателей или потребителей, то воплощение этих артефактов будет обнаруживаться прежде всего в специализированных печатных изданиях бизнес-образовательных и менеджерских организаций и ассоциаций, в интервью на радио, телевидении, электронных СМИ и др. средств массовой коммуникации для широких слоев населения, комментариях и экспертных высказываниях представителей менеджмент-сообщества по актуальным вопросам их собственной компетенции (например, по проблемам управления) и по поводу экспертных претензий к областям компетенции других профессий

(к медицине, образованию, армии, юриспруденции и т.д.). Дополнительно будут взяты полуформализованные интервью у ключевых информантов, перечень и род деятельности которых будет определен исходя из теоретической интуиции данного исследования.

Кроме того, впервые в практике российских социологических исследований планируется использовать методическую схему критического дискурс-анализа, предложенную Норманом Фэркло [Norman Fairclough]². В самом общем виде критический дискурс-анализ предусматривает теории и методы эмпирического исследования между дискурсом, с одной стороны, и социальным и культурным контекстом – с другой. С точки зрения дискурс-анализа дискурс – это форма социальной практики, которая одновременно и создает социальный мир, и создается посредством других социальных практик. Дискурс способствует формированию и воспроизводству неравного распределения власти, сил и возможностей между различными социальными группами (в нашем случае менеджеры используют экспертный дискурс для элемент легитимации профессиональной власти). Для Н. Фэркло дискурс – важна форма социальной практики, которая не только представляет, но изменяет знания, идентичности и социальные отношения, включая отношения власти. Используя подход Н. Фэркло, предполагается выполнить анализ дискурсивных практик менеджеров (тексты в СМИ и интервью, полученные в ходе проекта) по трем направлениям.

- (1) Детальный лингвистический анализ текста, в некоторых случаях включая функциональную грамматику Майкла Холлидея [Michael Halliday].
- (2) Макросоциологический анализ социальной практики, включая постструктуралистскую теорию М. Фуко.
- (3) Микросоциологическая традиция интерпретации текстов (включая этнометодологический и конверсионный анализ), исходящая из предположения, что повседневная жизнь рассматривается как результат действия акторов, следующих общему набору «логических» правил и процедур.

Столь детальный анализ текста необходим для проникновения в суть дискурсивных процессов, порождающих экспертную власть менеджериального сообщества.

Следуя Н. Фэркло, планируется деконструировать каждый речевой случай (текст статьи или интервью) исходя из трех измерений дискурса: (а) собственно текст статьи или интервью как источник анализа; (б) дискурсивная практика, предполагающая производство и восприятие текста; (в) социальная практика, интегрирующая дискурс в окружающую социальную реальность (см. рис. 1).

Рис. 1. Трехмерная модель Фэркло для критического дискурс-анализа

² Детальное описание методики см.: Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. L.: Longman, 1995; Fairclough N., Wodak R. *Critical Discourse Analysis // Discourse as Social Interaction: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. Vol. 2. L.: Sage, 1997.

Кроме того, значительное внимание при анализе будет обращено на жанр – специфическое использование языка, составляющее элемент отдельной социальной практики (например, жанр интервью, жанр новостей, рекламный жанр, жанр комментария и пр.).

Эмпирической базой критического дискурс-анализа станут:

- тексты, репрезентирующие дискурс менеджеров (отбор по терминологическому поиску в электронной базе данных «Интегрум»³);
- тексты глубинных интервью с менеджерами и экспертами в этой области (не менее 15 интервью).

Предполагаемые результаты

По результатам исследования предполагается подготовить текст, в котором будут представлены:

- 1) создание и апробация методики эмпирического изучения статуса и содержания экспертного знания конкретной социальной группы (менеджеров);
- 2) как следствие – оценка внутренней валидности современных моделей объяснения, возникающих на пересечении социологии профессий и социологии экспертного знания; предложения по уточнению этих моделей;
- 3) выводы по итогам анализа теоретической концептуализации понятия «экспертное знание менеджеров», определения и условия адекватной социологической интерпретации социальной группы менеджеров как сообщества знания, обладающего спецификой референции;
- 4) проверка исходной теоретической гипотезы о направлении и характере протекания процессов расширения и легитимации экспертной власти менеджеров.

³ Описание базы данных «Интегрум» см. в выше в рубрике «Дебютные работы» на с. 83. – *Прим. ред.*

Учебные программы

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

для специальности 040201 – «Социология»

Факультет социологии ГУ–ВШЭ, 2005 г.

Надеждина Евгения Владимировна

канд. культурологи, старший преподаватель, кафедры экономической социологии

Email: nadezhda@hse.ru

Требования к студентам. Изучение курса предполагает предварительное знакомство студентов с такими учебными дисциплинами, как «Философия», «Экономическая социология», «Социологические методы в маркетинговых исследованиях», «Социология потребления».

Аннотация. В современном мире институт рекламы является одним из доминирующих механизмов воздействия на массовое сознание, служит каналом трансляции культурных норм и ценностей. Развитие рекламного бизнеса в России вызвало потребность в специалистах рекламного дела, инициировало возникновение новых учебных специальностей, учебных курсов по рекламе и маркетингу.

Однако большинство учебных курсов (как и обеспечивающей их учебной литературы) посвящено прикладному аспекту рекламной деятельности и рассматривает вопросы технологии создания рекламы, психологических аспектов ее восприятия, способы воздействия на потенциального потребителя. Реклама представлена как специфическая маркетинговая деятельность, направленная на перевод качества товара или услуги на язык запросов и нужд покупателя. Выдвигается требование соответствия рекламы запросам потребителя, особое внимание уделяется созданию наиболее выигрышных рекламных образов. Коммуникативная и социокультурная функции рекламы если и рассматриваются, то как факультативное, сопутствующее явление.

Учебная задача курса

При подготовке студентов по специальности «Социология», на наш взгляд, необходим более широкий подход к такому многомерному явлению, как реклама. В этом случае недостаточно ограничиться описанием психологических особенностей восприятия рекламы, определением степени ее продуктивности с точки зрения продвижения того или иного товара (услуги).

Цель настоящего курса – проанализировать институт рекламы как особый канал коммуникации и механизм конструирования социальной реальности. Для этого предполагается описать специфику производства и потребления рекламы с точки зрения теории коммуникации. Такой подход позволит более полно выявить особенности трансакции на всех уровнях функционирования рекламы («реклама – потребитель», «рекламодатель – потребитель», «рекламодатель – криэйтор», «криэйтор – криэйтор»), проанализировать механизмы формирования и трансляции системы ценностей и социально одобренных стилей жизни посредством рекламного сообщения.

В ходе курса студенты получают представление об общекультурных и этнокультурных предпосылках становления рекламы, овладеют навыками структурного анализа рекламных сообщений.

Цель практических занятий – дать представление о работе рекламного агентства и этапах работы криэйтора, освоить различные способы обращения к целевой аудитории.

Формы контроля

Текущий и промежуточный контроль	Итоговый контроль	Итоговая оценка
1. Посещение лекций 2. Посещение семинарских занятий 3. Качество выполнения творческих заданий 4. Домашнее эссе*	Письменный экзамен**	1. Посещение лекций и семинаров (5%) 2. Обобщающая оценка работы на семинарах (30%) 3. Эссе (25%) 4. Письменный экзамен (40%)

* Минимальный объем эссе – 18 тыс. знаков (10 страниц), 12 кегль, 1,5 интервала. Эссе оценивается по таким критериям, как постановка проблемы, самостоятельность и оригинальность в изложении материала, четкость выводов. Количество привлекаемых источников – не менее 3.

** Экзамен проводится в письменной форме. В течение двух академических часов студентам предлагается ответить на два вопроса: теоретический (см. список в конце программы) и практический (структурный анализ рекламного сообщения, предложенного преподавателем).

Тематический расчет часов

№ п/п	Наименование разделов и тем	Аудиторные часы			Самост. работа	Всего часов
		Лекции	Семинары	Всего		
1	Реклама как социальный институт и форма коммуникации	4	–	4	6	10
2	Новейшая история рекламы: от борьбы за чистоту к сегментированию потребительского рынка	2	–	2	6	8
3	История «базара»: десятилетие российского рекламного рынка	2	–	2	6	8
4	Адресант и адресат рекламной коммуникации	2	2	4	6	10
5	Коммуникативная функция рекламы	2	4	6	10	16
6	Фатическая (контактоустанавливающая) функция рекламы	2	2	4	6	10
7	Конативная функция рекламы	2	2	4	6	10
8	Рекламные коды и мета-уровень рекламы	2	–	2	6	8
9	Эстетическая функция рекламы	2	–	2	6	8
10	Эссе				20	20
	Всего	20	10	30	78	108

Содержание программы

Тема 1. Реклама как социальный институт и форма коммуникации

Экономическая и социокультурная функции рекламы. Два подхода к анализу рекламы: маркетинговый и философский. Реклама и ее роль в процессе глобализации. Маркетинговые и социальные функции рекламы. Семиотический аспект рекламного сообщения. Реклама как форма идеологии. Реклама как иллюзия, празднество. Психотерапевтическая функция рекламы. Реклама как коммуникативный акт. Структура рекламной коммуникации, адресант и адресат. Функции рекламной коммуникации: коммуникативная, фатическая, контекстуальная, кодовая, эстетическая.

Основная литература

- Барт Р.* Рекламное сообщение // Барт Р. Семиотика моды. М.: Изд-во Сабашниковых, 2004. С. 410–415.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001. С. 177–218.
- Кутлалиев А., Попов А.* Эффективность рекламы. Гл. 3. Коммуникативная эффективность. М.: ЭКСМО, 2005. С. 91–113.
- Радаев В.В.* Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. Гл. 18. Человек в роли потребителя. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2005. С. 349–372.
- Медведева Е.* Основы рекламоведения. М.: РИП-холдинг, 2003. С. 9–24.
- Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.

Дополнительная литература

- Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.–СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
- Аронсон О.* Рассеянное желание // Художественный журнал. № 24. <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2404.htm>
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Немецкий культурный центр имени Гете, «Медиум», 1996. С. 17–60.
- Валерстайн И.* Конец знакомого мира. М.: Логос, 2004. С. 13–29; 162–187.

Тема 2. Новейшая история рекламы: от борьбы за чистоту к сегментированию потребительского рынка

Развитие массового производства (сер. XIX в.) и первые образцы рекламы. Реклама и пропаганда здорового образа жизни. Достижительский идеал и идеальное потребление. Кока-кола: от антипохмельного средства к статусному потреблению. Супы «Кембелл» как символ американской культуры (Э. Уорхолл). Стиль «Не отставать от Джонсонов». Позиционирующая реклама. Маркетинговые войны 1970-х гг. Десятилетие «под знаком “Я”» (1980-е гг.). Сегментация современного рекламного рынка (гендерная, возрастная, этнокультурная реклама).

Основная литература

- Сивулка Дж.* Мыло, секс и сигареты. СПб.: Питер, 2002. Ч. II. Юность американской рекламы. С. 69–125.
- Джулер А. Дж., Бонни Л. Дрюниани.* Креативные стратегии в рекламе. Гл. 2. Охват различных рынков. СПб.: Питер, 2003. С. 42–68.

Дополнительная литература

Бове К.Л., Аренс У. Современная реклама. Тольятти: Изд. дом «Довгань», 1995. С. 19–27.

Краткая история рекламы // Журнал о рекламе. <http://senator.perm.ru/jurnal.htm>

Тема 3. История «базара»: десятилетие российского рекламного рынка

Особенность формирования российского рекламного пространства. Реклама как вид устной культуры. Реклама как формульный жанр. Жанровые особенности ранних образцов российского рекламного творчества. «Наша реклама в товарах не нуждается». Трансформация образа жизни под воздействием рекламы. Архетипические образы в российской рекламе (Леня Голубков, Толстяк). Реклама и поиск национальной идеи. Идея особого российского будущего.

Основная литература

Александров Ф. Хроники российской рекламы. М.: Гелла-Принт, 2003.

Руднев В. В компании с толстяком // Отечественные записки. 2002. № 2. <http://www.strana-oz.ru/?numid=3&article=185>

Левинсон А. Заметки по социологии и антропологии рекламы // НЛО. № 22. С. 101–129.

Кара-Мурза Е.С. «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты. Ч. 2 // Справочно-информационный портал Грамота.ру. http://www.gramota.ru/mag_new.html?id=33

Дополнительная литература

Демидов А. Особенности потребительского выбора россиян: факторы выбора, мотивации, лояльность // Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations. 2003. № 3. http://www.advertology.ru/laboratoriy/frem_arxiv.htm

Крылов А., Зуенкова О. Рынок рекламы России (состояние, тенденции, размышления). <http://www.4p.ru>

Наумов С. Россияне не доверяют рекламе // <http://daily.rbc.ru/news/market/index.shtml?2003/10/13/46454>

Чередниченко Т.В. Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах: Актуальный лексикон истории культуры. М., 1999.

Данные эмпирических исследований компаний КОМКОН (<http://www.comcon-2.ru>) и «Ромир» (<http://www.romir.ru>).

Тема 4. Адресант и адресат рекламной коммуникации

Рекламодатель – маркетолог – криэйтор. Специфика профессионального диалога. Структура целевых установок участников диалога. Рекламный продукт как результат профессиональной коммуникации. Жанровые разновидности рекламы (ТВ, радио, в печатных СМИ, Интернет, наружная реклама). Креатив-бриф. Имиджевая, товарная, некоммерческая реклама. Реклама и социальная стратификация. Символическое значение социальной стратификации. Сегментирование потребителей. Целевые аудитории. Динамика целевых аудиторий. Специфика российских целевых аудиторий.

Основная литература

Александров Ф. Хроники российской рекламы. М.: Гелла-Принт, 2003. С. 31–33.

Блинкина-Мельник М.М. Рекламный текст. Задачник копирайтера. М.: ОГИ, 2003. С. 24–56.

Сивулка Дж. Мыло, секс и сигареты. СПб.: Питер. 2002. От позиционирования к созданию имиджа. С. 419–471.

Дополнительная литература

- Бове К.Л., Аренс У.* Современная реклама. Тольятти: Изд. дом «Довгань», 1995. Эволюция рекламы. С. 15–18.
- Ильин В.И.* Поведение потребителей. Сыктывкар: Изд-во Сыкт. ун-та, 1998. Гл. 1. Позитивистская и постмодернистская парадигмы. <http://www.socnet.narod.ru>
- Левинсон А.* Заметки по социологии и антропологии рекламы // НЛЮ. № 22. <http://magazines.russ.ru/nlo/1997/22/levinson.html>
- Медведева Е.* Основы рекламоведения. М.: РИП-холдинг, 2003. Реклама и маркетинговый процесс: стадия исследования. С. 25–43.
- Пелевин В.* Generation P. М.: Вагриус, 1998. (или любое другое издание)
- Руднев В.* В компании с толстяком // Отечественные записки. 2002. № 2. <http://www.strana-oz.ru/?numid=3&article=185>

Тема 5. Коммуникативная функция рекламы

Первые рекламные сообщения. Семантика сообщения. Расширение семантической структуры и формирование современного рекламного сообщения. Цель информирования. Содержание информирования. Особенности организации рекламной информации. Рациональная и образная реклама. Методы анализа рекламного текста. Эффективность рекламного текста. Рекламные идентификаторы. Бренд и его роль в процессе рекламной коммуникации.

Основная литература

- Александров Ф.* Хроники российской рекламы. М.: Гелла-Принт, 2003. С. 23–30.
- Кутлалиев А., Попов А.* Эффективность рекламы. Гл. 9. Качественные методы исследования рекламы. М.: ЭКСМО, 2005. С. 274–321.
- Морозова И.* Слагая слоганы. М.: РИП-холдинг, 2003. С. 14–46 (Маркетинговая ценность слогана); С. 46–85 (Художественная ценность слогана).
- Эко У.* Дискретное видение (семиология визуальных сообщений). Некоторые пояснения: реклама // Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 176–203.

Дополнительная литература

- Бекбедер Ф.* 99 франков. М.: Иностранка, 2005.
- Блинкина-Мельник М.М.* Рекламный текст. Задачник копирайтера. М.: ОГИ, 2003. С. 72–89.
- Медведева Е.* Основы рекламоведения. М.: РИП-холдинг, 2003. С. 91–109.
- Морозова И.* Рекламный сталкер. Семиотический анализ рекламы. М.: Гелла-Принт, 2002.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.

Тема 6. Фатическая (контактоустанавливающая) функция рекламы

Первые рекламные агентства. Трансформация рекламного рынка в США. Брендинг товаров. Технология определения адресата. Формы обращения к целевой аудитории. Интонация обращения: комфортная, дискомфортная, нейтральная реклама. Формирование доверия целевой аудитории. Авторитарное и внутренне убедительное высказывание. Табуированные зоны реальности и этикет рекламного текста. Способы представления целевых аудиторий в рекламе – «Я», «мой идеал», «пародия», «мое истинное Я». Потребительские предрассудки.

Основная литература

- Блинкина-Мельник М.М.* Рекламный текст. Задачник копирайтера. М.: ОГИ, 2003. С.106–123.
Медведева Е. Основы рекламоведения. М.: РИП-холдинг, 2003. С. 75–91 (Культура и этика рекламной деятельности).

Дополнительная литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1975.
Бове К.Л., Аренс У. Современная реклама. Тольятти: Изд. дом «Довгань», 1995. С. 19–25.
Джулер А. Дж., Бонни А. Дрюниани. Креативные стратегии в рекламе. СПб.: Питер, 2003. С. 145–246 (Создание печатной рекламы. Разработка рекламы для радио. Работа на телевидении).
Морозова И. Рекламный креатив: в поисках ненавязчивой идеи. М.: Гелла-Принт, 2003.
 Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Изд-во Гребенникова, 2000.
Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. СПб.: Питер, 2004.

Тема 7. Конативная функция рекламы

Реклама как инструмент формирования стилей жизни. Стиль жизни эпохи модернити. Настоящее и будущее в рекламе. Ориентация на будущее (американская мечта, стиль жизни «Не отставай от Джонсонов»). Вера в прогресс. Идеал модернити в эпоху глобализации. Образы будущего в рекламе. Реклама для богатых (статусное потребление), реклама для специалистов (компетентность), массовая реклама (ориентация на равенство, элитность наоборот). Динамика рекламных контекстов (Coca-Cola). Гендерный аспект рекламы. «Социальные архетипы» в рекламе. Эротика в рекламе. Женщина как компонент рекламной метафоры. «Мужской» и «женский» сценарий жизни. Образы детства и детского в рекламе. Семейные ценности в рекламе. Типы и модели поведения. Способы представления возрастных групп.

Основная литература

- Ильин В.* Поведение потребителей. Сыктывкар: Сыкт. гос. ун-т, 1998. Гл. 7.
Левинсон А. Женщина как элемент метафоры // Левинсон А. Заметки по социологии и антропологии рекламы. НЛЮ. № 22. С. 101–129.
Ушакин С. Видимость мужественности // Знамя. 1999. <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/2/ushakin.html>
Сивулка Дж. Мыло, секс и сигареты. СПб.: Питер, 2003. С. 194–235 (Роль рекламы в формировании стилей жизни). С. 464–469 (Секс и символизм). С. 475–482 (Новая сила женщины).

Дополнительная литература

Грызунов О. Стереотипы зрительского восприятия в рекламной коммуникации // Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations. 2003. № 4. http://www.advertology.ru/laboratory/frem_arxiv.htm

Кравченко Е.И. Мужчина и женщина: взгляд сквозь рекламу (социальные мозаики Элвина Гоффмана) // Социологические исследования. 1993. № 2.

Реклама, потребление и стили жизни студентов (отчет об учебном исследовании студентов Санкт-Петербургского государственного университета, факультет социологии, совместно с факультетом социологии Билефельдского университета). http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/ui_1999/

Тартаковская И. Мужчина и женщина на страницах современных российских газет: дискурсивный анализ // Рубеж. 2000. № 15. С. 168–187. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>

Тема 8. Рекламные коды и мета-уровень рекламы

Мета-рекламный уровень рекламы. «Атмосферный стиль» 1920-х гг. (Т. Макманус, «Бремя лидерства»). Фестиваль «Золотые львы». Технология производства рекламы. Реклама и теория рекламы: специфика взаимодействия. От рациональной рекламы к позиционированию. Стратегии создания рекламы. Творческая революция 1960-х гг. Имидж и имиджевая коммуникация в рекламе.

Основная литература

Сивулка Дж. Мыло, секс и сигареты. СПб.: Питер, 2003. С. 153–160 (Агентства расширяют круг услуг). С. 343–363 (Четыре творческие философии).

Медведева Е. Основы рекламоведения. М.: РИП-холдинг, 2003. С. 185–203.

Дополнительная литература

Траут Д. Новое позиционирование. СПб.: Питер, 2000.

Траут Д. Позиционируйся, или умирай! СПб.: Питер, 2002.

Огилви Д. Откровения рекламного агента. М.: Сирин, 2001.

Тема 9. Эстетическая функция рекламы

«Идеальная реклама». Направленность сообщения на само сообщение. Реклама рекламного агентства. Конфликт в структуре рекламного продукта (рекламодатель – криэйтор). Производство рекламных образов. Критерии качества и профессионализма. Внутренние правила. Саморегулирование в рекламе. Цитатность и аллюзии в рекламе. «Перенос» – попытка «пристегивания» к лидеру. Кампании компаний.

Основная литература

Александров Ф. Хроники российской рекламы. М.: Гелла-Принт, 2003.

Блинкина-Мельник М.М. Рекламный текст. Задачник копирайтера. М.: ОГИ, 2003. С. 24–47.

Морозова И. Слагая слоганы. М.: РИП-холдинг, 2003.

Дополнительная литература

Воронов А. Золотые копии // Коммерсантъ-Деньги. 2004. № 12. С. 33–38.

Джефкинс Ф. Реклама. М.: ЮНИТИ, 2002. С. 63–97 (Рекламное агентство).

Медведева Е. Основы рекламоведения. М.: РИП-холдинг, 2003. С. 57–75 (Рекламное законодательство).

Сингареев О. Рационалистическая и проекционная реклама. <http://admarket.boom.ru/texts/texts.html>

Сингареев О. Рекламная стратегия. <http://admarket.boom.ru/texts/texts.html>

Собрание ляпов и ошибок маркетологов. <http://forum.gfk.ru/texts/index.html>

Интернет-ресурсы по всему курсу

Сайт К. Наделяева: <http://advertka.ru/>

Сайт Ф. Александрова: www.creatiff.ru

Сайт консалтинговой группы «Русинфомар»: www.rusinfomar.ru

Круглый стол маркетологов: www.gfk.ru/texts/index.html

Все о рекламе, маркетинге и PR. Статьи о рекламе: www.advertology.ru

План семинарских занятий

Семинар 1. Адресант и адресат рекламной коммуникации

Проводится в форме ролевой игры. Группа разбивается на подгруппы по 2–3 человека.
Задание 1. Вы – руководитель небольшой компании по производству товара X. Заполните креатив-бриф для рекламы своего товара.

Задание 2. Вы – криэйтор рекламного агентства. Напишите сценарий 30-секундного видеоролика по представленному брифу.

Обсуждение. Насколько сценарий совпадает с ожиданиями рекламодателя? Насколько точно были отражены спецификации товара и целевой аудитории в брифе? Какой из роликов можно признать самым удачным? Узнаваема ли целевая аудитория?

Семинар 2. Слоганы и заголовки. Рекламный текст

Разминка. Приведите 10 запомнившихся слоганов и 10 названий торговых марок. Какие позиции их двух списков совпали?

1. Дайте классификацию слоганов.
2. Какие факторы влияют на запоминаемость слогана?

Творческий конкурс. Придумать слоган для известного продукта (шоколад «Вдохновение», «Аленка»); адаптировать иноязычный слоган для русской аудитории (рекламное агентство со слоганом «Be creative», бытовая техника со слоганом «Make your dreams come true»).

Семинар 3. Семантический анализ рекламы

Домашнее задание. Запишите рекламные ролики, демонстрировавшиеся в течение двух часов в прайм-тайм. Какие товарные категории представлены в этой рекламе? В просмотренных роликах выделить УТП, слоган, интонацию, определить целевую аудиторию, на которую направлено рекламное сообщение.

Семинар 4. Фатическая (контактоустанавливающая) функция рекламы

Группа разбивается на 2 подгруппы.

Творческий конкурс. Вариант 1. Архитектор лестниц. Вариант 2. Баба-Яга на выезде.

Представьте себя в роли идеального кандидата на должность и напишите письмо работодателю. Ваша задача – выгодно себя подать. Проводится конкурс заявок – отбор лучших претендентов на соискание должности с последующим анализом.

Примерная тематика эссе

1. Рекламные слоганы московского метрополитена (товарные категории, интонация, целевая аудитория).
2. Модель мира в современной российской коммерческой рекламе.
3. Регулирование рекламной деятельности в США и России.
4. Структура и виды деятельности рекламного агентства в США, Великобритании и России.
5. Барьеры в понимании адаптированных рекламных сообщений (на примере российской рекламы).
6. Гендерные стереотипы в рекламе.
7. Социальная реклама как специфическая отрасль рекламной деятельности.
8. «Детская реклама»: особенности языка и способы воздействия.
9. Эффективные стратегии создания уникального торгового предложения.
10. Особенности русскоязычной слоганистики.
11. Роль креативных теорий и методик в рекламном процессе.

Перечень экзаменационных вопросов

1. В чем заключаются функции рекламы как социального института?
2. Маркетинговая роль рекламы.
3. Экономическая роль рекламы.
4. Реклама как форма коммуникации.
5. Коммуникативная функция рекламной коммуникации.
6. Фатическая (контактоустанавливающая) функция рекламной коммуникации.
7. Конативная функция рекламной коммуникации.
8. Эстетическая функция рекламной коммуникации.
9. Роль рекламы в формировании образа «американской мечты».
10. Адресант и адресат рекламной коммуникации.
11. Теория позиционирования Дж. Траута.
12. Концепция уникального торгового предложения.
13. Эффективность рекламного текста.
14. Типы слоганов.
15. Способы представления целевых аудиторий в рекламе.
16. Брэнд как участник рекламной коммуникации.
17. Типы рекламных сообщений по способу размещения (TV, радио, печатные СМИ, Интернет, наружная реклама), их преимущества и недостатки.
18. Структурный анализ рекламного сообщения (пример для анализа предлагается на экзамене преподавателем).

Конференции

Государственный университет – Высшая школа экономики

ПЛАНИРОВАНИЕ РЕФОРМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Международная научная конференция

При поддержке Правительства Санкт-Петербурга,
Аппарата Полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном
округе, Санкт-Петербургского центра РАН

19–20 октября 2005 г., Санкт-Петербург

Модернизация российской экономики и реформы российского государства происходили во многом за счет институциональных заимствований. Сам факт заимствований предполагает веру в то, что они могут изменить действительность в желаемом направлении – рыночной экономики, эффективного государства, демократической политической системы. При этом, как показывает история, заимствование часто оказывалось внешним; оно либо не влияло на действительную практику в соответствующих сферах жизни, либо эффект заимствования был совсем другой, в лучшем случае – наступал с большим опозданием. По сути, польза и вред институциональных заимствований – вечная российская проблема. Но сегодня мы имеем не только очередной цикл заимствований, но и более развитый научный инструментарий анализа этих процессов, а главное – возможность взвешенного, непредвзятого анализа этого явления. Санкт-Петербург длительное время являлся «площадкой» для таких заимствований, он, собственно, и строился для этой цели, поэтому как нельзя лучше подходит для обсуждения этой темы. Конференция посвящена институциональным заимствованиям и переносам в сфере права, экономики, администрирования и образования.

19 октября, среда

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ведущий: Е.Г. Ясин, научный руководитель ГУ–ВШЭ

В.И. Матвиенко, губернатор Санкт-Петербурга

И.Ю. Артемьев, руководитель Федеральной антимонопольной службы

Я.И. Кузьминов, ректор ГУ–ВШЭ

Ведущий: Я.И. Кузьминов, ректор ГУ–ВШЭ

В.В. Бланк, председатель Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли
Правительства Санкт-Петербурга

Г.В. Двас, заместитель губернатора Ленинградской области

Е.Г. Ясин, научный руководитель ГУ–ВШЭ

Т.М. Малева, директор Независимого института социальной политики

А.П. Заостровцев, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и
финансов

Круглый стол «АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА»

Председатель: **М.Э. Дмитриев** (Центр стратегических разработок)

Я.И. Кузьминов (ГУ–ВШЭ, Москва): *«Современный этап административной реформы»*

А.Ю. Сунгуров (Центр Стратегия, ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург): *«Возможности общественного контроля хода административной реформы»*

Участники дискуссии: **В.Н. Лобко** (Первый Вице-губернатор Санкт-Петербурга), **Е.А. Правилова** (Европейский университет) **Н.В. Спиридонова** (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург), **А.А. Лардугин** (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург)

Круглый стол «ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ И КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Председатель: **С.А. Васильев** (Совет Федерации)

А.И. Винокуров (КИТ Финанс): *«Состояние и перспективы развития финансовых рынков России»*

А.А. Яковлев (ГУ–ВШЭ, Москва): *«Российская модель корпоративного управления и возможные направления ее эволюции»*

Участники дискуссии: **А.Ю. Филаретов** (Санкт-Петербургская валютная биржа), **В.В. Джикович** (Ассоциация банков «Северо-Запад»), **М.Э. Осеевский** (Вице-губернатор Санкт-Петербурга), **В.И. Виленчик** (Санкт-Петербургский филиал Внешторгбанка), **А.А. Кайсаров** (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург), **Е.В. Богданова** (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург)

Круглый стол «РЕФОРМЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ»

Председатель: **Т.Ю. Четвернина** (ГУ–ВШЭ, Москва)

С.В. Шишкин (НИСП, ГУ–ВШЭ, Москва): *«О реформе здравоохранения»*

А.И. Юрьев (Санкт-Петербургский государственный университет): *«Планирование эффективности государства и населения: общее и различное»*

В.Л. Иноземцев (Центр исследований постиндустриального общества): *«Социальная ориентированность бюджета: смена курса или политическое лавирование?»*

Участники дискуссии: **Д.С. Чернейко** (Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области), **А.Н. Ржаненков** (Комитет по труду и социальной защите Санкт-Петербурга), **А.Л. Лукьянова** (ГУ–ВШЭ, Москва), **Н.Д. Родина** (Городской центр профориентации и поддержки молодежи, Санкт-Петербург), **А.А. Вейхер** (Законодательное собрание Санкт-Петербурга)

Круглый стол «РЕФОРМЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ»

Председатель: **Е.И. Казакова** (Горчаковский лицей, Санкт-Петербург)

Л.Л. Любимов (ГУ–ВШЭ, Москва): *«Образовательная система России: какие реформы ей нужны»*

О.Е. Лебедев (Общественный институт развития школы, Санкт-Петербург): *«Барьеры реформирования системы общего образования»*

Г.А. Томчин (Всероссийская ассоциация приватизированных и частных предприятий): *«Оффшорные зоны для интеллекта»*

Участники дискуссии: **В.Н. Иванова** (Государственная Дума Федерального Собрания РФ), **О.В. Иванова** (Комитет по образованию Санкт-Петербурга), **Н.А. Заиченко** (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург), **Л.И. Полищук** (Центр исследований институциональных реформ и неформального сектора при Мэрилендском университете, США), **Б.Л. Рудник** (ГУ–ВШЭ, Москва), **А.И. Михайлушкин** (Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет), **Д.А. Александров** (Европейский университет), **Л.С. Ильюшин** (Комитет по образованию Санкт-Петербурга)

20 октября 2005 г., четверг

Круглый стол «КОГДА И ПОЧЕМУ РАБОТАЮТ ИЛИ НЕ РАБОТАЮТ ЗАКОНЫ»

Председатель: А.А. Яковлев (ГУ–ВШЭ, Москва)

В.В. Волков (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург): *«По ту сторону судебной реформы или почему законы работают не так, как должны»*

В.В. Радаев (ГУ–ВШЭ, Москва): *«Баланс принуждения и доверия в процессе легализации российского бизнеса»*

Г.А. Кавтарадзе (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов): *«О границах заимствований западного образца в России в XVIII веке»*

Участники дискуссии: **А.П. Заостровцев** (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов), **А.Г. Слуцкий** (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург), **Д. Травин** (Еженедельник «Дело»), **Т.Ю. Борисова** (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург), **Б.В. Миронов** (Санкт-Петербургский государственный университет)

Круглый стол «РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ»

Председатель: А.М. Ходачек (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург)

Л.М. Григорьев (Ассоциация независимых центров экономического анализа): *«Региональные различия и ключевые игроки в регионах»*

В.А. Шлямин (Торговое представительство России в Финляндии): *«Региональный аспект формирования внешнеэкономической стратегии на Севере Европы»*

Участники дискуссии: **М.Э. Осеевский** (Вице-губернатор Санкт-Петербурга), **Н.Ю. Одинг** (Леонтьевский центр), **Т.Ю. Борисова** (ГУ–ВШЭ, Санкт-Петербург), **Ф.А. Гаврилов** («Эксперт – Северо-Запад»)

Круглый стол «НАУКА И ИННОВАЦИИ»

Председатель: И.И. Елисеева (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов/Институт социологии РАН, Санкт-Петербург)

Б.Г. Салтыков (Ассоциация «Российский дом международного научно-технического сотрудничества»): *«Российские барьеры инновационной экономики»*

Е. Кузнецов (Институт Всемирного банка, Вашингтон): *«О влиянии инноваций на экономический рост»*

Участники дискуссии: **И.Р. Агамирзян** (Microsoft), **А.Д. Викторов** (Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга), **О.С. Ипатов** (Балтийский государственный технический университет), **Д.А. Александров** (Европейский университет), **Г.С. Сагиева** (ГУ–ВШЭ, Москва), **И.В. Гладких** (Региональный фонд научно-технического развития Санкт-Петербурга)

Круглый стол «РАЗВИТИЕ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ»

Председатель: Р.К. Варданян (ЗАО «Инвестиционная компания «Тройка-Диалог»)

В.С. Катькало (Санкт-Петербургский государственный университет): *«Бизнес-модели российских школ бизнеса и их международная конкурентоспособность»*

Г.Н. Константинов (ГУ–ВШЭ, Москва): *«Российские бизнес-школы: задачи образования для менеджеров, собственников и корпоративных директоров»*

Участники дискуссии: **О.С. Виханский** (Высшая школа бизнеса МГУ им. Ломоносова), **Л.В. Мургулец** (Стокгольмская школа экономики в России), **А.Э. Янчевский** (Международная школа менеджмента), **Ю.В. Молчанов** (Вице-губернатор Санкт-Петербурга по инвестициям), **И.П. Бойко** (Санкт-Петербургский государственный университет), **Ю.Д. Деревянко** (Международный банковский институт)

**Четвертая ежегодная научная конференция
Независимого института социальной политики
«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА»**

8–9 декабря 2005 г.

8 декабря, четверг

Открытие конференции. Малева Т.М., Директор НИСП: *«Социальная политика – в эпицентре экономической повестки»*

**Первое Пленарное заседание. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРВЫЕ УРОКИ**

Председатель: Аганбегян А.Г., академик РАН, АНХ при Правительстве РФ, зав. кафедрой экономической теории и политики, член Попечительского совета НИСП

Выступающие:

Мау В.А., ректор АНХ при Правительстве РФ: *Тема будет уточнена*

Васильев С.А., председатель комитета по финансовым рынкам и денежному обращению, член комиссии Совета Федерации по контролю за обеспечением деятельности Совета Федерации:
Тема будет уточнена

Стародубов В.И., заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ: *«Приоритеты развития здравоохранения»*

Мак Ки М., профессор Лондонской школы тропической медицины (Великобритания): *«Вызовы общественному здравоохранению»*

Батанов Г.Н., председатель Правления Пенсионного Фонда РФ: *Тема будет уточнена*

**Второе Пленарное заседание. СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: РЕФОРМЫ, ИНВЕСТИЦИИ,
РАЗВИТИЕ?**

Председатель: Маркес П., руководитель программ в области здравоохранения в России Всемирного банка

Выступающие:

Найговзина Н.Б., заместитель начальника Экспертного управления Администрации Президента РФ:
«Составляющие качества жизни и роль здравоохранения»

Атун Р., директор Центра менеджмента в здравоохранении Империл Колледжа (Великобритания):
«Роль первичной медицинской помощи в ответе на комплексные вызовы российскому здравоохранению»

Фидлер А., управляющий по здравоохранению региона стран Европы и Центральной Азии Всемирного банка: *«Функции политики общественного здоровья в ответе на комплексные вызовы российскому здравоохранению»*

Шишкин С.В., директор научных программ НИСП: *«Реформы в здравоохранении: региональное измерение»*

Круглый стол 1. СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: РЕФОРМЫ, ИНВЕСТИЦИИ, РАЗВИТИЕ?

Сопредседатели: Фигейрас Дж., научный директор Европейской Обсерватории систем здравоохранения, Хальфин Р.А., начальник Департамента развития медицинской помощи и курортного дела Минздравсоцразвития РФ

Выступающие:

Фигейрас Дж., научный директор Европейской Обсерватории систем здравоохранения: *«Развитие эффективной системы первичной медицинской помощи: системный подход»*

Филатов В.Б., заместитель директора Национального НИИ общественного здоровья РАМН: *«Основные тенденции развития российского здравоохранения в 2005 году»*

Шейман И.М., профессор ГУ–ВШЭ: *«Стратегии реорганизации первичной медицинской помощи»*

Шевский В.И., консультант Фонда «Здравконсалт»: *«Экономические механизмы реорганизации первичной медицинской помощи»*

Сессия 1. НАСЕЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМАХ: ЖЕРТВА, НАБЛЮДАТЕЛЬ, АКТОР?

Сопредседатели: Дмитриев М.Э., Научный руководитель фонда «Центр стратегических разработок», Топилин М.А., Руководитель Федеральной службы по труду и занятости

Выступающие:

Бирман И.: *«Уровень русской жизни»*

Тихонова Н.Е., заместитель директора по научной работе Института комплексных социальных исследований РАН: *«Динамика социальной стратификации»*

Серова Е.В., руководитель Научного направления «Исследования реального сектора», зав. лабораторией аграрной политики Института экономических проблем переходного периода: *«Перспективы повышения уровня жизни в сельской местности»*

Гимпельсон В.Е., директор Центра трудовых исследований ГУ–ВШЭ: *«Нетипичная занятость и рынок труда в России»*

Ибрагимова Д.Х., ведущий научный сотрудник НИСП: *«Индекс потребительских настроений в России»*

Сессия 2. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ

Сопредседатели: Аузан А.А., Президент института национального проекта «Общественный договор», Шишкин С.В., Директор научных программ НИСП

Выступающие:

Левинсон А.Г., зав. отделом социокультурных исследований Аналитического центра Юрия Левады: *«Высшее образование как ресурс и как норма»*

Рощина Я.М., доцент кафедры экономической социологии ГУ–ВШЭ: *«Дифференциация качественного высшего образования: чьи дети учатся в российских элитных вузах»*

Аврамова Е.М., заместитель директора института социально-экономических проблем народонаселения РАН: *«Поведение выпускников российских вузов на современном рынке труда»*

Зидерман А., профессор Университета Бар Илан (Израиль): *«Роль образовательных займов в повышении доступности высшего образования»*

Клячко Т.Л., директор Центра экономики непрерывного образования АНХ при Правительстве РФ: *«Функциональная дифференциация российской системы высшего образования»*

Круглый стол 2. РЕГИОНЫ РОССИИ ИЛИ РОССИЯ РЕГИОНОВ? ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Сопредседатели: Гонтмахер Е.Ш., научный руководитель Центра социальных исследований и инноваций, Зубаревич Н.В., директор региональной программы НИСП

Вступительный комментарий: «Институциональные особенности монетизации льгот в регионах», Гонтмахер Е.Ш., научный руководитель Центра социальных исследований и инноваций

Выступающие:

Кузнецова О.В., научный руководитель АНО «Институт региональной политики»: *«Социальная составляющая в региональной политике федеральных властей»*

Воронцова О.В., руководитель направления «Межбюджетные отношения» Центра фискальной политики: *«Социальные аспекты реформы межбюджетных отношений»*

Овчарова Л.Н., директор научных программ НИСП: *«Региональные особенности российской бедности»*

Александрова А.Л., директор направления «Социальная политика» фонда «Институт экономики города»: *«Монетизация региональных льгот: намерения и реальные действия региональных властей»*

Корчагина И.И., старший научный сотрудник института социально-экономических проблем народонаселения РАН: *«Монетизация льгот и детские пособия: опыт отдельных регионов»*

Заключительный комментарий. Зубаревич Н.В., директор региональной программы НИСП: «Почему такими разными оказались варианты монетизации льгот в регионах?»

9 декабря, пятница

Сессия 3. БИЗНЕС КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ДОЛЖНИК, БЛАГОДЕТЕЛЬ, ПАРТНЕР?

Председатель: Голодец О.Ю., заместитель Генерального директора ОАО «ГМК «Норильский никель» по персоналу и социальной политике

Выступающие:

Чирикова А.Е., ведущий научный сотрудник Института социологии РАН: *«Социальная роль бизнеса: региональная проекция»*

Зубаревич Н.В., директор региональной программы НИСП: *«Крупный бизнес в регионах и городах России: пространство социальной политики»*

Черныш М.Ф., ведущий научный сотрудник Института социологии. РАН: *«Социальная ответственность бизнеса в представлениях населения»*

Паппэ Я.Ш., главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: *«Социальная ответственность российского бизнеса: корпоративная гражданство или плата за ярлык».*

Перегудов С.П., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН: *«Корпоративное гражданство и социальная ответственность бизнеса»*

Сессия 4. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ, МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ

Председатель: Суринов А.Е., Заместитель руководителя Росстата

Выступающие:

Викат А., руководитель Департамента народонаселения Европейской экономической комиссии ООН.
«Программа “Поколения и гендер” : Инновационный путь продвижения полученных знаний в процессе принятия политических решений»

Захаров С.В., зав. лабораторией Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: *«Новейшие тенденции формирования семьи и рождаемости в России»*

Синявская О.В., заместитель директора НИСП: *«Модели принятия решений и распределение домашних обязанностей в российских семьях»*

Денисова И.А., ведущий экономист Центра экономических и финансовых разработок: *«Стратегии российских семей на рынке труда»*

Ниворожкина Л.И., зав. кафедрой статистического моделирования и прогнозирования Ростовского государственного экономического университета: *«Детерминанты продолжения работы после выхода на пенсию»*

Шпилауэр М., научный сотрудник института демографических исследований Макса Планка :
«Контекстуальные базы и их использование в анализе данных социально-демографических обследований»

Круглый стол 3. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ, МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ
(продолжение)

Председатель: Вишневский А.Г., академик РАН, руководитель Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Выступающие:

Збарская И.А., начальник управления статистики населения Государственного Комитета Российской Федерации по статистике: *«Социально-демографический портрет домохозяйства (семьи) через призму Всероссийской переписи населения 2002 года»*

Бирман А.: *«Проблемы стариков в Америке и России»*

Магун В.С., зав. сектором социологии личности Института социологии РАН: *«Динамика трудовых ценностей российского населения: 1991–2004 гг.»*

Елисеева И.И., член- корреспондент РАН, директор Петербургского филиала Института социологии РАН: *Тема будет уточнена*

Попова Д.О., старший научный сотрудник НИСП: *«Бедность детей в России»*

Сессия 5. СОЗДАНИЕ ОБЩЕДОСТУПНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АРХИВА: ИТОГИ ПЯТИЛЕТНЕЙ РАБОТЫ

Председатель: Заславская Т.И., академик РАН, АНХ при Правительстве РФ

Выступающие:

Хахулина Л.А., заместитель директора Аналитического центра Юрия Левады: *«Основные этапы становления российского общедоступного архива социологических данных»*

Косова Л.Б., директор архивной программы НИСП: *«Современное состояние Единого архива социологических данных»*

Юдина Т.Н., Добров Б.В., Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М.В. Ломоносова: *«Система автоматизированного индексирования социологических анкет»*

Телешова И.Г., заместитель декана экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: *«Значение и перспективы Единого Архива социологических данных в подготовке будущих экономистов в МГУ»*

Стукен Т.Ю., доцент Омского государственного университета: *«Использование Единого архива социологических данных в учебном процессе: проблемы и перспективы»*

Сессия 6. ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ К ЕДИНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Председатель: Хахулина Л.А., заместитель директора Аналитического центра Юрия Левады

Выступающие:

Бойко Э., президент IASSIST: *«Навстречу глобальному доступу к данным: Вклад IASSIST»*

Гранда П., заместитель директора ICPSR: *«Лучшие практики комплектования архивов данных по социальным наукам»*

Хаусштайн Б., Центральный архив эмпирических данных: *«Сравнительные исследования и описание данных: перспективы вторичного анализа»*

Бедхам Х., Архив данных по социальным наукам Великобритании: *«Национальные архивы и IASSIST»*

Сессия 7. ЭЛЕКТРОННЫЕ АРХИВЫ ДАННЫХ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ – НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ

Сопредседатели: Бойко Э., президент IASSIST, Малева Т.М., директор НИСП

Выступающие:

Сатаров Г.А., президент Фонда ИНДЕМ: *«Социологические исследования как источник данных о коррупции»*

Суринов А.Е., заместитель руководителя Росстата: *Тема будет уточнена*

Левада Ю.А., директор Аналитического центра Юрия Левады: *Тема будет уточнена*

Стовба В.В., Митюшин А.А., координаторы НИСП: *«Ретроспективный анализ массовых стереотипов в области социальной политики»*

Конференция проводится при финансовой поддержке Фонда Форда